

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

ИНКИН Виктор Владимирович

**СООБЩЕСТВА ВЕТЕРАНОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И
ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ОТ КОНФЛИКТА К
ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ.
1930 – 1939 ГГ.**

Научная специальность: 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
В.В. Миронов,
доктор исторических наук, доцент

Тамбов – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ВETERАНСКИЕ НАРРАТИВЫ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА	49
1.1. Формирование официального «канона» памяти о Первой мировой войне в Великобритании	51
1.2. Ветеранская память в условиях конкуренции образов Первой мировой войны в британском обществе 1930-х гг.	79
ГЛАВА 2. БРИТАНСКИЙ ЛЕГИОН КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ВETERАНАМИ И ГОСУДАРСТВОМ	147
2.1. Структура, численность и основные направления деятельности Британского легиона по отношению к ветеранам Первой мировой войны и членам их семей	148
2.2. Ветераны, Британский легион и проблемы внутренней политики в 1930-е гг.	168
2.3. Внешнеполитические аспекты деятельности Британского легиона: от самостоятельных международных контактов к выполнению важных правительственных поручений	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	235
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	244
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	279

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется фундаментальной проблемой, связующей исторический опыт XX в. с вызовами современности: как травма тотальной войны трансформируется в коллективную память и политическое действие? Первая мировая война стала для британцев «Великой» не столько из-за масштаба побед, сколько из-за размера потерь, сломавших привычный мир и породивших «потерянное поколение» – миллионы людей, прошедших через ужас индустриального убийства и вернувшихся в общество, которое оказалось неспособным ни понять их опыт, ни обеспечить им достойное существование.

В этой связи центральная проблема исследования заключается в анализе трагической диалектики коллективной травмы: каким образом пережитое насилие трансформируется либо в источник ненависти и реваншизма, подпитывающий радикальные идеологии, либо в действенный урок гуманизма. Стоявший перед Великобританией 1930-х гг. вопрос о том, как общество, столкнувшееся с беспрецедентным насилием, может предотвратить его повторение, актуален и сегодня. Эскалация локальных конфликтов и рост числа их ветеранов вновь обретает пугающую остроту, что выводит исследование за рамки сугубо академического анализа в поле текущей социально-политической проблематики.

Рассмотрение социокультурных аспектов истории Первой мировой войны, связанных с формированием исторической памяти, занимает в настоящее время одно из ведущих мест в мировой исторической науке. При этом речь не идёт об охвате настоящим исследованием лишь территории Британских островов. Данный подход критиковался британским историком Д. Уинтером, который справедливо указывал на то, что в выдающемся труде его французского коллеги П. Нора отсутствовало сопоставление полученных результатов с другими странами¹. Поэтому в данном исследовании целесообразно, используя британский материал,

¹ Уинтер Дж. Места памяти, места скорби. Первая мировая война в культурной истории Европы / Джей Уинтер ; пер. с англ. А. В. Глебовской ; науч. ред. Б. И. Колоницкий. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 9.

осветить события социально-экономической и политической истории Великобритании 1930-х гг. через призму памяти о Первой мировой войне в тесной взаимосвязи внутренней обстановки в самой Великобритании и в мире в совокупности факторов.

Опыт Первой мировой войны стал для её участников не просто военной кампанией, а крушением самого героического идеала: смерть перестала быть результатом доблестной схватки и превратилась в случайный, анонимный итог артиллерийских обстрелов, заставлявший солдат ощущать себя не воинами, а беспомощными жертвами обезличенной военной машины.

Ветераны Первой мировой войны в Великобритании стали особой социальной группой в межвоенные годы, а их сообщества, формальные и неформальные, пользовались непререкаемым авторитетом в британском обществе. Выдвигаемые ими требования социальной справедливости и подлинного признания их заслуг вступали в неизбежный конфликт с институтами власти, стремившимися использовать ритуалы памяти для легитимации собственной политики. Анализ этого конфликта, проведенный в диссертации, позволяет не только реконструировать конкретно-историческую ситуацию в Великобритании межвоенного периода, но и выявить универсальные механизмы взаимодействия между травмированными фронтовиками и государством.

В этой связи важно изучить, как в условиях надвигавшейся новой мировой войны ветераны участвовали в формировании исторической памяти и какую роль играли в общественно-политической жизни Великобритании.

Предлагавшееся ветеранами ретроспективное видение причин, хода и значения первого в истории человечества глобального конфликта, не совпадавшее зачастую с его официально утвержденной версией, способствовало консолидации ветеранского движения как крупнейшей общественно-политической силы 1930-х гг., которую пытались использовать в собственных интересах, как британское правительство, так и вступившие в конфронтацию с ним левые и фашистские организации.

В диссертационной работе важное место занимает также попытка дать ответ на вопрос о том, какие настроения в британском обществе 1930-х гг. вызывала историческая память о «Великой войне» – периоде, предшествовавшему новой мировой войне. Был ли это в большей степени негативный отклик, смешивавшийся с антивоенными лозунгами, пацифизм, выражавший печаль о погибших и упадок духа, или милитаризм, пересекавшийся с героической риторикой?

Другим важным моментом является объяснение того противоречия, почему в стране, которая прочувствовала на себе последствия мировой войны, не нашлось общественных сил, которые смогли бы противостоять развязыванию новой. Сопоставление различных источников позволяет, уяснив суть нарративов британских ветеранов и общества о Первой мировой войне, попытаться ответить на эти вопросы.

Важность изучения избранной темы объясняется также тем, что опыт исторического прошлого содержит богатый материал, касающийся описанных выше аспектов, которые могут быть полезными в условиях текущего момента, когда в связи с увеличением числа военных конфликтов в мире неминуемо вырастет количество ветеранов войн. В этом отношении работа призвана обобщить опыт использования нарративов исторической памяти для воздействия на общественное мнение, формирования лояльности в условиях военной мобилизации общества. В 2024 г. отмечалась 110-я годовщина начала Первой мировой войны, а в 2025 г. 80-летие окончания Второй мировой войны, в связи с чем целесообразно рассмотреть как залечивались раны Первой мировой и ковался меч Второй мировой войн. В этом отношении по-прежнему представляет научный интерес проблема ответственности Великобритании, следовавшей во второй половине 1930-х гг. курсом политики умиротворения, за развязывание Второй мировой войны, а также возможности общественных сил (в частности, ветеранских организаций) предотвратить надвигавшийся вооружённый конфликт.

Степень изученности темы. Всю совокупность научных трудов по теме диссертации целесообразно разделить на несколько тематических блоков.

1. Общие и специальные исследования по истории Великобритании в межвоенный период.

Изучение особенностей социально-экономического положения и эволюции представлений британских ветеранов Первой мировой войны в межвоенный период является важной темой в историографии, разработкой которой занимались многие зарубежные и отечественные исследователи.

Анализ общих работ по социально-экономической и политической истории Великобритании необходим для реконструкции макроконтекста – тех объективных условий (экономический кризис, безработица, политика умиротворения), в которых существовали ветераны и с которыми они вынуждены были взаимодействовать. Отечественные и зарубежные исследователи оставили обширное историографическое наследие о последствиях Первой мировой войны для социально-экономической, социокультурной, внутри- и внешнеполитической истории Великобритании между двумя мировыми войнами². В зарубежной историографии уже давно закрепились клише «самоубийство Европы», когда речь заходит о процессах, которые запустила «Великая война»³.

Богатый статистический материал об ущербе, причиненном войной воюющим странам, был проанализирован ещё в 1934 г. Институтом мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической академии⁴. Размер демографических потерь, понесенных участвовавшими в войне государствами, в том числе Великобританией, был оценен в отечественной исторической науке доктором экономических наук Б.Ц. Урланисом⁵. Рассмотрено изменившееся положение Великобритании в мировой экономике, установлена её ключевая роль в политике умиротворения агрессора⁶. Прослежена взаимосвязь между

² Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. – Москва : Соцэкгиз, 1958. – 592 с.; Мортон А. Л. История Англии. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1950. – 464 с.

³ Hochschild A. Der Große Krieg: Der Untergang des alten Europa im Ersten Weltkrieg 1914–1918. – Bonn : Bpb, 2014. – 525 s.

⁴ Мировая война в цифрах / Коммунистическая акад. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики. – Москва ; Ленинград : ОГИЗ ; Гос. воен. изд-во, 1934. – 127 с.

⁵ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв.: (Ист.-стат. исследование). – С. 139–179.

⁶ Ерофеев Н. А. Закат Британской Империи. – Москва : Мысль, 1967. – 280 с.

последствиями Великой депрессии и антисоветской политикой Форин-офис, ставившей крест на создании системы коллективной безопасности⁷.

В специальных трудах по истории Великобритании в межвоенный период, в том числе выполненных в жанре политической биографии⁸, предметом исследования становились нередко те социально-экономические последствия Первой мировой войны и мирового экономического кризиса 1929-1933 гг., которые в период между двумя мировыми войнами повлияли на эволюцию теории и практики основных политических партий Великобритании⁹, дали толчок развитию рабочего движения¹⁰, выработке и осуществлению внешнеполитического курса «невмешательства»¹¹ и умиротворения «агрессора»¹², трансформации структуры Британской империи¹³, включая реформирование системы управления Британской Индией¹⁴. Российские историки детально осветили военно-доктринальный и внешнеполитический аспекты обеспечения

⁷ Красильников А. Н. Политика Англии в отношении СССР. 1929-1932 гг. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 307 с.

⁸ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. – 3-е изд. – Москва : Междунар. отношения, 1982. – 464 с.; Он же. Антони Иден. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Междунар. отношения, 1983. – 412 с.; Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. – Москва : Мысль, 1990. – 541 с.

⁹ Мочульский Н. Ф. Кризис лейбористской партии в 1931 году. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 233 с.; Милибенд Р. Парламентский социализм. Исследование политики Лейбористской партии. – Москва : Прогресс, 1964. – 508 с.; Рахшмир П. Ю. Происхождение фашизма. – Москва : Наука, 1981. – 184 с.; Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. – Москва : Наука, 1987. – 192 с.; Большаков А. П. Британские консерваторы и фашизм: эволюция взаимоотношений, 1918-1939 гг. / А. П. Большаков. – Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. – 356 с.; Суслопарова Е. А. Эволюция Лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х гг. XX века / Е. А. Суслопарова ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 362 с.

¹⁰ Гурович П. В. Английское рабочее движение накануне второй мировой войны / АН СССР. Ин-т истории. – Москва : Наука, 1967. – 359 с.; Мочульский Н. Ф. Рабочее движение в Англии накануне второй мировой войны (1934–1939 гг.). – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 352 с.; Прокопов А. Ю. Битва на Кейбл-стрит // Вопросы истории. – 1986. – № 10. – С. 183–187; Он же. Коминтерн, британские левые радикалы и парламент в 1920-1930-х годах // Новая и новейшая история. – 2016. – № 6. – С. 17–32.

¹¹ Малай В. В. Судьба республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских дипломатических отношений в канун Второй мировой войны. – Белгород : Изд-во БелГУ, 1999. – 152 с.; Она же. Гражданская война в Испании 1936-1939 годов и Европа. Международные аспекты конфликта. – Москва : Изд-во «Наука», 2011. – 290 с.

¹² Демидов С. В. Европейская политика и дипломатия Великобритании в 1933-1939 гг. / С. В. Демидов. – Рязань : Рязан. гос. пед. ун-т, 2001. – 220 с.; Он же. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков: коллективная монография / А. И. Минаев, И. М. Эрлихсон, Л. П. Репина, С. В. Демидов, Ю. И. Лосев, И. К. Лапшина, О. В. Захарова. – Рязань : Издательство «Концепция», 2017. – С. 98–136; Капитонова Н. К. Невилл Чемберлен и политика «умиротворения» // Новая и новейшая история. – 2018. – № 4. – С. 176–204.

¹³ Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.) / В. В. Грудзинский. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1996. – 310 с.

¹⁴ Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. – Москва : Наука, 1976. – 268 с.; Райков А. В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905-1930 гг. – Москва : Наука, 1979. – 270 с.; Он же. Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии / А. В. Райков. – Москва : Наука, 1985. – 133 с.; Сагимбаев А. В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. – Москва : ЦИОГНИС, 2018. – 528 с.

внутренней безопасности Британской империи в 1930-е гг.: эволюцию антиповстанческих подходов, межведомственные противоречия, советскую угрозу и кризис колониальной системы¹⁵. Однако социальное измерение – роль ветеранских организаций как самостоятельного актора в обсуждении и реализации имперской политики безопасности – остаётся за рамками этих исследований.

Сделаны обоснованные выводы о целенаправленной политике Национального правительства, возлагавшего во второй половине 1930-е гг. надежды на Германию по разгрому СССР, а также использовании германского нацизма для подавления рабочего и демократического движения в странах Европы¹⁶. В условиях предвоенного кризиса 1939 г. историческая память о Первой мировой войне глубоко влияла на политику, общественные настроения и моральные дилеммы Великобритании. С одной стороны, пацифистское крыло лейбористов, движимое памятью об ужасах Первой мировой, поддержало Мюнхенское соглашение 1938 г. как необходимую плату за избежание новой войны, а с другой – основная часть партии, также помня о прошлой войне, критиковала сделку с А. Гитлером как предательство и опасное потакание агрессии, способное привести к ещё более масштабному конфликту¹⁷.

Справедливо обращено внимание отечественных исследователей на рост правого радикализма в межвоенный период как одно из последствий Первой мировой войны¹⁸. Важная составляющая общества в послевоенный период – социально-психологический климат, особенности которого попали также в поле зрения исследователей¹⁹. Несмотря на рост антивоенных настроений в

¹⁵ Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны / С. Г. Малкин, Е. Ю. Сергеев, А. Б. Ларин [и др.]. – Самара : Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 2024. – 270 с.

¹⁶ Поздеева Л. В. Англия и ремилитаризация Германии. 1933-1936 / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 270 с.

¹⁷ Суслопарова Е. А. Реакция лейбористской партии Великобритании на Мюнхенское соглашение 1938 года // *Interbellum XX столетия: от Рапалло до Мюнхена: материалы Третьей всероссийской научной конференции* (Липецк, 22 апреля 2022 г.). – Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – С. 129–135.

¹⁸ Жигалов И. И. Фашизм в Англии между мировыми войнами: генезис, характер, специфика // *Вопросы истории*. – 1984. – № 12. – С. 32–43.

¹⁹ Сыч А. И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны [1914-1918] // *Вопросы истории*. – 2001. – № 11-12. – С. 109–113.

Великобритании пацифистским организациям («Союз поддержки Лиги Наций», «Союз клятвы мира») не удалось из-за внутренних расколов сохранить своё влияние в 1930-е гг. Правительство стремилось учитывать настроения в обществе, однако исследователи не склонны все же усматривать прямую взаимосвязь между курсом политики умиротворения и влиянием пацифистов²⁰.

Британский историк «новой» консервативной волны, профессор Гарвардского университета в США, Н. Фергюсон уделил внимание культуре военного и послевоенного периода, обратившись к темам милитаризма и пацифизма²¹. Американские исследователи Л. Бирс и Г. Томас, рассмотрев процесс развития британской нации в межвоенный период, сделали вывод о том, что ветеранов Первой мировой войны рассматривали как потенциальную социальную угрозу, источник внутривластной дестабилизации²². «Человек с ружьём» как новое массовое явление стало в новинку для гражданских, что создало феномен «брутализованного общества», где шрамы одной войны порождали фаталистическое ожидание другой.

Зарубежный исследователь А. Сирл обратил внимание, что британские ветераны Первой мировой войны, особенно офицеры, играли значительную роль в ультраправых группах 1930-х гг. Их мотивация была тесно связана с памятью о войне, антибольшевизмом и страхом перед новым конфликтом. Используя знакомства, завязавшиеся на военной службе, и тайные каналы связи, они пытались влиять на политику, но в конечном итоге были подавлены государством²³. Эти выводы важны для понимания того, как ветераны становились акторами внутренней политики и исторической памяти.

²⁰ Мезенцев В. Ф. Идеология и политика английских пацифистов в межвоенный период // *Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв.* – № 6. – Сер. Альбионика. Вып. 3. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 122–133; Бросова Н. З., Антонов Е. А. Проблемы послевоенного мироустройства и войны в общественном мнении Великобритании конца 20 – первой половины 30-х годов XX века // *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика.* – 2010. – № 13, вып. 15. – С. 93–101.

²¹ Фергюсон Н. Горечь войны: новый взгляд на Первую мировую / Нил Фергюсон ; пер. с английского Е. Губницкого и И. Кригера. – Москва : АСТ : Corpus, cop. 2019. – 635 с.

²² Beers L., Thomas G. *Brave new world: imperial and democratic nation-building in Britain between the wars.* – London : Institute of Historical Research, 2012. – 296 p.

²³ Searle A. 'Mind Britain's business'. *Fascist splinter groups, British officers and resistance to war against Germany, 1937-1941* // *Geheime Netzwerke im Militär 1700-1945* / hrsg. von G. Gahlen, D.M. Segesser, & C. Winkel. – Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2016. – P. 184–203.

Специализирующийся на изучении ультраправых организаций британский (валлийский) историк Р. Гриффитс показал, что память о Первой мировой войне в Великобритании 1930-х гг. не была монолитной. Она была травматическим, но пластичным наследием, которое по-разному интерпретировалось различными политическими силами. Для многих ветеранов и широкой публики она означала необходимость мира, что порождало симпатии к Германии и оправдание нацизма. Для других, особенно для радикально настроенных ветеранов, разочарованных демократическим устройством политической системы, та же память делала привлекательными авторитарные и корпоративистские модели, которые, как им казалось, предлагали Германия и Италия. Эта сложная и противоречивая память стала ключевым фактором, определившим первоначальные реакции британского общества на возвышение в 1930-е гг. нацистской Германии²⁴.

На основе выводов диссертационного исследования А.Р. Лакеевой о Нормане Эйнджелле²⁵ можно утверждать, что память о Первой мировой войне и судьба ветеранов были центральным элементом, сформировавшим антивоенные настроения в Великобритании 1930-х гг. Эта память породила мощное движение за мир, но его характер эволюционировал от пацифистского консенсуса, основанного на травме и лозунге «Никогда снова!», к болезненному осознанию частью общества необходимости военного противостояния агрессорам для предотвращения новой, ещё более страшной катастрофы.

2. Общие подходы к изучению социально-психологических последствий войн в рамках военной антропологии.

Наличие разработанного методологического аппарата военной антропологии позволяет перейти от макроанализа к изучению микроуровня – личного травматического опыта ветеранов, который определял их послевоенные запросы по отношению к государству. Становление в конце XX в. – начале XXI в.

²⁴ Griffiths R. Fellow travellers of the right: British enthusiasts for Nazi Germany, 1933-9 / Richard Griffiths. – Oxford etc. : Oxford univ. press, 1983. – 406 p.

²⁵ Лакеева А. Р. Норман Эйнджелл и развитие пацифистского движения в Великобритании: 1900-1930-е годы : диссертация ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Омск, 2006. – 289 с.

военной антропологии, вобравшей в себя благодаря усилиям Е.С. Сеньявской²⁶, по праву считающейся основателем российской школы военно-антропологических исследований, наряду с богатым отечественным опытом лучшие междисциплинарные традиции зарубежного гуманитарного знания, позволило плодотворно применять выработанные новой исторической дисциплиной концепции и подходы к изучению проблем западноевропейской и американской военной истории. Что касается диссертационной темы, то процесс травматического воздействия военных действий на морально-психологическое состояние военнослужащих британской армии в годы Первой мировой войны нашёл освещение в кандидатских диссертациях Ю. Ю. Хмелевской²⁷ и И.В. Смирновой²⁸. В том же ключе был проанализирован фронтовой опыт британских солдат Д.С. Ткаченко²⁹. Заслуживает внимания также предпринятая Е.А. Суслопаровой попытка рассмотреть влияние фронтового опыта на дальнейшую научную и политическую карьеру видного британского историка и идеолога лейбористской партии Р.Г. Тоуни, внесшего весомый вклад в разработку доктрины этического социализма³⁰.

3. Культурная память и коммеморация Первой мировой войны в Великобритании.

Теоретические основания и особенности политики памяти в Великобритании межвоенного времени проанализировала в отечественной историографии Т.А. Смирнова³¹. Разработанные исследователями

²⁶ Сеньявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с.; Она же. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 288 с.; Она же. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. – 2018. – Т. 24. – С. 10–43.

²⁷ Хмелевская Ю. Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии, 1914–1918 гг. : диссертация ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Пермь, 2000. – 257 с.

²⁸ Смирнова И. В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914–1918 гг. : диссертация ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Москва, 2011. – 334 с.

²⁹ Ткаченко Д. С. Первая мировая война глазами британских солдат // Новая и новейшая история. – 2014. – № 6. – С. 62–71.

³⁰ Суслопарова Е. А. Ранняя история лейбористской партии Великобритании в портретах её деятелей : монография / Е. А. Суслопарова. – Москва : МАКС Пресс, 2019. – 352 с.

³¹ Смирнова Т. А. Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 98–101; Она же. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в

концептуальные рамки позволяют перейти от анализа общих закономерностей к изучению конкретных коммеморативных практик и их роли в диалоге между ветеранами и властью.

Методологическую основу изучения коммеморации заложил британский историк-марксист Э. Хобсбаум концепцией «изобретения традиции»³². Применительно к Первой мировой войне ключевым является понятие «культуры победы», принадлежащее ирландскому исследователю Дж. Хорну. Оно исходит из того, что британская память изначально формировалась как «память победителей»³³. Фундаментальный вклад в её изучение внес британский исследователь Д. Уинтер, показавший в своих работах, как война, отразившись в памятниках, литературе и личных переживаниях³⁴, стала переломным моментом, изменившим не только политику, но и культурные традиции Европы³⁵. Другой британский исследователь Д. Рейнольдс развил этот тезис. В крупном исследовании он высказал ту мысль, что Первая мировая война подобно «длинной тени» во многом определила ход и последствия Второй мировой³⁶.

В работах Дж. Моссе, П. Фасселла и А. Грегори коммеморация предстает не как единый ритуал, а как поле напряженной борьбы между официальным нарративом и опытом фронтовиков, где ветераны выступали не пассивными объектами памяти, а её активными (хотя и не всегда услышанными) интерпретаторами. Американский исследователь, еврей-эмигрант из нацистской Германии Дж. Моссе показал, что официальный культ павших (День Поминовения, церемонии у мемориалов) создавал героический миф, который, помогая ветеранам справляться с травмой, одновременно игнорировал сложность

Великобритании 1918-1939 г. // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 95–98.

³² Хобсбаум Э. Изобретение традиции // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.

³³ Хорн Дж. Защитить победу: военизированная политика во Франции. 1918-1926 годы. Контрпример // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923. – Москва : Новое Литературное Обозрение, 2014. – С. 109–126; Horne J. Demobilizing the mind: France and the legacy of the Great War, 1919-1939 // French History and Civilization. – 2009. – Vol. 2. – P. 101–119.

³⁴ Уинтер Дж. Указ. соч. – 392 с.

³⁵ Уинтер Джей. Война, память, воспоминание // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 5–15; Beyond memory: silence and the aesthetics of remembrance / ed. by A. Dessingué, J. Winter. – Abingdon, N.Y. : Routledge, 2016. – 232 p.; Winter J. War beyond words: languages of remembrance from the Great War to the present. – Cambridge, N.Y. : Cambridge University Press, 2017. – 234 p.

³⁶ Reynolds D. The long shadow: the Great War and the twentieth century. – London : Simon&Schuster, 2013. – 519 p.

и ужасы войны, подменяя реальность идеализированным нарративом³⁷. Американский историк культуры П. Фасселл, исследуя произведения художественной литературы писателей-фронтовиков, выявил механизм иронии как способ дистанцироваться от травмы и осудить лицемерие официальной риторики; воспоминания о войне искажались, а ветераны чувствовали себя одинокими и отчужденными в послевоенном обществе³⁸. Другой американский историк А. Грегори на примере «Дня Перемирия» проследил, как одно и то же событие становилось ареной для различных интерпретаций: от скорби к пацифизму, а затем и к милитаристской пропаганде. Ветераны были активными участниками этих процессов, но их голос не всегда находил отклик³⁹.

Принципиально важным для понимания механизмов коммеморации является вопрос о соотношении национального и локального уровней коллективной памяти.

В исследованиях британского историка М. Коннелли были рассмотрены практики коммеморации Первой мировой войны на примере районов Восточного Лондона (Ист-Энда)⁴⁰ и сделаны выводы о том, что установленные там мемориалы погибшим не были заслонены в общественной памяти влиянием Второй мировой войны. Историк показал, как память о войне сохранялась и трансформировалась в одном из ключевых районов Лондона. Приводимые им данные демонстрируют, что коммеморация войны – не статичный, а динамичный и многогранный процесс, тесно связанный с местными контекстами и историческими изменениями. Автор установил, как местные жители, ветераны, семьи погибших и общественные организации участвовали в сохранении памяти о войне. М. Коннелли показал, как память о войне была тесно связана с местной идентичностью и историей.

³⁷ Mosse G. *Fallen soldiers: reshaping the memory of the world wars*. – New York : Oxford University Press, 1990. – 264 p.

³⁸ Фасселл П. *Великая война и современная память*. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2016. – 470 с.; Fussell P. *The Great War and modern memory*. – New York : Oxford University Press, 1975. – 384 p.

³⁹ Gregory A. *The silence of memory: Armistice Day, 1919-1946*. – Oxford ; Providence, USA : Berg, 1994. – 256 p.

⁴⁰ Connelly M. *The commemoration of the Great War in the city and East London, 1916-1989*. – London : Queen Mary University of London Theses, 1995. – 274 p.

Британский историк Э. Оуэнс раскрыл процесс формирования имиджа королевского двора в глазах общества посредством средств массовой информации⁴¹. Исследователь обратил внимание на привлечение к этому процессу ветеранов и коммеморативных практик, связанных с «Великой войной». В указанном контексте выполнен также ряд отечественных исследований⁴².

Благодаря изысканиям отечественных и зарубежных историков стало возможным выявить точнее сущностные черты образов Первой мировой войны в коллективной памяти, эволюционировавших от сакрализации к героизации.

В современной российской историографии постепенно происходит становление исследований, посвященных формированию коллективной памяти о Первой мировой войне в Великобритании межвоенного времени⁴³. Е.В. Романова проанализировала периоды развития представлений британцев о войне с учетом смены историографических парадигм и свойственных тем или иным историческим периодам нарративов⁴⁴. Указанное исследование показало наличие тесной связи между исторической памятью и внешней политикой Великобритании в межвоенный период. Проблемы межвоенной истории Великобритании, связанные с формированием памяти о «Великой войне» и с коммеморативными практиками, нашли освещение в работах исследователей ТГУ имени Г.Р. Державина К.В. Акулинина и Д.О. Немцова. В них прослежена динамика коллективной памяти о Первой мировой войне в Великобритании 1920-х гг.⁴⁵ и раскрыты особенности одной из ведущих коммеморативных практик

⁴¹ Owens Ed. The family firm: monarchy, mass media and the British public, 1932-53. – London : University of London Press, 2019. – 444 p.

⁴² Ульянов П. В. Памятники Первой мировой войны в Лондоне и их культурно-историческое значение для формирования имиджа региона // Алтайская школа политических исследований : [сайт]. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18902> (дата обращения: 06.08.2024); Добровольский В. Ю., Наумов А. В. Англосаксонские страны. Справедливая война // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О. В. Петровской. – Москва : РИСИ, 2014. – С. 88–117.

⁴³ Смирнова Т. А. Память о Первой мировой войне в современной англоязычной историографии: между опытом и нарративом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2018. – № 4. – С. 68–71.

⁴⁴ Романова Е. В. Эволюция британских представлений о Первой мировой войне // Перспективы. Электронный журнал. – 2019. – № 1. – С. 92–103; Она же. Образ Великой войны в памяти британцев и общественные настроения в 1920-1930-е гг. // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.) / отв. ред. О. В. Белоусова, Е. С. Сенявская. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – С. 233–242.

⁴⁵ Акулинин К. В. Коллективная память о Первой мировой войне в Великобритании в межвоенный период. К постановке проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (132). – С.

межвоенного периода на примере работы «Имперской комиссии по воинским захоронениям»⁴⁶. В.О. Цуканова рассмотрела генезис идеи ставшего в межвоенные годы общенациональным символом скорби по погибшим в Первой мировой войне британцам искусственного цветка мака и практику его массового промышленного изготовления⁴⁷. Возникновение ежегодного поминального ритуала у лондонского Кенотафа и вносившиеся в него на протяжении 1920-1930-х гг. изменения стали предметом исследования А.И. Буман⁴⁸.

Исследования, посвященные разнообразным коммеморативным практикам, делают возможным осветить процесс формирования публичного образа ветерана. Анализ этих работ позволяет автору диссертации поставить вопрос о конфликте нарративов: как официальный героический дискурс соотносился с травматическим опытом «окопной правды» и как ветераны через Британский легион участвовали в этом коммеморативном диалоге с властью.

4. Память британских ветеранов о Первой мировой войне, проблемы социального обеспечения и медицинской реабилитации инвалидов в 1930-е гг.

Одним из ключевых вопросов в изучении послевоенного положения ветеранов является соотношение между декларирувавшейся государством заботой о «жертвах войны» и реальным объёмом предоставлявшейся им социальной поддержки. В историографии этот вопрос решается через анализ конкретных социальных практик и институтов. Компаративный подход позволяет выявить национальную специфику: германский историк Н. Леффельбайн показал, что в Великобритании и Франции инвалиды войны чествовались и поддерживались

163–168; Он же. Память английских участников Первой мировой войны о Западном фронте : 1914 – конец 1920-х гг. : диссертация ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Акулинин Константин Владимирович ; [место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. – Тамбов, 2016. – 180 с.

⁴⁶ Немцов Д. О. Принцип равенства Имперской комиссии по воинским захоронениям Великобритании на примере погребения члена королевской семьи // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2023. – № 18 (20). – С. 81–91; Он же. Имперская комиссия по воинским захоронениям в Великобритании в межвоенный период: институционализация и деятельность : научный доклад : 46.06.01 Исторические науки и археология: Всеобщая история (новая и новейшая история) / Д. О. Немцов ; ТГУ им. Г. Р. Державина ; науч. рук. д.и.н., проф. В. В. Миронов. – Тамбов, 2023. – URL: <https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/vkr14194.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴⁷ Цуканова В. О. Мак как символ памяти Великой войны в Великобритании // Глобальные вызовы и актуальные рецепции в исторических нарративах XX-XXI вв.: Сб. науч. статей / под общ. ред. Н. В. Ростиславлевой. – Москва : РГГУ, 2024. – С. 58–65.

⁴⁸ Буман А. И. День Перемирия: Лондонская церемония у кенотафа // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. – № 15. – Сер. Интеллектуальная история. Вып. 6. – Екатеринбург : УрГПУ, 2024. – С. 169–184.

(включая благотворительность через «мак памяти»), тогда как в Германии они олицетворяли военное поражение и не получали должного внимания⁴⁹. При этом, по наблюдениям британского историка Д. Стивенсона, отработанные в годы войны механизмы социального маневрирования правящие круги Британии активно использовали и в 1930-е годы⁵⁰.

Важное направление дискуссии о характере восприятия войны задал британский исследователь Д. Тодман. Критически анализируя популярные мифы, он доказывал, что представления о тотальной бессмысленности войны и всеобщем страдании сформировались уже под влиянием художественной литературы и кино, тогда как реальный фронтовой опыт был разнообразнее, и многие ветераны гордились своей службой⁵¹. Однако Д. Тодман недооценивает роль правящих кругов в формировании нужного им нарратива для сохранения существующего строя. Близкую Д. Тодману позицию занимает Б. Бонд, опровергавший тезис о доминировании антивоенных настроений среди фронтовиков⁵².

На германском материале российский исследователь С.В. Артамошин обратился к послевоенному литературному творчеству Э. Юнгера⁵³. Выводы историка предоставляют готовую методологическую рамку для анализа памяти о Первой мировой войне в Великобритании 1930-х гг. Они позволяют: сравнивать британские и немецкие нарративы памяти; анализировать процесс политизации памяти о войне; изучать, как личный опыт ветеранов влиял на их послевоенную идентичность и общественную роль. Война стала точкой поворота для целого поколения, разделив его на тех, кто видел в ней смысл, и тех, кто видел лишь пустоту. Для понимания в настоящем исследовании менталитета немецких ветеранов войны 1914-1918 гг., с которыми активно сотрудничали представители

⁴⁹ Леффельбайн Н. О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. – 2015. – № 1 (23), т. 1. – С. 7–19.

⁵⁰ Stevenson D. With our backs to the wall: victory and defeat in 1918. – Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1954. – 688 p.

⁵¹ Todman D. The Great War: myth and memory. – London : Bloomsbury Academic, 2005. – 304 p.

⁵² Bond B. Survivors of a kind – memoirs of the Western Front. – London : Bloomsbury Publishing, 2008. – 216 p.

⁵³ Артамошин С. В. Эрнст Юнгер и Эрих Мария Ремарк: картины памяти Великой войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2024. – № 6. – С. 26–36.

Британского легиона, полезны выводы С.В. Артамошина о героическом культе немецких фронтовиков, сложившемся вокруг взаимоподдержки и контрастировавшим с социально-экономическими условиями послевоенной жизни в Веймарской республике⁵⁴.

Рост социально-политической активности общества в межвоенный период, приведший к возникновению и деятельности антивоенного движения, обстоятельно изучен советскими и российскими историками⁵⁵. Ветеранские организации, являвшиеся его составной частью, памятуя об уроках мировой войны, и самоорганизуясь в международном масштабе, стремились добиться улучшения пенсионного обеспечения инвалидов⁵⁶ и положить конец угрожавшей сохранению мира гонке вооружений. Применительно к предмету исследования в работе П.П. Рубена отмечался факт значительного падения жизненного уровня инвалидов войны в зарубежных государствах Европы и Северной Америки, включая Великобританию, из-за сокращения государственных социальных расходов в условиях Великой депрессии.

Американская исследовательница Э. Гарбер в работе о взаимодействии Британского и Американского легионов показала эволюцию деятельности организации: от международного сотрудничества с бывшими врагами ради предотвращения новых войн к участию в гражданской обороне накануне Второй мировой; она также отметила использование Легионом аргумента о преждевременном старении ветеранов для лоббирования социальных выплат⁵⁷.

Микроисторический анализ положения различных категорий искалеченных войной ветеранов представлен в работах Э. Брамби, А. Смит и П. Барэма. Э.

⁵⁴ Артамошин С. В. Герои и героическое кайзеровской армии Германии в Великой войне // *Studia internationalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях XX вв.»* (1-3 июля 2015 г.). – Брянск : РИО БГУ, 2015. – С. 120–126.

⁵⁵ Антивоенные традиции международного рабочего движения / под общ. ред. проф. Я. Г. Темкина. – Москва : Мысль, 1972. – 556 с.; Сапожникова Г. Н. Антивоенное движение в странах Европы в межвоенный период, 1917–1939 / отв. ред. Д. Г. Наджафов. – Москва : Наука, 1985. – 150 с.; Пацифизм в истории идеи и движения мира = *Pacifism in history* / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. А. О. Чубарьян. – Москва : Ин-т всеобщ. истории РАН, 1998. – 289 с.

⁵⁶ Рубен П. П. Международное объединение бывших участников войны и кооперация инвалидов / П. П. Рубен. – Москва ; Ленинград : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1935. – 47 с.

⁵⁷ Garber A. Toward a 'Two-War Legion': renegotiating First World War memory in the British and American Legions, 1938-1946. – Oxford : University of Oxford, 2018. – 329 p.

Брамби установила, что в Госпитале Министерства пенсий (МОРН) травмированных ветеранов считали хронически больными, что снижало их шансы на выздоровление⁵⁸. А. Смит, исследуя положение вдов, выявила механизмы морального контроля со стороны государства: выплата им пенсий могла быть приостановлена за «недостойное поведение» (пьянство, сожительство и рождение внебрачных детей), что способствовало формированию эталонного образа «скорбящей и нравственной» вдовы⁵⁹. П. Барэм показал системное игнорирование британским медицинским сообществом проблем ПТСР: значение психических расстройств недооценивалось, лечение их было неэффективным, многие ветераны оказывались изолированы в больницах или забыты обществом⁶⁰.

Итоговый вывод, к которому подводят эти исследования, фиксирует фундаментальное противоречие: создавая институты социально-медицинской реабилитации (МОРН, пенсионные программы), государство стремилось на практике минимизировать свою социальную ответственность, перекладывая бремя выживания на самих ветеранов и благотворительные организации. В условиях Великой депрессии это становилось источником скрытого социального противостояния между ветеранами и властью, анализ динамики которого – от конфликта к взаимодействию – является целью диссертации.

5. Ветераны Первой мировой войны в Великобритании и проблемы внутренней политики 1930-х гг.

Историографическая дискуссия о политической роли ветеранов в 1930-е гг. разворачивается вокруг вопроса: стали ли они питательной средой для правого радикализма? Отправной точкой служит тезис Э. Хобсбаума о том, что фронтовой опыт мог формировать у части ветеранов чувство превосходства над

⁵⁸ Brumby A. 'A painful and disagreeable position': rediscovering patient narratives and evaluating the difference between policy and experience for institutionalized veterans with mental disabilities, 1924-1931 // *First World War Studies*. – 2015. – Vol. 6, № 1. – P. 37–55.

⁵⁹ Smith A. *Discourses surrounding British widows of the First World War*. – London : Bloomsbury Academic, 2012. – 221 p.

⁶⁰ Palmer I. A review of: 'Peter Barham. *Forgotten lunatics of the Great War*' // *Journal of the History of the Neurosciences*. – 2006. – Vol. 15, № 3. – P. 292–294.

«тыловиками», делая их потенциальной социальной базой ультраправых движений⁶¹.

На британском материале этот тезис конкретизируется в работах отечественных историков А.Ю. Прокопова⁶² и О.И. Рудой⁶³, указавших на высокую долю отставных военных в руководстве БСФ, а также в исследовании британского историка Л. Либурда. Он показал, что БСФ апеллировал к чувству разочарования ветеранов, предлагая им образ «нового фашистского человека» — «строителя империи». Согласно подсчётам Л. Либурда, 70 из 103 членов руководства БСФ имели военный или колониальный опыт, что облегчало внедрение идеологии национального превосходства⁶⁴.

Однако, как демонстрируют исследования П. Ньюмэна и А. Алькальде, масштабы этого влияния не следует преувеличивать. Ирландский историк П. Ньюмэн доказывает, что благодаря «культуре победы» британские ветераны были успешно интегрированы в общество и, в отличие от континентальной Европы, не стали источником политической нестабильности⁶⁵. Ему вторит испанский исследователь А. Алькальде: в Британии ветераны не влились в массовое фашистское движение, а Британский легион оставался в рамках благотворительности, хотя отдельные офицеры и поддерживали БСФ⁶⁶. Американский историк Ч. Кимбал дополняет эту картину, указывая на поляризацию взглядов внутри самого Легиона — от консервативных до левых⁶⁷.

⁶¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). – Москва : Издательство Независимая Газета, 2004. – С. 36.

⁶² Прокопов А. Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 476 с.

⁶³ Рудая О. И. Поддержка английской интеллигенцией фашистской организации О. Мосли в 30-е гг. XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2004. – № 4 (128). – С. 49–53.

⁶⁴ Liburd L. J. Beyond the pale: whiteness, masculinity and Empire in the British Union of Fascists, 1932–1940 // Fascism. – 2018. – Vol. 7, № 2. – P. 275–296.

⁶⁵ Newman J. P. Yugoslavia in the shadow of war: veterans and the limits of state building, 1903-1945. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 287 p.

⁶⁶ Alcalde A. War veterans and transnational fascism: from fascist Italy and Nazi Germany to Francoist Spain and Vichy France (1917-1940). – Florence : European University Institute, 2015. – 348 p.

⁶⁷ См.: Баранов Н. Н., Поршнева О. С. Культурное наследие Великой войны и память о ней в Великобритании. Актуальная англосаксонская историография // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 2 (71). – С. 27.

Таким образом, перед диссертацией стоит важная исследовательская проблема: если не ультраправый радикализм, то какая именно идеология определяла «политическое лицо» основной массы ветеранов в 1930-е гг.?

6. Британский легион и другие ветеранские организации Великобритании 1930-х гг.

Тема деятельности ветеранских организаций, например, Британского легиона в межвоенные годы, не получила ещё широкого освещения в исторических исследованиях, сопоставимого с периодом после окончания Второй мировой войны. Однако здесь можно указать несколько ключевых исследований о деятельности ветеранских организаций на протяжении всего периода своего существования. Историографию Британского легиона можно разделить на несколько этапов, в рамках которых менялось понимание его роли – от аполитичной благотворительной структуры до активного участника социально-политических процессов.

Первый этап представлен работами классического либерального историописания Г. Вуттона и Б. Хардинга которые часто воспринимали социальные институты как данность и избегали их критического анализа с классовых или политических позиций. Г. Вуттон, один из первых историков Легиона, характеризовал его как важное связующее звено между государством и ветеранами, подчеркивая аполитичность организации⁶⁸, её сосредоточенность на социальной поддержке и избегание контактов с радикальными движениями⁶⁹. При этом он отмечал централизованную структуру управления (с сильным Национальным Исполнительным Советом), сформированную армейским опытом, и роль Легиона как агента культурных изменений, помогавшим залечивать раны войны. Б. Хардинг развил этот тезис, показав, что Легион стал не только ключевым инструментом социальной поддержки ветеранов и их семей, но и важным общественным институтом, укреплявшим национальную идентичность

⁶⁸ Wootton G. The politics of influence: British ex-servicemen, cabinet decisions and cultural change (1917-57). – London : Routledge & Kegan Paul, 1963. – 316 p.

⁶⁹ Wootton G. The official history of the British Legion. – London : Macdonald and Evans, Ltd, 1956. – 348 p.

через сохранение памяти о жертвах войны⁷⁰. Близкую позицию занимает Л. Нокс, акцентирующая роль ветеранских организаций в компенсации слабой государственной социальной политики⁷¹.

Новый этап, наступивший под влиянием «исторического поворота» и развития социальной истории, характеризовался появлением работ в русле «истории снизу» и микроистории, что позволило вскрыть внутренние противоречия Британского легиона и пересмотреть устоявшийся тезис о присущей ему аполитичности. Британский историк Н. Барр, детально изучив структуру Легиона в 1921-1939 гг., показал его двойственную природу. С одной стороны, это была наиболее влиятельная организация, но, объединяя менее 10% от общего числа ветеранов, она не отражала мнение их большинства. Сохраняя элитарность за счёт высшего офицерства, Легион имел возможность влиять на формирование исторической памяти, а его публичные мероприятия (ярмарки, церемонии, «Маковый день») служили стратегией сбора средств и поддержания связей с обществом⁷². С другой стороны, Н. Барр фиксирует внутреннее противоречие: организация считалась аполитичной, но активно взаимодействовала с властью, лоббируя ветеранские интересы. Это наблюдение коррелирует с выводами материалов сборника статей под редакцией Д. Свифта и О. Уилкинсона, авторы которого, актуализируя проблему положения британских и ирландских ветеранов, прямо указывают на рост их политической активности в 1930-е гг. (участие в протестах и политических движениях) в ответ на ухудшение социально-экономических условий⁷³.

Рассматривая в целом состояние британского общества, представитель исторической науки США А. Грегори подчёркивал важность ветеранских

⁷⁰ Harding B. Keeping faith: the history of the Royal British Legion. – Barnsley, South Yorkshire : Leo Cooper, 2001. – 484 p.

⁷¹ Noakes L. War and the British gender and national identity 1939-91. – London : Bloomsbury Academic, 1998. – 218 p.

⁷² Barr N. Service not self: the British Legion, 1921-1939. – St Andrews : University of St Andrews, 1994. – 277 p.; Ibidem. The lion and the poppy: British veterans, politics, and society, 1921-1939. – London : Bloomsbury Academic, 2005. – 228 p.

⁷³ Veterans of the First World War: ex-servicemen and ex-servicewomen in post-war Britain and Ireland / ed. by D. Swift and O. Wilkinson. – London : Routledge, 2019. – 220 p.

организаций в коммеморации Первой мировой войны, так как именно ветераны формировали многие традиции и участвовали в памятных мероприятиях⁷⁴.

Отечественная историография представлена работами, которые предлагают принципиально иной взгляд на природу Легиона. В совместной статье А.В. Бредихина и Д.С. Приходько Легион рассматривается не как независимая общественная организация, а как «продукт правящих кругов», созданный для стабилизации социально-политической ситуации⁷⁵. Авторы подчеркивают, что ветеранские организации в 1930-е гг. не ограничивались благотворительностью, но активно включались в политическую и гражданскую деятельность⁷⁶. Отдельные аспекты деятельности Легиона затронуты также в статье А.С. Снигирева⁷⁷.

В историографии Британского легиона наметился сдвиг от его трактовки как аполитичного благотворительного института к более сложным моделям, фиксирующим его политическую ангажированность – либо через скрытое лоббирование, либо через прямую связь с государственными структурами. Задача диссертации – разрешить это противоречие, проследив эволюцию отношений «ветераны – власть» как динамический процесс.

Таким образом, проведённый анализ исторических трудов по теме диссертации выявил следующее:

1. Наблюдающийся в последние годы в отечественной историографии рост интереса к проблеме коммеморации Первой мировой войны в Великобритании межвоенного времени при почти полном отсутствии комплексных исследований, посвященных социальным, внутри-и внешнеполитическим аспектам деятельности ветеранов и Британского легиона в 1930-е гг.

⁷⁴ Gregory A. The last great war: British society and the First World War. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 354 p.

⁷⁵ Бредихин А. В., Приходько Д. С. Возникновение и деятельность ветеранских организаций Великобритании 1918-1939 гг. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2022. – № 1 (80). – С. 85–91.

⁷⁶ Там же. С. 90.

⁷⁷ Снигирев С. А. Сообщества ветеранов Первой мировой войны в Великобритании: проблемы институционализации // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. – 2020. – № 1 (16). – С. 153–163.

2. Сохранение в зарубежной исторической науке представлений о Британском легионе как в целом аполитичной ветеранской организации.

3. В результате анализа выявлено историографическое противоречие о характере деятельности Британского легиона: если в ранних работах Легион предстает как аполитичная благотворительная организация (что во многом было следствием влияния методологических установок классической британской исторической школы середины XX в.), то новейшие исследования (выполненные в русле социальной истории и «истории памяти») фиксируют его участие в лоббистской деятельности, контакты с властью и рост политической активности ветеранов. В существующих научных трудах обращается внимание на наличие разных векторов поведения ветеранов, но не объясняется механизм их сосуществования внутри одной институциональной структуры (Британского легиона). Настоящее исследование предполагает разрешить указанное противоречие, рассмотрев эволюцию отношений «ветераны – власть» в 1930-е гг. не как статичную данность, а как динамический процесс, прошедший путь от острого конфликта к институциональному взаимодействию.

Объектом исследования являются, с одной стороны, военнослужащие всех военных рангов, находившиеся в период 1914-1918 гг. в составе сухопутных и морских экспедиционных сил Соединённого Королевства⁷⁸, а с другой – его властные институты.

Предметом исследования выступает обусловленная особенностями ветеранской памяти о Первой мировой войне, траекторией социально-экономического, внутри-и внешнеполитического развития Великобритании в 1930-е гг. эволюция отношений бывших фронтовиков, как охваченных, так и не

⁷⁸ С учётом Ирландии. Об особенностях комплектования и участия в боевых действиях Первой мировой войны воинских частей, сформированных на территории Ирландии см.: Bowman T. The Irish regiments in the Great War: discipline and morale. – Manchester and New York : Manchester University Press, 2003. – 237 p.

охваченных членством в Британском легионе⁷⁹ с различными институтами власти⁸⁰.

Цель исследования заключается в выявлении эволюции отношений ветеранов и Британского легиона с институтами власти Великобритании в 1930–1939 гг., predetermined комплексом социально-политических практик: трансформацией ветеранской памяти о Первой мировой войны под влиянием исторической политики, масштабom благотворительной деятельности Британского легиона в условиях кризиса системы государственного социального обеспечения и здравоохранения, расширением участия ветеранов в политических процессах внутри страны и на международной арене.

В рамках поставленной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- раскрыть содержание официального «канона» памяти о Первой мировой войне в британском обществе межвоенного времени, сформированное средствами государственной исторической политики;

- определить специфику конкурировавших с официальными в общественном сознании Великобритании ветеранских нарративов Первой мировой войны, внедрявшихся в 1930-е гг. периодической печатью различных политических направлений, материалами кинохроники и произведениями художественной литературы;

- установить состав Британского легиона, проанализировать структуру и содержание основных направлений его деятельности по отношению к ветеранам Первой мировой войны и членам их семей;

⁷⁹ Речь идет о ветеранах Первой мировой войны, поскольку членами данной основанной в 1921 г. организации могли быть как участники других военных конфликтов, действующие военнослужащие, так и гражданские лица.

⁸⁰ Имеются в виду как государственные (королевская династия, парламент, правительство, англиканская церковь, вооруженные силы), так и негосударственные (органы местного самоуправления, политические партии, общественно-политические движения, общественные организации, включая ветеранские, и СМИ Великобритании) институты власти. При этом необходимо учитывать тот факт, что ветераны войны могли входить в состав тех или иных государственных и негосударственных институтов власти как частично, так и полностью (ветеранские организации за исключением Британского легиона).

- охарактеризовать особенности государственного социального обеспечения ветеранов войны и осветить их материальное положение и медицинское обслуживание в 1930-е гг.;

- проанализировать побудительные мотивы участия ветеранов Первой мировой войны в деятельности леворадикальных политических организаций и реакцию правительства;

- проследить причины, проследить процесс идейно-политического сближения отдельных ветеранов и руководства Легиона с организациями британских фашистов и оценить действия реакции правительства;

- интерпретировать отношение ветеранов-офицеров, состоявших на действительной военной службе, к сотрудничеству с фашистскими режимами через призму документов британской контрразведки;

- рассмотреть географию, цели и результаты самостоятельных международных контактов Британского легиона, а также участие его представителей в работе международных ветеранских организаций на протяжении 1930-х гг.;

- проанализировать практику использования правительством Соединённого Королевства ресурсов Британского легиона в рамках политики умиротворения.

Хронологические рамки диссертации охватывают преимущественно 1930-1939 гг. Отправной точкой нашего исследования является 1930 год, когда Великобритания вступила в фазу острого экономического кризиса⁸¹, который негативно отразился на материальном положении ветеранов Первой мировой войны и обострил их взаимоотношения с государством. Верхняя хронологическая граница исследования совпадает с окончанием межвоенного периода и приданием Первой мировой войне значения важного символического капитала в условиях нового глобального конфликта. Таким образом, избранные для изучения диссертационной темы хронологические рамки представляет собой завершённый

⁸¹ Деструктивные для экономики и общества проявления Великой депрессии носили в Великобритании всё же менее разрушительный характер по сравнению с другими западноевропейскими государствами – Германией и Францией.

и целостный этап в эволюции отношений британских ветеранов с институтами власти. Исключение составляет анализ следующих вопросов: средств и содержания исторической политики Великобритании по отношению к Первой мировой войне, генезиса социального законодательства для ветеранов и внешнеполитической деятельности Британского легиона. При рассмотрении перечисленных выше вопросов хронологические рамки диссертации расширены (с 1918 по 1930 гг.) для обеспечения целостности изложения. В ряде случаев возникала также потребность в обращении к международным и внутривнутриполитическим событиям, предшествовавшим началу Первой мировой войны, а также – к истории первого глобального конфликта в истории человечества в его хронологических рамках 1914-1918 гг.

Географические рамки диссертации охватывают с точки зрения регионального происхождения ветеранов и районов деятельности отделений Британского легиона – территорию Великобритании (Англия, Шотландия и Уэльс), а в отношении использованных в работе над диссертацией периодических изданий совпадают с границами Соединённого Королевства (Англия, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия) на 1922 год. С целью сравнительного анализа рассматриваются также исторические процессы в других зарубежных государствах и в СССР.

Методология и методы исследования. Диссертация опирается на принцип историзма, позволивший обеспечить соответствие проведённого исследования критериям научной объективности и комплексности.

Методологической основой диссертации послужила теория общественно-экономических формаций, которая способствовала выявлению в деятельности Британского легиона и в эволюции коллективной памяти о Первой мировой войне конкретных социально-экономических закономерностей исторического процесса. Не менее важным стало использование при работе над диссертацией методологических подходов к изучению феномена исторической памяти, апробированных в работах отечественных и зарубежных исследователей. Исследования французского философа и социолога М. Хальбвакса показывают,

что историческая память не является продуктом отдельного индивида, а определяется обществом⁸². Применительно к изучению нарративов памяти о войне 1914-1918 гг. можно допустить, что память о ней была не просто воспроизведением прошлого, а его реконструкцией, зависящей от социальных рамок настоящего. Это особенно важно для исследования того, как британское общество 1930-х гг. интерпретировало опыт Первой мировой войны. В 7-й главе своей работы М. Хальбвакс делал акцент на том, что разные социальные группы сохраняют и передают память по-разному⁸³. Это важно для выявления классовых различий в восприятии войны (например, память высшего офицерства и обычных фронтовиков). М. Хальбвакс утверждает, что язык служит «минимальной рамкой» памяти. Это помогает понять, как нарративы о войне (например, в мемуарах, официальной пропаганде, художественной литературе, прессе) формировали коллективное восприятие.

Концепция «мест памяти»⁸⁴ французского исследователя П. Нора обозначила новое предназначение историка: выступать не столько в роли передатчика, сколько в качестве интерпретатора. Более важным в исторической памяти становятся её остатки, символические объекты, которые замещают исчезнувшую среду памяти. Эти «места» сознательно конструируются для поддержания национальной идентичности в эпоху, когда спонтанная память угасла⁸⁵. Концепция П. Нора непосредственно объясняет, почему в 1930-е гг., когда живая, спонтанная память ветеранов и общества начала уступать место истории, возникло так много формализованных, институциональных способов поминовения (церемонии у воинских мемориалов, минуты молчания).

Рассматривая циркулировавшие в Великобритании 1930-х гг. нарративы о войне 1914-1918 гг. необходимо в равной степени уделять внимание и

⁸² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Zenкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.

⁸³ Там же. С. 265.

⁸⁴ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой ; науч. ред. пер. Н. Копосов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.

⁸⁵ Нора П. Всемирное торжество памяти / Пьер Нора ; пер. с фр. Марии Сокольской // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа: [сб.] / ред.-сост. 2-го изд. М. Габович. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 39–402.

восприятию ветеранов, и исторической политике правительства. Такой методологический подход основан на выводах исследований немецкого историка культуры Я. Ассмана, который полагал, что необходимо разделять культурную память, формирующуюся государством, интеллектуалами и обществом в целом, и коммуникативную, источником которой являются непосредственные участники событий⁸⁶.

Важное исследование, которое разграничивает культуры памяти победителей и побеждённых, принадлежит немецкому историку и культурологу А. Ассман⁸⁷. Великобритания как страна-победительница не могла прибегать к использованию нарратива «поражения». Однако для многих ветеранов война принесла травмирующий опыт, который, по А. Ассман, не всегда интегрировался в коллективный нарратив памяти⁸⁸. Это создавало внутренний конфликт в национальной памяти: как совместить статус победителя с опытом, характерным для жертвы? Национальная память является более устойчивой и долговременной, поскольку навязывается обществу «сверху»⁸⁹. Это может служить объяснением тому, почему травматический аспект часто вытеснялся или трансформировался в героические образы.

В методологию исследований исторической памяти российский историк Л.П. Репина ввела понятие «контрпамяти»⁹⁰, что имеет особое значение для изучения британского общества, где восприятие Первой мировой войны в 1930-е гг. определялось конкурирующими нарративами памяти. Л.П. Репина, как и зарубежные исследователи, приходит к выводу, что историческая память является больше символической репрезентацией прошлого⁹¹.

Свою продуктивность при работе над диссертацией показала «теория симулякров», принадлежащая французскому философу-постструктуралисту Ж.

⁸⁶ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

⁸⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

⁸⁸ Там же. С. 77.

⁸⁹ Там же. С. 35.

⁹⁰ Репина Л. П. Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Круг, 2006. – С. 28.

⁹¹ Там же. С. 23.

Бодрийяр⁹². С её помощью удалось проследить смену в общественном сознании Великобритании 1930-х гг. моделей представлений о Первой мировой войне и оценить степень готовности британского общества к новому кровопролитному конфликту.

Использование при работе над диссертацией историко-социального метода позволило проанализировать формирование коллективной памяти и деятельность ветеранов Первой мировой войны не как абстрактные процессы, а как явления, укорененные в конкретной социальной реальности и воплощенные в судьбах отдельных людей. Этот метод дал возможность рассматривать ветеранское сообщество не как монолит, а как сложный социальный организм. Историко-социальный метод позволил выявить и изучить вехи биографии и публичные выступления отдельных представителей Британского легиона, которые служат показательными примерами для понимания связи между личным опытом, социальным положением и формированием тех или иных нарративов о войне. Был проанализирован социальный и мировоззренческий раскол внутри ветеранской среды. В фокусе исследования оказались ветераны, вставшие на путь фашизма, чей радикальный политический выбор стал ответом на ощущение социального предательства, экономических лишений и кризиса либерально-демократической системы, которую они, по их мнению, напрасно защищали. Через призму этого метода было изучено творчество писателей-фронтовиков, которое стало мощным каналом формирования «контрпамяти» и критики официального героического дискурса. Созданные ими тексты анализировались не только как литературные произведения, но и как социальные акты, отражающие и формирующие мировоззрение определенной, часто интеллектуально-критической части ветеранского сообщества.

При работе над диссертацией широко использовался историко-сравнительный метод, который доказал свою эффективность при сопоставлении различных существовавших в британском обществе 1930-х гг. нарративов Первой

⁹² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

мировой войны. В основе анализа ветеранских нарративов, извлеченных из британской прессы 1930-х гг., лежит историко-антропологический метод, позволивший через интерпретацию интервью и репортажей проследить эволюцию восприятия войны – от сакрализации памяти к её героизации. Благодаря использованию историко-биографического метода удалось воссоздать значимые для нашего исследования вехи биографий некоторых видных членов Британского легиона, являвшегося крупнейшей ветеранской организацией Великобритании, и отстаивавшей социальные права участников Первой мировой войны.

Таким образом, избранные для подготовки диссертации методологические подходы и научные методы отвечают поставленным цели и задачам исследования.

Источниковая база диссертационного исследования включает разнообразные документы и материалы.

Архивные материалы представлены в диссертации документами, размещенными на официальном сайте Национального архива Соединённого Королевства, г. Лондон (The National Archives). Они позволяют осветить особенности государственной исторической политики в отношении Первой мировой войны, зафиксированных в официальных документах правительства Великобритании. На основе оцифрованных документов Кабинета министров Великобритании⁹³ удалось выяснить, что День Перемирия 11 ноября являлся важнейшей темой в государственной повестке, значившейся наряду с международными конфликтами, обороной и социально-экономической политикой. Другие документы этого ведомства позволили установить причины ограничения им доступа к использованию архивных документов для написания

⁹³ Clynes J. Memorandum by the Home Secretary on Armistice Day / Clynes J. – 1930, July 17. – (CAB 24/214/3). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728563> (дата обращения: 14.08.2025); Clynes J. Memorandum by the Home Secretary on Armistice Day / Clynes J. – 1931, July 9. – (CAB 24/222/19). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728914> (дата обращения: 14.08.2025); Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet Day / Cabinet Office. – 1933, July 17. – (CAB 23/76/18). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653854> (дата обращения: 14.08.2025); Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet: [with participation of S. Baldwin, J.R. MacDonald et al.; agenda: Italo-Abyssinian Dispute, House of Lords Reform, Naval Conference etc.] / Cabinet Office. – 1935, October 23. – (CAB 23/82/16). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653972> (дата обращения: 14.08.2025).

теми или иными политическими деятелями своих автобиографических произведений⁹⁴, а также факт нежелательности пацифистских нарративов о войне для правительства⁹⁵. Для изучения контактов Британского легиона с политическими кругами иностранных государств к исследованию было привлечено частное дипломатическое письмо из архива Министерства иностранных дел Великобритании⁹⁶. При исследовании контекста взаимодействия герцога Виндзорского (короля Эдуарда VIII) с лидерами фашистов в Германии и Австрии был рассмотрен дипломатический отчёт 1936 г. о визите королевской особы в Вену⁹⁷. В изучении инцидента, вызванного публикацией «Греческих воспоминаний» К. Макензи, были использованы документы архива Службы безопасности, что свидетельствовало о вмешательстве государства в процесс формирования исторической памяти о Первой мировой войне⁹⁸.

Материалы расследований MI5 (государственное ведомство британской контрразведки) помогли пролить свет на существовавшие в 1930-е гг. в среде ветеранов-офицеров (Б. Лиддел Гарт⁹⁹, А. Рамзи¹⁰⁰, Б. Домвил¹⁰¹, Р. Гордон-

⁹⁴ Hankey M. P. A. Use of Post-War Cabinet Papers in Autobiographies: memorandum / M. P. A. Hankey. – 1936, July 17. – (CAB 24/263/28; former reference: CP 198 (36)). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730577> (дата обращения: 14.08.2025); Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet: [with participation of S. Baldwin, N. Chamberlain et al.; agenda: The King, Locarno Treaty, Mediterranean guarantees, Spain, Palestine etc.] / Cabinet Office. – 1936, July 22. – (CAB 23/85/7; former reference: CC 54 (36)). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7654034> (дата обращения: 14.08.2025).

⁹⁵ Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet. – 1934, February 7. – (CAB 23/78/4; former reference: CC 4 (34)). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653882> (дата обращения: 14.08.2025).

⁹⁶ Foreign Office. Telegram from the Duke of Windsor regarding the British Legion ball in Paris / Duke of Windsor. – 1937, November 12. – (FO 954/33A/170). – The National Archives (UK). – Former references: Win/37/89, FO 954/33A/13322. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6569253> (дата обращения: 14.08.2025).

⁹⁷ Selby W. [Report on visit of King Edward VIII to Vienna] / W. Selby. – 1936, September 14. – (FO 954/1A/91; former references: Au/36/3, FO 954/1A/46). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6555978> (дата обращения: 14.08.2025).

⁹⁸ Security Service. Personal file: Compton Mackenzie : [British author and former intelligence officer] / MI5. – 1931 January 1 – 1938 December 31. – (KV 2/1271/01; former reference: PF 41196 VOL 1). – The National Archives, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11134917> (дата обращения: 14.08.2025).

⁹⁹ Security Service. Personal file: Basil Henry Liddell-Hart: [British military historian and theorist] / MI5. – 1927 January 1 – 1944 December 31. – (KV 2/2410/03; former reference: PF 38861 VOL 1). – The National Archives, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11287876> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁰⁰ Security Service. Personal file: Archibald Maule Ramsay: [British MP and founder of the Right Club] / MI5. – 1939 March 18 – 1941 April 13. – (KV 2/677/02). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11016557> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁰¹ Security Service. Personal file: Admiral Sir Barry Domville: [British naval officer and founder of pro-Nazi organization "The Link"] / MI5. – 1916 February 10 – 1940 October 30. – (KV 2/834/02). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11050145> (дата обращения: 14.08.2025).

Каннинг и Д. Фуллер¹⁰².) идеологические разногласия, а также рассмотреть восстание военных моряков в Инвергордоне 1931 г.¹⁰³, марши безработных 1932 г., 1933 г. и 1936 г.¹⁰⁴ в контексте массовых социальных выступлений на фоне мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. Привлечение документов британской контрразведки помогло также установить факт ведения Гарри Макшейном, коммунистом, участником Национального движения безработных в 1920-1930-х гг., организатором ряда «голодных маршей» и демонстраций подрывной пропаганды среди бывших военнослужащих¹⁰⁵. Удалось выявить благодаря изучению документов MI5 также широкую сеть британских, французских и немецких левых активистов, которые выступали с антифашистских позиций. Центральным звеном этой сети стал фронтовик Майкл Дэвидсон¹⁰⁶. Выявленные в архиве документы периода интервенции в Россию (1918-1920 гг.) раскрывают генезис антибольшевистской идеологии британских офицеров-ветеранов. Их анализ показывает, что интервенция изначально обосновывалась не только идеологическими, но и военно-стратегическими соображениями для победы над Германией, когда большевики рассматривались как её фактические союзники¹⁰⁷.

¹⁰² Security Service. Personal file: Captain Robert Cecil Gordon Canning: [British Union activist and Arabist] / MI5. – 1924 August 29 – 1943 November 7. – (KV 2/877/04). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11090329> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁰³ Security Service. Invergordon Mutiny 1932: Final MI5. – 1932, February 23 – December 7. – (KV 2/4640). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C17886100> (дата обращения: 14.08.2025); Shepherd, William George John. Personal File: William George John Shepherd / Security Service. – 1915 Dec 23-1936 Jan 29. – (KV 2/602; former reference: PF 39816 VOL 1). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11016628> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁰⁴ Simon John. March of the Unemployed on London: memorandum / John Simon. – 1936, October 12. – (CAB 24/264/31; former reference: CP 256 (36)). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730635> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁰⁵ McShane Harry. Personal File: Harry McShane / Security Service. – 1931 Apr 23 – 1939 Oct 24. – (KV 2/3588/02; former reference: PF 40249 VOL 1). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11692074> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁰⁶ Davidson Michael Childers. Personal File: Michael Childers / Security Service. – 1933 Aug 16 – 1950 Jul 26. – (KV 2/2975; former reference: PF 42554 VOLS 1 and 3). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11497109> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁰⁷ Balfour A. J. Japanese Intervention in Siberia. Draft communication by Mr. Balfour to Sir C. Greene: memorandum / A. J. Balfour. – 1918, June 24. – (CAB 24/55/53; former reference: GT 4952). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643480> (дата обращения: 14.08.2025); Political Intelligence Department, Foreign Office. The Position in the Ukraine: memorandum / Political Intelligence Department, Foreign Office. – 1918, May 17. – (CAB 24/52/36; former reference: GT 4634). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643161> (дата обращения: 14.08.2025).

Первой группой опубликованных источников являются официальные дипломатические документы, которые позволяют установить взаимосвязи между политикой умиротворения британского МИДа и контактами Британского легиона с германскими ветеранами и политическими деятелями¹⁰⁸. Дипломатические документы также проливают свет на детали вынашивавшегося Лондоном в преддверии подписания осенью 1938 г. Мюнхенского соглашения плана отправки представителей Британского легиона для осуществления наблюдательных функций на передававшейся Германии территории Судетской области ЧСР¹⁰⁹.

Были привлечены также законодательные акты, регламентировавшие особенности пенсионного обеспечения ветеранов войны. В британском законодательстве понятие «ветераны» обозначалось в документах 1920-х гг., а также принятых в 1930-х гг. дополнениях к ним, следующими терминами: бывшие военнослужащие (ex-servicemen), получатели военной пенсии (war-pensioners), инвалиды войны (disabled ex-servicemen). Условия получения пенсий различными категориями ветеранов войны и членами их семей были установлены рядом законов, принятых в 1919-1925 годах¹¹⁰.

Отдельным категориям военных (кадровое офицерство) назначалась пенсия за выслугу лет (service pension). В связи с этим под термином «servicemen» в

¹⁰⁸ Договор о согласии и сотрудничестве (Пакт четырех). 15 июля 1933 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 59–61; Восточный пакт (проект, изложенный в меморандуме французского посла в Лондоне). 27 июня 1934 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 67–68; Нота С. Хора, госсекретаря Великобритании по иностранным делам, фон Риббентропу, германскому послу по особым поручениям (Англо-германское военно-морское соглашение) (в сокращении). 18 июня 1935 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 73–74; Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией (Мюнхенский сговор). 29 сентября 1938 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 86–88; Англо-германская декларация, 30 сентября 1938 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 88–89; Памятная записка Черчилля о беседе с руководителем данцигских фашистов Ферстером 14 июля 1938 г. // Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. I. Ноябрь 1937–1938 гг. : Из Архива Министерства Иностранных Дел Германии / М-во иностр. дел СССР. – Москва : Политиздат, 1948. – С. 159–163.

¹⁰⁹ Меморандум посольства Великобритании во Франции в министерство иностранных дел Франции. 27 сентября 1938 г. // Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. Т. I. Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – Москва : Политиздат, 1981. – С. 227–229; Письмо правительства Великобритании правительству ЧСР. 27 сентября 1938 г. // Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. Т. I. Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – Москва : Политиздат, 1981. – С. 225–226.

¹¹⁰ War Pensions (Administrative Provisions) Act 1919 (9 & 10 Geo. 5. c. 53) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/9-10/53/enacted> (дата обращения: 14.08.2025); War Pensions Act 1920 (10 & 11 Geo. 5. c. 23) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/10-11/23/contents> (дата обращения: 14.08.2025); War Pensions Act 1921 (11 & 12 Geo. 5. c. 49) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/11-12/49/enacted> (дата обращения: 14.08.2025).

источниках могли фигурировать как ветераны Первой мировой войны, так и военнослужащие, поступившие на службу после 1918 г. Так, изучая документы парламентских дебатов можно допустить ошибку, приняв погибших военнослужащих за ветеранов войны 1914-1918 гг. Для этого требуется больше внимания к деталям документа и контексту. В качестве иллюстрации можно привести обращение по поводу расследования о прекращении выплаты пенсии матери, у которой погибли два сына на военной службе¹¹¹. Другим важным аспектом использования законодательных документов в диссертационном исследовании является то, что забота о ветеранах войны оставалась важнейшей частью исторической политики Великобритании в области памяти о «Великой войне». От того, насколько правительство было внимательным к нуждам ветеранов, зависело во многом материальное наполнение исторической памяти.

Следующую группу опубликованных источников составили парламентские документы, доступ к которым обеспечен благодаря цифровому сервису Historic Hansard¹¹². Привлеченные документы представляют собой отчёты заседаний Палаты лордов и Палаты общин, а также ответы правительства на депутатские запросы, письменные заявления, освещающие различные стороны государственной политики в Великобритании 1930-х гг. База данных указанного электронного ресурса включает списки лиц, выступавших с заявлениями, избирательных округов, должностей, законов и законопроектов. Наибольшее число подходящих источников для исследования в интернет-архиве парламентских дебатов приходится на категорию «Государственные учреждения», где помещены отчёты и дискуссии о военных пенсиях, благотворительности, деятельности госорганов, положении ветеранов их семей, обеспечении сирот и вдов, обсуждались мероприятия, приуроченные к памятным датам «Великой войны». Также встречаются документы, дополняющие представления о событийном контексте, в котором развивалась историческая

¹¹¹ Mothers' pension // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 29 January. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1930/jan/29/mothers-pension> (дата обращения: 14.08.2025).

¹¹² Hansard 1803-2005 [сайт]. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html> (дата обращения: 30.07.2025).

политика и память о Первой мировой войне. К их числу можно отнести парламентские дискуссии о международных отношениях, обсуждение опыта «Великой войны» и социальной политики государства в 1930-е гг. Данные источники полезны для исследования тем, что позволяют сопоставить позиции различных политических сил и отдельных персоналий в отношении правительственной «политики памяти». Благодаря функционалу сервиса Historic Hansard существует возможность проследить взаимосвязь между биографией политика (например, ветерана войны или антивоенного активиста) и его деятельностью в парламенте в 1930-е гг.

Широко использовалась при работе над диссертацией периодическая печать Соединённого Королевства основных политических направлений — консервативного, либерального и лейбористского. Она помещена на сайте «Британского архива газет» (The British Newspaper Archive¹¹³), созданным медиакомпанией DC Thomson при поддержке Британской библиотеки и онлайн-сервиса генеалогии Findmypast.

В условиях физической необъятности материалов для исследования встаёт проблема корректного отбора источников, обеспечивающих репрезентативность полученных результатов¹¹⁴. Наличие колоссального количества периодических изданий позволяет в нашем случае сопоставлять между собой информацию, взятую их тех или иных органов печати. Поиск нужной информации облегчают инструменты фильтрации, сортировки, сужения до определённого периода. Так, исследование по ключевым словам позволяет сузить поиск до года, месяца, недели или дня, рассмотреть материалы конкретного издания или города. При формировании поисковых запросов использовались различные англоязычные слова и словосочетания¹¹⁵. Необходимость расширить тематику исследования

¹¹³ The British Newspaper Archive [сайт]. — URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 11.03.2025).

¹¹⁴ Биск И. Я. Пресса Веймарской Германии. — Иваново : ИВГУ, 1995. — С. 12.

¹¹⁵ Приведём важнейшие из них: Great War, veterans, veterans organizations, memory of war, British Legion, ex-serviceman, Remembrance Day, Armistice Day, memorials, war, memory, sacrifice, hero, victims of war, war heroes, World War veteran interview, Great War soldier interview, ex-serviceman interview, war memories, veteran recalls Great War, soldier's memories of the trenches, soldier's past, World War reminiscences. Подобные словосочетания, использовавшиеся для формирования поисковых запросов на сайте British Newspaper Archive, не всегда приводили

привела к поискам связей между ветеранскими организациями и правыми силами. Для этого использовалось сочетание слова «fascists» и словосочетаний «British Legion», «british veterans», что дало некоторые результаты и навело на поиск нового массива информации.

Важной составляющей методики работы с материалами периодики «Британского архива газет» применительно к памяти о Первой мировой войне в 1930-е гг. стал учёт круглых исторических дат. Например, в 1934 г. отмечалось двадцатилетие начала войны, а в 1938 г. – двадцатилетие её окончания. Поэтому, ведя поиск оживления дискуссии о Первой мировой войне в британском обществе, следует ориентироваться на указанные выше даты. В этом же отношении «День перемирия» становился ежегодно той датой, к которой обращались многие печатные издания. Памятка по источниковедческому описанию материалов «Британского архива газет» содержится в Приложении № 7.

В Великобритании начала 1930-х гг., маятник лидерства политических сил колебался достаточно быстро или даже хаотично: оно переходило от консерваторов к лейбористам и наоборот. Одновременно на политической арене всё активнее проявляли себя радикальные партии и организации. Все желали завоевать голоса различных социальных слоёв на парламентских выборах, а пресса, удовлетворялась, как правило, ролью «лакея», занимаясь информационным обслуживанием различных политических сил. Однако не всегда удаётся напрямую установить партийную принадлежность того или иного периодического издания. Вместе с тем изучение контекста и используемой на его страницах риторики позволяет сделать вывод о том, какая политическая линия пыталась проложить себе дорогу к завоеванию общественного мнения.

к нахождению искомых материалов. Так, результатом могло стать упоминание указанных словосочетаний в анонсах театральных или кинематографических премьер, а также в рецензиях на них. Вместе с тем с помощью набора названных выше ключевых слов удавалось также найти и уникальные сведения, например, о политических мероприятиях, международных контактах представителей или отделений Британского легиона. Это позволяет расширить информацию о горизонте деятельности ветеранов Первой мировой войны в Великобритании. Какая-то информация могла дублироваться в нескольких периодических изданиях или подаваться под другим углом зрения, что делает возможным дополнить событие разнообразными деталями.

Поэтому анализ сообщений периодической печати, в которых обсуждались особенности внутри- и внешнеполитического курса, события минувшей войны, дискуссии позволяет исследователю изучить, пользуясь термином из арсенала марксизма, «надстройку» британского общества и выявить на каких позициях стояли те или иные политические и социальные силы, а также правительство и отдельные государственные и политические деятели, в том числе лидеры ветеранского движения.

При изучении доминирующей общественной и политической повестки, какой является образ исторического события (Первая мировая война), материалы прессы позволяют выявить изменения в использовавшейся риторике. Нередко большой интерес для исследователя могут представлять общественные и политические дискуссии. Факт их существования можно отследить на страницах газет и журналов. Резонансное событие попадало во внимание прессы и становилось предметом обсуждения в обществе. Доказательством тому станет, что то или иное событие могло представать перед читателем неоднократно, например, в течение нескольких месяцев подряд. При анализе можно выделить соперничающие образы отражения события. Соответственно, за разновидностями подобных образов могли стоять конкретные люди, их сторонники или целый общественный класс.

Ценными для подготовки диссертации стали издававшиеся в конце 1920-х гг. – 1930-е гг. произведения писателей-фронтовиков, в которых критически осмысливались события и последствия Первой мировой войны. Для анализа нарративов Первой мировой войны и её воздействия на фронтовиков был привлечен ряд автобиографических и художественных произведений: «Воспоминания пехотного офицера» (1930 г.) З. Сассуна, «Прощай, всё это» (1929 г.) Р. Грейвса, «Смерть героя» (1929) и «Все люди – враги» (1933) Р. Олдингтона¹¹⁶.

¹¹⁶ Sassoon S. Memoirs of an infantry officer. – London : Faber & Faber, 1931. – 310 p.; Graves R. Good-bye to all that: an autobiography / Robert Graves. – London : Jonathan Cape, 1929. – 446 p.; Ibidem. Recalling War // Poeticous. – URL: <https://www.poeticous.com/robert-graves/recalling-war> (дата обращения: 14.08.2025); Олдингтон Р. Смерть героя : роман / пер. с англ. Н. Галь. – Москва : Худож. лит., 1976. – 320 с. –

Противоречивость художественной литературы как исторического источника справедливо отмечается в исторической науке. Тем не менее, ещё дореволюционный российский историк В.О. Ключевский признавал за художественной литературой значение близкое к историческому документу, отражающему впечатления и чувства людей на фоне описываемой эпохи и происходящих событий¹¹⁷. Это обстоятельство с точки зрения методологии позитивизма обращает внимание на положительные свойства художественной литературы как источника. Современная наука может использовать такой источник для определения характеристики надстройки общества. Крупные советские историки-англоведы, такие как В.Г. Трухановский и В.Н. Виноградов, часто обращались к литературным произведениям для освещения политической жизни Великобритании в новое и новейшее время. Это помогало исследователям определить, на каких позициях стояли творцы художественных произведений, что, в свою очередь, позволяет нам установить различие взглядов различных общественных сил, лидеров общественного мнения, политиков или тех же писателей-фронтовиков.

Для настоящего исследования ценно то обстоятельство, что писатель сам являлся фронтовиком и его собственный нарратив исторической памяти о войне базировался на пережитом опыте. Проблемой здесь является граница между художественным вымыслом и реальностью. Однако преодолеть её можно, поскольку в данной работе мы не рассматриваем ход боевых действий, а исследуем восприятие войны британским обществом 1930-х гг., частью которого являлся сам автор. Поскольку сам автор был современником изображаемой в художественном произведении исторической эпохи, использование произведений фронтовиков как источника возможно в определённых исследовательских рамках¹¹⁸.

URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt> (дата обращения: 14.08.2025); Он же. Все люди – враги : роман / пер. с англ. О. А. Ефимовской. – Москва : Правда, 1983. – URL: https://militera.lib.ru/prose/foreign/aldington_r01/index.html (дата обращения: 14.08.2025).

¹¹⁷ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 9 : Материалы разных лет. – Москва : Мысль, 1990. – С. 77–79.

¹¹⁸ Григорьева И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки : учеб. пособие. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – С. 249–250.

При работе над диссертацией были использованы также произведения мемуарного жанра, которые характеризуются авторским субъективизмом. В целях сопоставления нарративов солдат и государственных деятелей были изучены «Военные мемуары» Д. Ллойда Джорджа¹¹⁹. Личный опыт боевых действий нашёл отражение в привлеченных мемуарах поэта Э. Бландена¹²⁰, участвовавшего в чине пехотного офицера в боях на Сомме, при Ипре и Пашендейле. Для прояснения хода военных действий в Испании во время гражданской войны 1936 – 1939 гг., влиявшего на изменение риторики являвшихся, в том числе ветеранами Первой мировой войны британских фашистов в отношении СССР, были привлечены мемуары гросс-адмирала германского ВМФ Э. Редера¹²¹.

В особую категорию опубликованных источников выделены аналитические работы ветеранов войны, (в частности, работы Б. Лиддела Гарта и С. Роджерсона¹²²) освещающие тактические и стратегические особенности ведения военных действий во время Первой мировой войны. К этой группе можно также отнести заключительный 6-й том «Мирового кризиса» («Восточный фронт») У. Черчилля, отражавший официальные нарратив «Великой войны»¹²³. Целесообразность обращения к данным нарративам объясняется тем фактом, что указанные труды, написанные непосредственными участниками событий, имели теоретический характер.

Выявлению распространённых агитационных клише, объяснявших причины вступления Великобритании в Первую мировую войну, способствовало привлечение эссе британского писателя Г. Уэллса «Война, которая покончит с войнами»¹²⁴, которое в источниковом отношении относится к материалам публицистики. Для них как исторического источника характерно обрамление

¹¹⁹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары / Давид Ллойд Джордж ; пер. с англ. И. Звавича ; предисл. Ф. А. Ротштейна. – Москва : Соцэкгиз, 1934–1938. – 5 т. – Парал. тит. л. на англ. яз. – Т. 1–2. – Москва, 1934. – 679 с.

¹²⁰ Blunden E. Undertones of war. – New York : Doubleday, Doran & Company, Inc., 1929. – 342 p.

¹²¹ Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 гг. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 489 с.

¹²² Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914–1918 гг. / пер. с английского О. Триэль ; предисл. М. М. Ланда. – Москва : Государственное военное издательство, 1935. – 395 с.; Rogerson S. Propaganda in the next war. – New York : Arno Press, 1972. – 191 p.

¹²³ Churchill W. The world crisis. Vol. VI: The Eastern Front. – London : Thornton Butterworth, 1931. – 428 p.

¹²⁴ Wells G. The war that will end war. – London : F. & C. Palmer, 1914. – 99 p.

реальных исторических фактов эффектом эмоционального воздействия на читателя. К категории публицистических работ следует отнести и сочинение помощника редактора лейбористского журнала «Трибюн» - Ф. Мэллали, в котором была предпринята попытка анализа феномена фашизма в Англии в межвоенные годы. Рассматривая в опубликованной в 1946 г. брошюре социальную базу Британского союза фашистов (БСФ) О. Мосли, он выдвигал предположение, что представителей высшего командного состава армии (генерал-майор Дж. Ф.С. Фуллер, подполковник Г.Э. Крокер) привлекло в его ряды желание удовлетворить своё стремление к субординации, которая культивировалась в указанной фашистской организации¹²⁵. Ценность данного источника определяется также содержащимся в нём описанием происшедшего в октябре 1936 г. в Восточном Лондоне (Ист-Энде) столкновения («битвы на Кейбл-стрит») между сторонниками БСФ и антифашистски настроенными рабочими, облаченными в свои военные мундиры времен Первой мировой войны. Была привлечена также статья эмигрировавшего из нацистской Германии немецкого писателя-антифашиста Т. Манна, выступившего в 1939 г. после оккупации вермахтом остатков Чехословакии с предупреждением о приближении новой мировой войны¹²⁶.

При работе над диссертацией были использованы также материалы документальной кинохроники, размещённые на сайте British Pathé¹²⁷. Их источниковую ценность помимо обеспечения наглядности изучаемого исторического явления и наличия максимально полных выходных данных, указывающих на дату, место съёмки и режиссёра, уместно охарактеризовать словами французского историка кино М. Ферро: «Фильм – это продукт культуры, связанный с обществом, которое их производит, с обществом, которое их получает и потребляет. Оно проявляет себя, прежде всего, в цензуре, во всех её формах, не

¹²⁵ Мэллали Ф. Фашизм в Англии / сокр. пер. с англ. М. Лорие ; вступ. ст. Д. Заславского. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1947. – 143 с.

¹²⁶ Манн Т. Эта война! – Москва : Cheapcherrylibrary, 2022. – 50 с.

¹²⁷ British Pathé [сайт]. – URL: <https://www.britishpathe.com/> (дата обращения 01.03.2025).

исключая самоцензуры; должна торжествовать мораль, определенная её форма...»¹²⁸.

Кинохроника запечатлела, в том числе и парады ветеранов, которые проходили в Великобритании в 1930-е гг. Британский «Пате-журнал» регулярно освещал в своих киновыпусках события, связанные с общественным чествованием ветеранов и поддержанием памяти о войне, включая торжественные открытия воинских мемориалов и памятников или ветеранские слеты. Важно учитывать также то, что некоторые материалы представляли собой неприкрытую политическую агитацию.

При изучении материалов кинохроники применительно к теме исследования следует принять во внимание следующие их особенности.

1. Кинохроника парадов, визитов, церемоний – это массовые официальные мероприятия, не отражающие обычную повседневность, какой она была в британском обществе 1930-х гг. (частично такой пробел можно восполнить за счёт материалов прессы).

2. Высокий уровень субъективности источника, поскольку в кинохронике могли присутствовать монтаж и сопровождение изображения текстом или закадровым голосом, не соответствующее сути того или запечатленного явления. Следовательно, нежелательные сцены могли быть исключены из конечного варианта кинопроизведения по цензурным соображениям.

3. Звуковое сопровождение создаёт у зрителя задуманное автором кинопроизведения настроение, что само по себе является инструментом исторической политики.

4. Личности, появляющиеся в кадрах кинохроники, могут быть объектом для изучения с привлечением дополнительных источников.

Таким образом, репрезентативная источниковая база позволяет решить задачи, поставленные в диссертационном исследовании.

¹²⁸ Цит. по: Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 49.

Научная новизна диссертации состоит в анализе социально-экономических, социально-психологических и политических последствий Первой мировой войны, продолжавшей на протяжении 1930 – х гг. посредством различных интерпретаций институтами власти и ветеранами её ценностного смысла создавать объективные препятствия для консолидации британского общества под эгидой правящей королевской династии в условиях серьезного социально-экономического кризиса.

Основные элементы научной новизны состоят в следующем:

1. Определено место Первой мировой войны в исторической политике Великобритании межвоенного времени, проанализированы содержание её основных мероприятий и практика использования британским правительством в своих политических целях.

2. Путём сопоставления сообщений СМИ, включая выпуски кинохроники, парламентских выступлений ветеранов-офицеров, автобиографических и художественных произведений писателей-фронтовиков установлены неоднородность восприятия Первой мировой войны британским обществом в 1930-е гг., а также соперничество между официальными и ветеранскими нарративами.

3. Установлена консолидирующая для государственного строя Великобритании роль Британского легиона, формировавшим среди ветеранов войны благодаря своей социальной и общественной деятельности «управляемую лояльность».

4. Классифицирована деятельность региональных отделений Британского легиона и оказание им различных способов социальной поддержки ветеранов Первой мировой войны.

5. Выявлено участие отдельных ветеранов Первой мировой войны в массовых акциях протеста, организаторами которых в 1930-е гг. выступало Национальное движение безработных; маловероятность политического успеха левых радикалов, объяснявшаяся давними традициями парламентской демократии и умелыми действиями британского правительства.

6. Раскрыты причины идейно-политического сближения отдельных представителей руководства и рядовых членов Британского легиона с Британским союзом фашистов (БСФ) О. Мосли. На путь сотрудничества с разведкой нацистской Германии представителей командного состава, являвшихся ветеранами войны, толкали, с одной стороны, их антибольшевистские убеждения, выросшие на почве участия в иностранной интервенции в Советскую Россию, с другой – усвоенные на колониальной службе расистские предрассудки, а также стремление сохранить свой привилегированный общественный статус.

7. Установлена тесная взаимосвязь международной деятельности Британского легиона с внешнеполитическим курсом Великобритании в 1930-е гг., в рамках которого ветераны использовались в качестве представителей «народной дипломатии» и непосредственных акторов политики умиротворения агрессора.

Теоретическая значимость диссертации заключается в возможности проведения сравнительно-исторических исследований в области исторической памяти о Первой мировой войне и взаимодействии ветеранских организаций с институтами власти в других государствах Европы и Северной Америки в кризисные 1930-е гг. Диссертация вносит свой вклад в понимание того, как травматический опыт глобального конфликта трансформировался в политический ресурс институтов власти. На материале Великобритании 1930-х гг. раскрыт механизм, в котором официальные нарративы памяти, ветеранская активность в рамках политических партий и общественно-политических движений и государственная идеология образуют динамическую систему взаимоотношений («конфликт и сотрудничество»). Выявленные закономерности и использованный методологический инструментарий представляют ценность для компаративных исследований мемориальных процессов в государствах Западной Европы и Северной Америки в 1930-е гг.

Для политологических исследований работа даёт модель анализа исторической политики как инструмента легитимации и снятия социальной напряжённости в кризисные периоды. Это ключ к пониманию того, как правящие круги могут использовать травматическое прошлое для укрепления

власти, нейтрализации протеста и подготовки общества к новым конфликтам. Для социологических исследований результаты работы раскрывают сущность социальной функции исторической памяти как инструмента легитимации и структурирования общественного сознания. Работа показывает механизм превращения ветеранских сообществ в «буферный институт» между государством и обществом – ключевой аспект для понимания процесса формирования групповой идентичности и борьбы за символическое доминирование в условиях системного кризиса капитализма.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования основных её положений и выводов при подготовке общих трудов по истории Великобритании, спецкурсов по истории Первой мировой войны и ветеранского движения в странах Западной Европы и Северной Америки в межвоенный период, а также учебных пособий, посвященных рассмотрению закономерностей функционирования исторической памяти.

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей ВАК. Диссертационная работа выполнена в рамках специальности 5.6.2 Всеобщая история, в том числе в следующих областях исследования: п. 6. Новейшая история (XX – XXI вв.); 12. Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности; п. 13. Политическая власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек; п. 16. Международные отношения. Историческая конфликтология. Становление и развитие системы цивилизаций; п. 17. Мир и война в истории. Военная история, история вооруженных сил; п. 18. Человек в истории (весь комплекс культурно-антропологической проблематики, в том числе история ментальности, история повседневности, историческая имагология и т.п.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Правительство Великобритании, формируя в межвоенный период официальный канон памяти «Великой войны» средствами исторической

политики, пыталось использовать Британский легион в собственных политических интересах. Негативное восприятие британскими ветеранами объявленных правительством «благородных» целей Первой мировой войны и сопровождавших её ход «ужасов» всячески игнорировалось в 1930-е гг. официальной государственной пропагандой. В этой связи установлено, что правящие круги Великобритании стремились сделать ставку на способствовавший легитимации действующей власти в условиях крупных социально-политических потрясений героический нарратив «Великой войны».

2. Участие ветеранов в коммеморативных практиках, влияние на содержание которых оказывали политические заявления лидеров Британского легиона, способствовало формированию эталона отношения к Первой мировой войне у рядовых британцев. Через ключевых деятелей и основателей Британского легиона героический образ Первой мировой войны проникал в сознание широких масс ветеранов, способствуя затушевыванию её происхождения на почве экономического и классового неравенства.

3. Позиционируя себя в качестве политически нейтрального института, выполнявшим благотворительную функцию по отношению к ветеранам войны, Британский легион вносил, тем не менее, в 1930-е гг. весомый вклад в укрепление государственных устоев формированием в ветеранской среде «управляемой лояльности», оказывая тем самым незаменимую услугу британскому правительству, рассматривавшим данную ветеранскую организацию в качестве «третьей линии обороны Великобритании».

4. Обладавший к 1930-м гг., заметным влиянием в обществе Британский легион стремился вести легальную борьбу за социальные права ветеранов Первой мировой войны в рамках капиталистического строя. Британский легион, боровшийся в 1930-е гг. за достойное социальное обеспечение ветеранов Первой мировой войны, не сумел справиться с достижением этой цели полностью из-за резкого сокращения в условиях Великой депрессии государственных расходов на социальные нужды.

5. В условиях массовой безработицы 1930-х гг. меньшинство сочувствовавших рабочему движению ветеранов Первой мировой войны предпочло присоединиться к отстаивавшему социальные права лишившихся работы граждан Национальному движению безработных, проводившему в столице и других крупных городах массовые акции протеста. Перспектива охвата леворадикальным движением ветеранских масс была иллюзорной с учётом давних парламентских традиций и того непреложного факта, что правящие круги Великобритании, обладая немалым опытом государственного управления в кризисные для британского государства исторические моменты, старались вовремя погасить радикализм участников акций протеста средствами «политики памяти».

6. Фашистская идеология, нашедшая выражение в её британском варианте наряду с политическим антисемитизмом в призывах к демонтажу парламентаризма, разделялась не только вступавшими в Британский союз фашистов (БСФ) О. Мосли отдельными рядовыми членами Британского легиона, но и некоторыми его руководителями. Одной из главных причин сближения отдельных рядовых и высокопоставленных ветеранов войны с британскими фашистами стало глубокое их разочарование в идеалах парламентской демократии, возникшее на почве социального неблагополучия и вдохновляющего примера «твёрдой руки» итальянского фашизма и германского нацизма. За их возможными сторонниками-ветеранами войны в командном составе сухопутных вооружённых сил и ВМФ велось тщательное наблюдение британскими спецслужбами.

7. Международная деятельность Британского легиона осуществлялась в 1930-е гг. в контексте официального внешнеполитического курса: его делегации или частные визиты руководителей указанной организации подготавливали почву для последующего успешного взаимодействия Великобритании со своими доминионами, а также с Францией и с Германией. Деятельность Легиона, начиная со второй половины 1930-х гг., была тесно связана не только с подготовкой почвы для дальнейших внешнеполитических шагов британского правительства, но и

непосредственно с реализацией путём непосредственного участия в конкретных мероприятиях проводимой им политики «умиротворения» агрессора.

Апробация результатов исследования. По теме диссертационной работы были опубликованы 16 статей, из которых 3 – статьи в журналах из списка ВАК Минобрнауки РФ. Результаты исследования были представлены на 7 международных и 5 всероссийских научно-практических конференциях и форумов: «Чичеринские чтения», «Патриот: актуальные вопросы военной истории России и её силовых структур», «XVI Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых», «Первая мировая война в исторической памяти России и Европы: документальные свидетельства и исторические нарративы», XXX и XXXI Международный молодёжный научный форум «Ломоносов», «Степановские чтения», «История повседневности: источниковедческие подходы и методы», «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», «Власть и общество в историческом опыте человечества», «Ялтинские философские чтения», «XIII Информационная школа молодого ученого».

В процессе работы над кандидатской диссертацией были разработаны два учебно-методических пособия. Первое из них представляет собой сборник практических и демонстрационных материалов по истории Первой мировой войны¹²⁹. Помещенные в нём материалы имеют целью изучение и закрепление в школьном преподавании истории сущности Первой мировой войны. Пособие содержит QR-код на учебный видеоролик, опубликованный на видеохостинге Rutube¹³⁰. Второе пособие посвящено исторической памяти о Первой мировой войне в Великобритании в межвоенный период¹³¹. Пособие содержит инфографику, касающуюся различных аспектов исторической памяти о Первой мировой войне в Великобритании межвоенного периода. Оба пособия были изданы Тамбовским областным институтом повышения квалификации

¹²⁹ Первая мировая война: сборник практических и демонстрационных материалов по истории / сост. В. В. Инкин. – Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2025. – 42 с.

¹³⁰ Особенности Первой мировой войны [видеозапись] / RUTUBE [сайт] // VICTOR INKIN [канал]. – URL: <https://rutube.ru/video/14c4eca400bcb01260b4e6d0ca052735/> (дата обращения: 22.02.2025).

¹³¹ Память о Первой мировой войне в Великобритании в интербеллум: сборник демонстрационных и практических материалов по истории / сост. В.В. Инкин. – Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2025. – 19 с.

работников образования и используются в учебном процессе. Опыт их разработки был представлен в рамках I Всероссийского слёта Молодёжного клуба Российского исторического общества в 2023 г.

В рамках участия в деятельности волонёрского сообщества Авторы и экспертов Российского общества «Знание» в 2024 г. было опубликовано несколько научно-популярных статей в электронной энциклопедии «Знание. Вики», одна из которых была посвящена деятельности Британского легиона¹³².

Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина и была рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и приложений.

¹³² Королевский британский легион / Российское общество Знание [сайт]. – URL: https://znanierussia.ru/articles/Королевский_британский_легион (дата обращения 22.02.2025).

ГЛАВА 1. ВETERАНСКИЕ НАРРАТИВЫ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Опираясь на достижения отечественной и зарубежной историографии, можно отметить следующие факторы, повлиявшие на социально-экономическое развитие и международное положение Великобритании в 1930-е гг.:

1. последствия Первой мировой войны 1914-1918 гг.;
2. кризис капиталистической системы 1929-1933 гг.;
3. влияние Октябрьской революции 1917 г. в России;
4. рост значимости рабочего класса в обществе;
5. угроза революционных выступлений в Великобритании;
6. начавшийся процесс деколонизации в мире, который затронул, и Британскую империю;
7. обострение «ирландской проблемы» в Великобритании;
8. активизация праворадикальных партий и движений;
9. окончательная утрата мировой промышленной монополии среди стран капитализма из-за подъёма экономики США в годы Первой мировой войны;
10. исторический опыт частичных социальных реформ, которые начали осуществляться в Великобритании ещё с последней четверти XIX в.

В различные периоды историки по-разному определяли приоритет перечисленных выше факторов. Представители советской исторической науки придавали большее значение фактору революции в России, экономическим кризисам, классовой борьбе. Зарубежная историография XX в. (и современная российская вслед за ней) во многом уходила в другую крайность – игнорирование сущности классов в обществе, равно как существовавших между ними противоречий. На долгое время из поля зрения советских историков выпал фактор социокультурного влияния Первой мировой войны, что на современном этапе развития российской исторической науки во многом исправлено.

Вынесение на первое место фактора Первой мировой войны связано с темой исследования. Поскольку этот аспект относится, следуя марксистской

терминологии, к «надстройке», мы будем рассматривать его в совокупности с изменениями в «базисе» Великобритании 1930-х гг.

Последствия Первой мировой войны для Великобритании можно разделить на несколько категорий.

1. Экономические:

- 1.1. Постепенная утрата лидерства в мировой системе капитализма;
- 1.2. Кратковременное преодоление экономического кризиса 1913 г.;
- 1.3. Развитие неоколониализма через учреждение мандатной системы.

2. Социальные:

- 2.1. Демографические потери страны;
- 2.2. Морально-психологический ущерб общества;
- 2.3. Появление новых социально-активных сил в обществе.

3. Политические:

- 3.1. Приобретение статуса державы-победительницы в мировой войне;
- 3.2. Активизация правого и левого радикализма;
- 3.3. Рост антисоветизма и изоляционизма во внешней политике.

4. Культурные:

- 4.1. Дискуссии о войне и роли Великобритании в ней;
- 4.2. Появление феномена исторической политики;
- 4.3. Импульс к развитию различных направлений искусства.

Разделение политики на внутреннюю и внешнюю, а также на отдельные их сферы весьма условно при историческом анализе британского общества 1930-х гг. В этом отношении уместно использовать формационный подход, отражённый в Приложении № 1.

При рассмотрении исторической памяти о Первой мировой войне и ветеранского движения в Великобритании необходимо учитывать общий контекст периода, поэтому целесообразным будет обращение в исследовании к сферам, связанным с экономикой, дипломатией, социальными движениями, политической борьбой и идеологией.

История в большей степени является моделью прошлого, состоящего из набора имеющихся источников и их интерпретаций, от которых будет зависеть конечный нарратив – образ, сохранившийся в восприятии общества.

Ветераны в 1930-е гг. выступали, по терминологии А. Ассман, историческими и моральными свидетелями благодаря своей близости к событиям «Великой войны»¹³³. Публикуя романы, автобиографии, мемуары, высказывая своё мнение в прессе или парламенте, они говорили за тех, кто уже никогда не сможет вернуться и передать травматичный опыт войны. Те, кто говорил о бессмысленности бойни и своих страданиях, бросали вызов официальному героическому нарративу. Их голоса были попыткой донести правду о войне до общества.

Проблема достоверности нарратива состоит не только в количественной и качественной подборке различных источников, но и в базисном анализе явлений и процессов, которые эти нарративы отражают.

Следовательно, необходимо при воспроизведении курсировавших в британском обществе нарративов дать сущностную характеристику самой Первой мировой войны, классов и групп общества, международного и внутривойны контекста, с учётом которых происходило формирование образов войны 1914-1918 гг. в сознании британского общества.

1.1. Формирование официального «канона» памяти о Первой мировой войне в Великобритании

Необходимость увековечивания памяти об участниках Первой мировой войны проистекала из целого ряда факторов. Во-первых, моральные и культурные представления, которые заключались в потребности почтить память погибших фронтовиков, приходившихся кому-то однополчанами, родственниками или «братьями по оружию». Во-вторых, происходил «поиск смысла» гибели многих

¹³³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 90, 92.

сотен тысяч людей в беспрецедентной по своему влиянию на общество мировой войне, масштабы которой ранее были несопоставимы с предыдущими военными конфликтами Великобритании. В-третьих, память о войне формировала определённый элемент государственной идеологии, которая должна была консолидировать общество в политически нестабильный период.

Далее рассмотрим эти факторы подробнее.

В самой Англии до конца XIX в. не получил распространения учрежденный на государственном уровне культ павших воинов. Это было связано с тем, что горечь утраты переживалась больше на индивидуальном уровне. Поскольку Великобритания вела в тот период захватнические колониальные войны на отдалённых от метрополии территориях, подавляющее большинство населения не ощущало свою сопричастность к внешней политике государства. Тем не менее, памятные мероприятия существовали в связи с коммеморацией англо-французских, англо-зулусской и англо-бурской войн XIX – начала XX в.

Но с введением всеобщей воинской повинности в 1916 г. в Великобритании памятные ритуалы и мероприятия стали распространяться на более широкие массы населения, так как в армию были призваны тысячи новобранцев, сражавшихся на территории Западной Европы, Балкан, Галлиполи, Месопотамии.

Массовое сооружение памятников павшим представляло собой попытку государства и общества примириться с людскими потерями. По мнению историков, это побуждение направлялось разными силами и исходило из разных мотивов:

1) ритуалы почитания павших являлись средством «лечения» общества и инициировались снизу (исследования А. Грегори, М. Коннелли);

2) формирование культа павших – часть идеологии национализма, которую правящий класс Англии использовал для политической легитимации своей власти (исследования Дж. Моссе, А. Кинга).

В послевоенное время британское правительство остро нуждалось в необходимости отвлечь народные массы от причиненных войной травм и экономических проблем. Идеология солидаризма, формировавшаяся через

историческую память о Первую мировую войну, стала основой для поддержания сплочённости населения и государства и в 1930-е гг. С другой стороны, память о войне стала использоваться в политической борьбе представителями левой оппозиции.

Ощущение важности дела, за которое умирают, существенно для солдат. Поэтому Первая мировая война для правящих кругов воевавших стран поставила задачу создание смыслов войны: защита товарищей, семьи, родины, чести, вера в необходимость войны. Ощущение осмысленности приносимой жертвы отделяло добровольное самопожертвование от ощущения себя «пушечным мясом», закладывая основу либо для доверия к власти, либо для тотального с ней конфликта. Крушение веры в осмысленность принесенной жертвы создавало почву для конфликта ветеранов и институтов власти.

В этом отношении британское правительство использовало идею национального единения, приглушая тем самым наличие объективных классовых противоречий в обществе. Важной особенностью многих воинских мемориалов и общественных ритуалов стал акцент на антииндивидуалистичности, при которой подчёркивалось отсутствие различий между объёмом воинских почестей, полагавшихся знатному офицеру и рядовому солдату из социальных низов. В то же время британское общество оставалось социально разобщенным: пропасть между классами капиталистов и пролетариата оставалась непреодолимой, как и различие в их отношении к войне. Для первых, особенно владельцев военных заводов, она стала источником для преумножения своих состояний¹³⁴ и разрешением кризиса перепроизводства 1913 г., а для вторых – гибелью ради классовых интересов крупных капиталистов. Поэтому для класса собственников необходимо было средствами исторической политики придать войне не экономический облик, а такую форму, которая была способна отвлечь широкие

¹³⁴ См.: Энгельбрехт, Ханиген. Торговцы смертью. Международная военная промышленность / пер. с англ. М. М. Маврина. – Москва : Соцэкгиз, 1935. – 218 с.

массы от истинных целей империалистической политики Великобритании, исказить их представления о сущности, особенностях, итогах и значении войны.

В этом контексте сразу после 1918 г. создавались научные труды и распространялись публицистические произведения. Такая деятельность преследовала несколько задач:

1. оправдание вступления Великобритании в войну;
2. разоблачение других государств-участников в наличии у них агрессивных планов;
3. подчёркивание положительного значения победы Великобритании.

В 1920-е гг. общей тенденцией для историографий капиталистических стран было отрицание агрессивных намерений своего отечества¹³⁵. По такому пути пошла и историческая наука Великобритании.

Целенаправленное изучение войны 1914-1918 гг. началось в Великобритании с 1924 г., когда по правительственному поручению историкам Дж. Гучу и Г. Темперли был предоставлен доступ к архивным источникам. Самый ранний фонд, материалы которого были использованы в их исследовании, датируется в Национальном архиве Соединённого Королевства 1927 годом¹³⁶. Поскольку историки получили доступ к протоколам заседаний Кабинета министров (СAB) и дипломатической переписке (FO), правительство придавало высокую значимость этому событию. Из этого можно заключить, что с середины 1920-х гг. государственные институты направляли и координировали курс исторической памяти о «Великой войне».

Дж. Гуч, выступая 5 октября 1938 г. в Королевском институте международных отношений, г. Лондон, отмечал открытие архивов как один из многочисленных результатов Первой мировой войны, благодаря чему «мы знаем дипломатическую историю Европы перед 1914 годом лучше, чем любую другую

¹³⁵ Туполев Б. М. Происхождение первой мировой войны // Мировые войны XX века : в 4 кн. / Институт всеобщей истории РАН. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2005. – Кн. 1 : Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. – С. 21–22.

¹³⁶ Gooch, G. P., Temperley, H. British Documents on the Origins of the War, 1898–1914: Volume I [Published state papers]. – London: His Majesty's Stationery Office, 1927. – (ZLIB 17/6; former reference: Filed/Room 2B/Bookcase E). – Held at: The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C2507225> (дата обращения: 14.08.2025).

эпоху»¹³⁷. Перечисляя, какую важную роль сыграли ставшие доступными архивные материалы в разоблачении империалистических амбиций русского царя и германской «мировой политики», историк куда в более умеренном тоне отзывался о британских документах кануна войны¹³⁸. До 1938 г. издавался 11-томный труд под названием «Британские документы о происхождении войны, 1898-1914 гг.»¹³⁹, в котором практиковался тенденциозный отбор источников по истории предвоенной дипломатии с целью доказать исключительную вину Германской империи. Дополнительно это могло помочь обосновывать требование уплаты репараций, наложенных на проигравшую сторону по условиям Версальского мирного договора. Представление о прусском милитаризме, активно распространявшееся в пропаганде 1914-1918 гг., сохраняло свою актуальность и в 1930-е гг., всплывая, в частности, в дискуссиях Палаты общин по вопросам современной международной обстановки¹⁴⁰.

Другое направление британской историографии, охарактеризованное советским историком К.Б. Виноградовым как «мелкобуржуазный пацифизм»¹⁴¹, отличалось узким подбором фактов, идеализмом и игнорированием империалистической сущности внешней политики Великобритании, хотя и выступало против её участия в войне. Видным её представителем являлся исследователь и политик Ф. Ноэль-Бейкер (в войну был «отказником», но организовал отряд скорой помощи «Друзья») считавший, что бизнес был заинтересован в войне накануне 1914 г.¹⁴². В 1936 г. он описал также противоречивый опыт работы военной промышленности, которой было напрямую выгодно получать прибыли от ведения войны. «Мы как нация всё больше зависим от частных фирм в плане поставок любого необходимого нам вооружения... мы

¹³⁷ Gooch G. P. European diplomacy before the war in the light of the archives // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939). – 1939. – Vol. 18, № 1. – P. 77.

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ См: British Documents of the Origins of the War. In 11 vols. L., 1927-1938 / ed. H. Temperley, G. Gooch.

¹⁴⁰ Debate on the Address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 27 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/nov/27/debate-on-the-address> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁴¹ Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны / под ред. И. С. Галкина. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – С. 187.

¹⁴² Noel-Baker Ph. The private manufacture of armaments. Vol. I. – London : Victor Gollancz Ltd, 1936. – P. 10.

создаём огромные частные предприятия, процветание которых зависит от заказов на военную продукцию... эти тенденции крайне опасны... из опыта прошлой войны, который является более неоспоримым»¹⁴³. Основываясь на сметах и отчётах правительства Ноэль-Бейкер, заключил, что такой же подход продолжал существовать и во второй половине 1930-х гг. Тем не менее, парламентарий не осуждал капиталистов в развязывании войны напрямую. «Я не обвиняю оружейные компании и не приписываю им какие-то особые пороки. Они бизнесмены, и им нужно продавать свою продукцию, но я обращаюсь к правительству с тем, что, расширяя частное производство оружия, они создают огромного Франкенштейна, создают огромные корыстные интересы...»¹⁴⁴.

Схожую линию отстаивали в своём совместном труде 1934 г., издаваемом в Англии, американские исследователи Г. Энгельбрехт и Ф. Ханиген, пытаясь лишь оправдать поведение капиталистов ростом национализма и милитаризма среди различных народов¹⁴⁵. Подобные логические построения, в основе которых лежало приписывание растущему национализму в Европе агрессивности, приведшей к войне 1914-1918 гг., было достаточно популярно в политических кругах 1930-х гг. Например, в июле 1936 г. консерватор Лео Эмери, опираясь, вероятно, на свой опыт разведчика во время войны, сообщил в ходе парламентских дебатов следующее: «Война началась из-за того, что Сербия, Италия и Румыния страстно желали присоединить к своим государствам территории, которые в то время принадлежали Австрийской империи... Франция была готова... вернуть Эльзас и Лотарингию. Именно в этих фактах, в этих неразрешимых конфликтах амбиций, а не в гонке вооружений, заключалась истинная причина войны»¹⁴⁶. Следует отметить, что в данном объяснении происхождения Первой мировой войны напрочь отсутствовало всякое упоминание о колониальных интересах Великобритании.

¹⁴³ Supply // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 20 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/jul/20/supply> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁴⁴ Ibid. P. 127.

¹⁴⁵ Энгельбрехт, Ханиген. Указ. соч. – С. 28.

¹⁴⁶ Supply // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 20 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/jul/20/supply> (дата обращения: 14.08.2025).

К 1930-м гг. в британской исторической науке возникла тенденция к перекладыванию ответственности за развязывание войны на противостоявший Антанте военный блок Центральных держав, а также на балканские государства. Это направление стало активно развиваться преподавателями Оксфордского университета и Школы славянских исследований при Лондонском университете, где важную роль играл историк Р. Сетон-Уотсон¹⁴⁷.

Г. Никольсон, являвшийся представителем антантофильского лагеря историков, сводил защиту «невиновности» Великобритании к следующим положениям в своей работе о дипломате Артуре Никольсоне:

- 1) Антанта не стремилась окружить Германию накануне войны путём вовлечения в свой состав Российскую империю;
- 2) правительство Германии было дезинформировано об истинных целях Антанты по упрочению мира в Европе;
- 3) подписание с Россией договора о разделении сфер влияния в Персии, Тибете и Афганистане способствовало устранению наболевших геополитических проблем;
- 4) Россия создала Балканский союз и поощряла интриги Сербии в Южной Европе;
- 5) ответственность за начало войны лежала на России (подстрекатель), Австро-Венгрии (использование силового метода возмездия за убийство наследника престола) и Сербии (provocateur)¹⁴⁸.

Эти положения оправдывали грабительскую колониальную политику Великобритании в Азии, идеализировали стремление Великобритании не допустить войну и всячески подчёркивали агрессивность России. При такой расстановке акцентов можно увидеть, что Г. Никольсон обслуживал текущие интересы британских правящих кругов, а также подобное объяснение происхождения мировой войны импонировало ультраправым силам в Англии,

¹⁴⁷ Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки : учебное пособие для студентов / под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. – Москва : Простор, 2002. – С. 65–66.

¹⁴⁸ Виноградов К. Б. Указ. соч. – С. 200-202.

которые объединились впоследствии в рамках «Британского союза фашистов». Их взгляды сводились, как правило, к тому, что Великобритании, утратившей былое могущество, и впавшей в миролюбивый изоляционизм, необходимо было вновь вернуть статус мирового лидера и возложить на себя «бремя белого человека». Любопытно и то обстоятельство, что в подобной исторической модели предвоенной дипломатии правительство Великобритании изображалось лишенным каких-либо агрессивных поползновений, и лишь вынужденным вести конкурентную борьбу за захват колоний с Германией. А общество, как следовало из подобных рассуждений, лишь вынуждено было поддержать государство на фронтах войны с агрессорами. Так, «Великая война» превращалась в общественном сознании в «случайное зло», которое привело к гибели многих тысяч британцев. Такой атмосфере конца 1920-х – начала 1930-х гг. соответствовала сакрифицированная форма оплакивания погибших во время войны, сложившаяся в общественном сознании.

Примерно такую же позицию занимал историк Р. Энзор, который пришёл к выводу, что Германия приняла окончательное решение о вступлении в войну уже в 1913 г., а Великобритания же вовсе не собиралась причинять ущерб германским интересам¹⁴⁹. Шовинистические взгляды отличали Л. Вудворда, выступившего в защиту британского империализма: Великобритания не могла занимать нейтральную позицию в условиях, когда расширялась заморская экспансия Германии и наращивалась её военно-морская мощь¹⁵⁰. Тем не менее, историк отрицал наличие у стремившихся закрепить господство британских монополий каких-либо экономических интересов, утверждая, что якобы экономическое процветание Германии никоим образом не мешало Великобритании.

Интересно, что защита Бельгии уже меньше упоминалась в качестве причины вступления Великобритании в войну, что в глазах ветеранов 1930-х гг. уже совсем выглядело как неправдоподобное пропагандистское клише. Ветеран войны А. Уорд, как и многие другие, критически относился к «бельгийскому

¹⁴⁹ Там же. С. 204.

¹⁵⁰ Woodward L. Great Britain and the German navy. – Oxford : At the Clarendon Press, 1935. – P. 192.

предлогу»: «рано или поздно какое-нибудь правительство может поступить также, как правительство в 1914 году, и втянуть нашу страну в войну, возможно, ради защиты клочка бумаги, к войне, к которой мы совершенно не готовы»¹⁵¹.

В целом, в 1930-е гг. заметно, как британское историческое сообщество всё чаще подстраивалось под политическую конъюнктуру. С середины 1930-х гг. правящие круги Великобритании способствовали усилению фашистской Германии, проводя политику умиротворения агрессора. Так, и Л. Вудворд подчёркивал, что упрямство Германии, проявленное в связи со строительством Багдадской железной дороги, побудило Великобританию к тому, чтобы обезопасить свои интересы заключением союза с Россией (за которой в 1930-е гг. закрепился статус основного зачинщика войны). Историк полагал, что Великобритания и Германия могли договориться о разделе сфер влияния без прибегания к войне, ровно таким же образом, как со второй половины 1930-х гг. британская дипломатия подталкивала А. Гитлера к агрессии в восточном направлении, против СССР, позволяя ему безнаказанно нарушать международные нормы и расширять зону своего влияния. Подобная политика баланса сил стала традиционной для правящих кругов Великобритании. Так, в 1938 г. Д. Ллойд Джордж, упрекая парламентариев, фактически уравнил СССР и Германию: «Почему мы должны вступать в переговоры с этими фашистскими державами несмотря на то, что мы не одобряем их методы и принципы их правления, и при этом исключать из списка гораздо более крупную страну?»¹⁵². Вспоминая предвоенные годы, политик подчеркнул: «Мы заключили пакт с царской Россией, с её погромами, расстрелами рабочих на улицах Санкт-Петербурга; мы заключили пакт с безжалостным самодержавием. Мы сделали это в 1914 году с общего согласия нации»¹⁵³.

¹⁵¹ Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 3 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/03/clause-5-abolition-of-death-penalty-in> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁵² Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 9 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/09/debate-on-the-address> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁵³ Ibidem.

Необходимость сохранения «баланса сил», при котором Великобритания в разные времена стремилась разгромить наиболее сильную державу в Европе, чтобы сорвать её планы по достижению гегемонии на континенте, подчеркнул в марте 1936 г. Уинстон Черчилль на заседании группы комиссии по иностранным делам¹⁵⁴. Будучи инициатором интервенции в Советскую Россию, а в рассматриваемый период – одним из «заднескамеечников» в парламенте, он командовал во время войны неудачно завершившейся операцией по захвату Дарданелл, а затем нёс службу и на Западном фронте. О возможности подобных компромиссов, «мирной ревизии» и «конструктивной политике Гитлера» размышлял представитель циклической теории в британской историографии А. Тойнби в своём докладе «Мирное измерение»¹⁵⁵. М. Брюс, основываясь на идеалистических позициях, утверждал, что «Великая война» не была вообще вызвана экономическими или колониальными конфликтами Великобритании и Германии, её спровоцировали непосредственно только правящие круги в лице Вильгельма II и А. фон Тирпица¹⁵⁶. Выводы историка также имели конъюнктурный характер: если современная ему германская экспансия была направлена на Польшу и СССР, а не на Балканы и Азию, то у Великобритании и Германии не могло возникнуть конфликтов на этой почве.

Конъюнктурный характер выводов историков был связан с проводимой Великобританией политикой умиротворения. После Мюнхенского кризиса 1938 г. произошёл раскол во мнениях по поводу целесообразности такой стратегии. Арнольд Уилсон, служивший в звании капитана, а затем колониальным администратором в Месопотамии во время войны 1914-1918 гг., считал, что Великобритания со своей политикой «баланса сил» взвалила на себя слишком непосильную ношу распоряжаться судьбами многих народов. В парламенте 19 декабря 1938 г. он процитировал громкие слова историка Дж. Гуча по поводу «высшей миссии» Великобритании. «Государство...является опекуном будущих

¹⁵⁴ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. – 3-е изд. – Москва : Междунар. отношения, 1982. – С. 257–258.

¹⁵⁵ Виноградов К. Б. Указ. соч. – С. 208.

¹⁵⁶ Bruce M. British foreign policy isolation or intervention. – London : Thomas Nelson and Sons Ltd, 1938. – P. 113–123.

поколений. Высший долг государства – выжить, и для этого ему могут потребоваться решения, которые отдельный человек с этической точки зрения счёл бы неприемлемыми... Человек может пожертвовать своей жизнью, но общество должно жить дальше. Опекун не может отказаться от имущества, которое ему не принадлежит. Другими словами, действия правительства в определённых рамках определяются соображениями, которые можно назвать скорее биологическими, чем моральными»¹⁵⁷. Отчасти критикуя такой подход А. Уилсон, считал, что разделяет долг бороться «за британскую землю, за доминионы и за колонии Короны», но не за подмандатные территории. В этой связи он заключал, что Германии нужно дать «возможность решить вопрос на основе справедливости»¹⁵⁸. Приведённые выше примеры служат яркой иллюстрацией непостоянства действующих и отставных британских политиков и официальной исторической науки в оценке войны и развивавшейся международной ситуации.

Любопытно, что нарратив о мирных целях Великобритании в предвоенной гонке вооружений и создании военно-политического блока проник в прессу и стал использоваться как аргумент против обвинений в развязывании мировой войны: «Британия вооружалась не для войны, но ради мира. Необходимо помнить об этом, думая о людях, которые погибли за нас в Великой войне. Их высшая жертва была знаком для живущих, что их жертва была принесена не напрасно»¹⁵⁹. Такой идеологический шаблон часто сопровождался риторикой о «высокой миссии» Великобритании в войне: «...Граф в своём обращении сказал, что цвет молодежи нашей страны был уничтожен во время Великой войны. Их жертва не была напрасной. Они дали нам демократию и свободу»¹⁶⁰.

Изучая предвоенную дипломатию, Дж. Гуч дал различные характеристики политикам стран-участников Первой мировой войны, которые можно свести к

¹⁵⁷ Foreign policy // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 19 December. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/dec/19/foreign-policy> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁵⁸ Ibid. P. 2583.

¹⁵⁹ Eastbourne Gazette, Sussex, England, 18 November 1936. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001928/19361118/071/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁶⁰ The Scotsman, Midlothian, Scotland, 15 November 1937. – P. 12. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000540/19371115/083/0012> (дата обращения: 11.03.2025).

следующим выводам: Э. Грей (Великобритания) – борец за мир; Р. Пуанкаре (Франция) – не хотел войны; Т. фон Бетман-Гольвег (Германия) – пацифист; С.Д. Сазонов (Россия) – коварный интриган¹⁶¹. Даже, если критиковать работу Дж. Гуча за научно некорректный отрыв внешней политики от внутренней, непринятие в расчёт государственных деятелей Италии, США, малых стран Европы и российских источников, то всё же отчётливо вырисовывается антироссийская (применимо к позиции Российской империи накануне 1914 г.) и антисоветская направленность его выводов, где проводилась параллель с надвигающейся Второй мировой войной и роль Великобритании снова необходимо было подчеркнуть исключительно в положительном свете.

Рассмотрение британской историографии 1930-х гг. имеет смысл применимо к теме диссертационного исследования в следующих отношениях (См. Приложение № 2).

1. Использование научных (исторических и политологических) трудов для обоснования правоты внешнеполитического курса Великобритании накануне 1914 г.

2. Формирование благоприятного для правящих кругов общественного климата на фоне укрепления дипломатических сношений с гитлеровской Германией, в условиях, когда фашисты открыто вели подготовку новых военных вторжений в Европе, а британские фронтовики и пресса открыто выступали с антивоенных и критических позиций.

3. Дискредитация политики Российской империи (которая в равной степени с другими империалистическими державами была заинтересована в разделе мира) для создания «образа врага» в лице Советского Союза, одно лишь существование которого нарушало баланс в мире «по умолчанию».

Тем не менее, антисоветские тенденции британской историографии рассматриваемого периода следует понимать диалектически: с одной стороны, правящие круги Великобритании были заинтересованы в дискредитации СССР и

¹⁶¹ Gooch G. Before the war: studies in diplomacy. Vol. 2: The coming of the storm. – London : Longmans, Green and Co., 1938. – P. 116, 197, 271, 281.

в целом в его уничтожении (желательно руками фашистов), с другой стороны, историки испытывали на себе влияние политической конъюнктуры, поскольку сами являлись представителями буржуазного общества. Поэтому преодолеть идеализм и субъективизм в исторической науке удалось немногим британским специалистам. Например, автор книги «История Англии» (1-е издание вышло в 1938 г.) А. Мортон, стоявший на марксистских позициях и не являвшийся представителем официальной историографии, признавал за войной 1914-1918 гг. империалистический характер¹⁶². Одновременно историк являлся журналистом газеты «Daily Worker» и поддерживал контакты с левыми политическими активистами.

Таким образом, мы рассмотрели, как позиция государства повлияла на исторические исследования в области изучения причин войны 1914-1918 гг., результатом которых стало создание официального мифа о положительной роли Великобритании до войны и во время неё. Данный нарратив мог помочь участникам войны, современникам сформировать представления о прошедших событиях и процессах. Но при этом была заложена проблема, заключающаяся в том, что сильно приукрашенная историческая картина участия Великобритании в войне не позволяла будущему поколению извлечь из неё важный во всех отношениях урок.

В целом официальные каноны памяти сформировались уже в первые послевоенные годы (отражено в Приложении № 3). Однако для понимания изменения восприятия войны в 1930-е гг. необходимо выявить особенности сложившихся практик коммеморации, оказавших влияние на изучаемый период. Например, на протяжении 1930-х гг. сохранялись традиции возложения венков, ветеранских маршей, торжественного парада британских войск, двухминутного молчания в знак скорби о погибших, колокольного звона и оружейного салюта. Важнейшее значение в этом отношении имела календарная дата 11 ноября, когда было подписано Компьенское перемирие 1918 г. Этой памятной дате придавался

¹⁶² Мортон А. Л. История Англии. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1950. – С. 439.

торжественный смысл на государственном уровне, на памятных мероприятиях присутствовали представители правительства, военного руководства, королевские особы: «Вся империя замирает на две минуты и вспоминает годы войны. В День Перемирия монарх выступил с речью перед Британским легионом на Дне памяти в Альберт-холле в Лондоне. Король Эдуард почтил памятью павших, рядом в ложе находились члены королевской семьи...»¹⁶³.

Тем не менее, не все политические силы и подданные Великобритании были готовы следовать сложившимся ритуалам коммеморации. Так, первые акции протеста в День перемирия имели место уже в 1921 г. и 1924 г., что только усилилось на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в связи с наступлением крупномасштабного экономического кризиса, вызвавшего острое недовольство широких слоёв населения. Коммунисты же и вовсе объявили этот праздник «непролетарским». Тем не менее, члены правительства считали протестные демонстрации редкими исключениями, поскольку чаще всего траурные церемонии в День перемирия проходили по сложившимся традициям. Согласно меморандуму министра внутренних дел от 17 июля 1930 г., хранящемуся в Национальном архиве Соединённого Королевства, поминовение Дня перемирия в 1929 г. прошло по плану и получило «всеобщее одобрение», поэтому грядущие мероприятия планировалось провести по той же схеме¹⁶⁴. Аналогичный меморандум министра Джона Клайнса был издан в следующем 1931 г. с теми поправками, что необходимо было осведомиться о пожеланиях монарха относительно программы поминовения¹⁶⁵. Несмотря на смену кабинетов министров (отставка Второго лейбористского правительства) ответственность за проведение мероприятий ко Дню перемирия была закреплена за министерством

¹⁶³ Aberdeen Press and Journal Aberdeenshire, Scotland, 12 November 1936. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000577/19361112/105/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁶⁴ Clynes J. Memorandum by the Home Secretary on Armistice Day / Clynes J. – 1930, July 17. – (CAB 24/214/3). P. 1 – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728563> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁶⁵ Clynes J. Memorandum by the Home Secretary on Armistice Day / Clynes J. – 1931, July 9. – (CAB 24/222/19). P. 1 – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728914> (дата обращения: 14.08.2025).

внутренних дел¹⁶⁶. В 1933 г. в парламенте обсуждался инцидент 1932 г., когда в некоторых английских городах была ограничена торговля главными символами памяти о войне – искусственными цветками мака. Персональные обвинения в забвении памяти о погибших были выдвинуты парламентариями в отношении министра Джона Гилмора (в должности в 1932-1935 гг.)¹⁶⁷. Обеспечение искусственными цветками мака было поставлено в целом на высокий уровень, поскольку они являлись основным символом в День перемирия. Изучение дел на «маковых фабриках» было одной из забот членов правительства и представителей королевской семьи. Так, в кинохронике 1929 г. запечатлено, как принц Эдуард Уэльский посетил такую фабрику при отделении Британского легиона в Ричмонде¹⁶⁸. Той же темы касался отдельный репортаж, снятый уже в следующем 1930 г., что свидетельствует о систематическом характере данного мероприятия¹⁶⁹.

Государственный контроль в связи с подготовкой памятных мероприятий к указанной выше дате охватывал также внешний вид мемориалов. Накануне торжеств власти распоряжались о приведении воинских мемориалов и статуй в порядок, за что отвечал отдельный департамент¹⁷⁰.

Присутствие членов правительства на церемонии торжеств было важной функцией для британского истеблишмента. Министерство внутренних дел отправляло приглашение кабинету министров, включая премьер-министра и госсекретарей. В рамках церемонии им предоставлялась честь возложения венков

¹⁶⁶ Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet Day / Cabinet Office. – 1933, July 17. – (CAB 23/76/18). P. 11 – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653854> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁶⁷ Armistice Day poppy sales (Hull and district) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1933. – 2 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1933/mar/02/armistice-day-poppy-sales-hull-and> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁶⁸ Prince of Wales at British Legion Poppy Factory at Richmond (1929) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/120462/> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁶⁹ Prince Arthur of Connaught opens British Legion Factory extension (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/170282/> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁷⁰ London memorials and statues (cleaning) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 5 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/nov/05/london-memorials-and-statues-cleaning> (дата обращения: 14.08.2025).

к воинским мемориалам¹⁷¹. В этот день считалось нецелесообразным проводить какие-либо политические митинги к выборам¹⁷².

Накануне очередной годовщины в 1936 г. во время парламентских дебатов участник битвы при Камбре, лейборист Эрнест Тёртл решил осведомиться о том, не следует ли провести опрос с лидерами партий относительно изменения церемонии в День перемирия, на что последовал отрицательный ответ премьер-министра Стэнли Болдуина, что указывало на игнорирование в подобном случае мнения общественности: «Правительство Его Величества уверено, что церемония у Кенотафа в День перемирия соответствует чувствам большинства граждан страны»¹⁷³.

Приготовления к памятной дате стали удобным моментом для произнесения представителями парламентской оппозиции громких речей, содержащих острую критику по адресу правительства. Так, 8 ноября 1938 г. лейборист Томас Секстон остро критиковал в рамках парламентских дебатов речь короля за отсутствие упоминания о ветеранах войны, защищавших страну в 1914-1918 гг¹⁷⁴. Справедливо критикуя недостаточные меры по борьбе с бедностью, он сосредоточил внимание на неудачной попытке Британского легиона добиться от правительства расширения категорий лиц, которые могли претендовать на получение пособий: «Из речи премьер-министра мы поняли, что “набить мои пушки” важнее, чем “накормить моих ягнят”»¹⁷⁵.

Спустя год с момента окончания Великой депрессии дискуссии о мировой войне не прекратились. Память о ней не только способствовала расширению коммеморативных практик, но и продолжала вызывать споры в британском обществе, а также среди политиков. В этой связи следует отметить яркую речь,

¹⁷¹ Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet: [with participation of S. Baldwin, J.R. MacDonald et al.; agenda: Italo-Abyssinian Dispute, House of Lords Reform, Naval Conference etc.] / Cabinet Office. – 1935, October 23. – (CAB 23/82/16). P. 26 – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653972> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁷² Ibid. P. 311.

¹⁷³ Armistice Day // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 25 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/mar/25/armistice-day> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁷⁴ Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 8 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/08/debate-on-the-address> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁷⁵ Ibidem.

произнесенную 17 ноября 1934 г. в палате Общин депутатом от Шеттл-Стоуна (Глазго) Джоном Макговерном (Независимая лейбористская партия). Он начал своё выступление с того, что поводов для радости по окончанию войны на текущий момент быть не могло, что было ясно ещё шестнадцать лет назад: «Довольно много людей открыто отдавали дань уважения миру, заключенному в 1918 году... но это было не более чем не что иное, как подготовка к очередной капиталистической войне»¹⁷⁶. Докладчик обратил также внимание как искусно правящий класс пошёл на уступки трудящимся: «Когда в 1914 году мужчин попросили записаться в армию, им были предоставлены определенные льготы. Одна из них заключалась в том, что война должна была положить конец всей международной борьбе, что она сделает мир безопасным для демократии и что рабочим классам будет обеспечено лучшее материальное существование»¹⁷⁷. Он обратил внимание также на империалистическую природу мировой войны: «войны были вызваны напряженными отношениями и промышленным соперничеством за мировую торговлю... Эмбарго и торговые ограничения были свидетельствами напряженности, которая с течением времени все более нарастала»¹⁷⁸. В выступлении справедливо для 1934 г. проводилась аналогия с международной ситуацией накануне рокового 1914 г.: «Атмосфера сегодняшнего дня ближе к атмосфере 1914 года, чем когда-либо после окончания войны. Международная борьба вскоре может закончиться новой катастрофой»¹⁷⁹. Обещания правительства обеспечить материальное благополучие подданных по большей были забыты. А сами попытки отстоять социальные интересы путём открытых акций были законодательно ограничены: «Теперь у них (правительства – В.И.) есть законы, направленные на предотвращение участия шахтеров, железнодорожников и докеров в так называемой забастовке солидарности. В соответствии с Законом о страховании от безработицы... мужчины, которые не по своей вине не смогли получить работу будут отправлены на обучение, и

¹⁷⁶ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 17 November 1934. – P. 10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19341117/180/0010> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁷⁷ Ibid. P.10.

¹⁷⁸ Ibidem.

¹⁷⁹ Ibidem.

конечным результатом будет то, что они станут пушечным мясом для следующей войны. Ни одно из упомянутых им обещаний не может быть выполнено при нынешней социальной системе...»¹⁸⁰.

В приведённых свидетельствах отчётливо проступают соперничающие нарративы восприятия Первой мировой войны. С одной стороны, речь шла о попытке замаскировать её империалистическую сущность траурными практиками коммеморации, а с другой – о необходимости противодействия курсу британского правительства, направленному на втягивание страны в новую войну.

На особенности содержания британской исторической политики в отношении Первой мировой войны проливает свет стенограмма обсуждения в парламенте возможности переезда Имперского военного музея, датированная 30 ноября 1932 г.¹⁸¹. По этому вопросу решили высказаться пять человек: Мартин Конвей (генеральный директор музея в 1922-1937 гг.), Генри Монд (консерватор, ветеран войны, служивший в Южно-Уэльском пограничном полку в 1915-1916 гг.), Френсис Керзон (консерватор, командир батальона 2-й бригады Королевского стрелкового полка, участник боевых действий на Галлиполийском, Салоникском, и Западном фронтах), Роберт Хатчисон (либерал, офицер Генштаба 1 ранга в 1915-1917 гг.), Джеффри Фицкларенс (консерватор, представитель крупного дворянства). Ниже будут рассмотрены детали обсуждения, имеющие отношение к следующим проблемам: 1) нарративы памяти; 2) отношение ветеранов; 3) общественные настроения; 4) влияние экономического кризиса.

Обсуждение открыло выступление М. Конвея, который кратко описал собранную к 1932 г. коллекцию Имперского военного музея: огнестрельное и холодное оружие, более 5000 картин и других произведений искусства, 250000 фотографий, 150000 негативов, модели авиационной и морской техники. Библиотека музея насчитывала 60000 книг, больше количество британских и иностранных карт. Экспозиции музея посещало рекордное количество человек,

¹⁸⁰ Ibidem.

¹⁸¹ Imperial War Museum // Historic Hansard. – UK Parliament, 1932. – 30 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1932/nov/30/imperial-war-museum> (дата обращения: 14.08.2025).

что превосходило любые подобные учреждения (уступая лишь Музею науки в Лондоне): 4,5 млн. с момента открытия (1920 г.), 800-1300 человек в день.

Ф. Керзону удалось узнать от сотрудников музея, что обычно посетители приходили в музей без серьёзного настроения, беседовали, смеялись, но по мере продвижения по галереям публика становится всё более внимательной и тихой, меняя своё легкомысленное отношение¹⁸². В защиту музея ветеран зачитал два похвальных письма в адрес сотрудников музея от посетителей и подчеркнул, что интерес публики к этому музею очень велик, и нет никаких сомнений в том, что эта коллекция не имеет себе равных¹⁸³. Г. Монд также поддерживал инициативу директора перенести экспозиции музея в более удобные помещения, подчёркивая уникальность музея как места исторической памяти: «Всё это будет забыто, и разум людей будет забыт точно также. Единственное место, где можно побывать и проникнуться мыслями, которые были в головах людей в то время, и духом, который тогда охватил нацию, – это Военный музей»¹⁸⁴. Р. Хатчисон высказался о высокой практической полезности в плане воспитательного эффекта экспонатов: «эти картины, рисунки и другие изображения наших солдат на полях сражений представляют огромный интерес для подрастающего поколения... это один из лучших способов рассказать о том, через что прошёл наш народ, молодому поколению, которое не сталкивалось с этими ужасными событиями»¹⁸⁵. Ветеран англо-бурской и Первой мировой войн подчеркнул немыслимость возможной войны в будущем: «это прекрасный способ донести до них мысль о том, какая великая катастрофа ждёт любую страну, которая в наши дни вступит в войну»¹⁸⁶.

Выступающие подчеркнули важность того факта, что среди посетителей музея были иностранцы, в том числе немцы¹⁸⁷, положительные отзывы оставлялись и итальянцами. Высказываясь о назначении музея, ветераны и

¹⁸² Ibid. P.159.

¹⁸³ Ibid. P. 160.

¹⁸⁴ Ibid. P. 162.

¹⁸⁵ Ibid. P. 163.

¹⁸⁶ Ibid. P. 163.

¹⁸⁷ Ibid. P. 158, 160.

директор характеризовали его в большей мере как антивоенное, чем милитаристское¹⁸⁸.

Описывая важность коллекции музея, директор М. Конвей затронул следующие проблемы, связанные с переездом: невозможность разместить все виды экспонатов, тесноту помещений, сложность транспортировки при возможном переезде, опасность при чрезвычайных происшествиях, недостаточность финансирования. Музей не взимал платы с посетителей, а с целью получения дополнительного дохода занимался продажей фотографий военного времени. Поскольку музей был важнейшим местом исторической памяти, где в праздничный День перемирия могло оказаться до 16 тысяч человек, М. Конвей надеялся на содействие парламента и правительства в решении названных проблем. Однако Д. Фицкларенс не счел аргументы ветеранов войны и директора убедительными с точки зрения финансовых затрат правительства в условиях экономического кризиса, заключив, что перенос этого музея не является насущной необходимостью¹⁸⁹.

Таким образом, следует сделать вывод, что несмотря на важность исторической памяти о Первой мировой войне с точки зрения консолидации британского общества, институты власти не всегда стремились приоритетно финансировать деятельность государственных учреждений по сохранению памяти о Первой мировой войне, предпочитая делегировать это общественным организациями и частным лицам.

Материалы парламентских дебатов часто содержали обсуждения, касавшиеся официального канона памяти о войне. 5 мая 1936 г. парламентарии затронули вопрос о целесообразности возведения памятника умершему 11 марта того же года флотоводцу времён войны Дэвиду Битти. Все выступающие, включая оппозицию, были единодушны в необходимости увековечить память о нём, чтобы каждый британец, проходящий по улице «помнил о своём долге перед

¹⁸⁸ Ibid. P. 162.

¹⁸⁹ Ibid. P. 167.

великим человеком и великим лидером»¹⁹⁰. На основе такого рода оценок, высказывавшихся в парламенте, можно проследить, как складывалась концепция о вечной славе британского флота, где достижения Битти приравнялись к деяниям Гренвилла, Блейка, Дункана и Нельсона¹⁹¹, что способствовало формированию идеи о непрерывности истории Великобритании и укрепляло национальную идентичность. Подобные почести, вспоминал премьер-министр С. Болдуин, совсем недавно отдавались другому известному адмиралу – Джону Джеллико¹⁹². Инициатива возведения памятника в его честь относится ещё к 1935 г.¹⁹³. Такое упоминание указывает на систематическую официальную политику по увековечиванию памяти военных лидеров. Сооружение данных мемориалов планировалось именно на Трафальгарской площади, чему придавалось принципиальное значение¹⁹⁴ (однако план был реализован только в 1948 г.). В 1930 г. у парламентариев возникла инициатива возвести дополнительный памятник (по аналогии с мемориалом 1922 г. в зале Вестминстера) в честь участников войны 1914-1918 гг., являвшихся членами парламента¹⁹⁵.

Другой важной традицией коммеморации стало паломничество к массовым захоронениям павших британских солдат в страны Европы, организацию которых часто брал на себя Британский легион¹⁹⁶.

Воинские кладбища были разбросаны по огромным территориям. Большинство из них было расположено на территории бывшего Западного фронта (Франция и бельгийская Фландрия). Великобритания отказалась, в отличие от

¹⁹⁰ Memorial to Admiral of the Fleet Earl Beatty // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 5 May. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/may/05/memorial-to-admiral-of-the-fleet-earl> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁹¹ Ibid. P. 1538.

¹⁹² Ibid. P. 1537.

¹⁹³ Memorial to Admiral of the Fleet Earl Beatty // Historic Hansard. – UK Parliament, 1935. – 19 December. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1935/dec/19/memorial-to-admiral-of-the-fleet-earl> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁹⁴ Late Lords Jellicoe and Beatty memorials // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 21 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/21/late-lords-jellicoe-and-beatty-memorials> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁹⁵ Peers' War Memorial // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 12 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1930/nov/12/peers-war-memorial> (дата обращения: 14.08.2025).

¹⁹⁶ Wiltshire Times and Trowbridge Advertiser, Wiltshire, England, 8 July 1933. – P. 15. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001557/19330708/262/0015> (дата обращения: 11.03.2025).

Франции эксгумировать и «возвращать» павших солдат домой по следующим причинам:

1. экономическая затратность мероприятий;
2. соблюдение принципа «равенства в смерти».

Места захоронения многих солдат оставались неизвестными, так что возвращение лишь какого-то количества опознанных тел стало бы привилегией и одновременно дискриминацией в отношении половины подданных, потерявших на войне родных¹⁹⁷.

Паломничество к местам сражений выполняло важную функцию по объединению народов-победителей на основе общей скорби по погибшим. В этом отношении их родственники и ветераны войны стали каналами межгосударственных отношений. Взаимные визиты ветеранов с обязательным посещением воинских мемориалов или кладбищ стали неотъемлемой частью коммеморативных практик. Контроль над Имперской комиссией по воинским захоронениям был предметом парламентских обсуждений (от самой деятельности до расходов на содержание офиса)¹⁹⁸, что характеризует важность её роли в области исторической политики.

В первое послевоенное десятилетие контакты британских ветеранов осуществлялись в большей степени со странами-доминионами, Францией и Бельгией. Во второй половине 1930-х гг. в привлеченных нами источниках указывалось на достаточно высокую интенсивность контактов с германскими ветеранами, что соответственно увеличило число паломничеств в другие регионы. Опять-таки данный факт сближения был связан с конъюнктурными соображениями правительства Великобритании, которое было заинтересовано в налаживании отношений с гитлеровской Германией. Но в самом конце 1930-х гг. было выявлено ослабление отмеченной тенденции и снижение интенсивности контактов Британского легиона с германским «Стальным шлемом». Британская

¹⁹⁷ См.: Longworth P. The unending vigil, London: Constable, 1967. – 253 p.

¹⁹⁸ Imperial War Graves Commission Offices // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 27 January. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1930/jan/27/imperial-war-graves-commission-offices> (дата обращения: 14.08.2025).

пресса стала отличным маркером, зафиксировавшим изменение климата в англо-германских отношениях, что находило отражение и в исторической политике, где союз с Францией стал превозноситься в духе сотрудничества времен «Великой войны».

В официальном нарративе материалы кинохроники стали одним из инструментов, формировавших и отразивших риторику государственной пропаганды. С учётом их неприкрытой политической агитации они содержат наглядные нарративы официальных практик коммеморации, а также речи политических активистов.

Так, в кинохронике, датированной 12 ноября 1934 г., ветераны Британского легиона, промаршировав со знаменем отделения, собрались на службе в церкви¹⁹⁹. В кадр попал высокопоставленный офицер, который инспектировал строй ветеранов и отдал честь одному из них. Такая практика совместных мероприятий действующих воинских частей и ветеранов сложилась еще в 1920-е гг. и сохранялась в 1930-е гг. Кинохроника, вышедшая на экран 8 июня 1933 г., отразила, как ветераны Британского легиона участвовали в ежегодном параде памяти павших товарищей у лондонского Кенотафа. По сигналу эрла Этлона (шурин короля Георга V, командовал на Западном фронте) они подняли знамёна²⁰⁰. Совместные с воинскими частями митинги ветеранов также являлись частью коммеморативных практик, на которых присутствовало множество местных жителей, что формировало общую культуру памяти о войне в Великобритании²⁰¹.

20 сентября 1934 г. ветераны сухопутных и военно-воздушных частей вместе с ветеранами из Британского легиона впервые провели в Честере «военное

¹⁹⁹ Armistice Day 1934 // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/41646/> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁰⁰ Over 15,000 Ex-Servicemen (1933) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/39807/> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁰¹ British Legion rally at Sandhurst (1937) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43718/> (дата обращения: 14.08.2025).

воскресенье». В программу мероприятия входили общая служба в соборе Честера и парад по улице города²⁰².

Традиционные церемонии состояли из следующих элементов: 1) возложение венков к памятнику; 2) речь официального лица (высокопоставленного офицера, политика, общественного деятеля или члена Британского легиона); 3) торжественное или траурное шествие. Оно могло состояться, например, к памятнику, концепция которого была увязана с религиозными мотивами. В сакрифицированной процессии могли участвовать и ветераны, и представители местной администрации, и действующие военные, шагавшие под аккомпанемент оркестра, что, например, запечатлено в кинохронике в Кадиффе²⁰³ во время празднования Дня перемирия в 1930 г. Поминальные процессии были неотъемлемой частью трагического восприятия войны, что можно увидеть и на кадрах участия Беллингемского отделения Легиона в открытии памятной таблички в Саду памяти в 1936 г.²⁰⁴. Присутствие высокопоставленных офицеров, прославленных командиров придавало мероприятию высокий статус. Их участие в таких мероприятиях чаще всего носило более выраженный официальный характер, нежели во время частного визита. Кадры кинохроники передают сущность стандартной траурной церемонии во время посещения прославленным фельдмаршалом Эдмундом Алленби военного мемориала в Кадиффе в 1930 г., во время которой, он, возложив венок и проинспектировав почетный караул ветеранов, пожал руки некоторым из них, сфотографировавшись на фоне памятника с другими официальными лицами²⁰⁵.

Официальный канон памяти о «Великой войне» связывался в СМИ Великобритании с почитанием королевской семьи, что способствовало укреплению традиционных ценностей в обществе. На протяжении 1930-х гг.

²⁰² Military Sunday (1934) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/55962/> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁰³ Impressive Scenes in Cardiff (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40383/> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁰⁴ Belingham British Legion Aka Bellingham British Legion (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/42924/> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁰⁵ Lord Allenby lays wreath and opens British Legion HQ at Wallasey. (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/150883/> (дата обращения: 14.08.2025).

наследие Первой мировой войны продолжало формировать публичный имидж монархии. Фигура Георга V как Верховного главнокомандующего и лидера нации в годы войны служила его опорной конструкцией. Это было особенно важно в эпоху массового траура, когда монархия позиционировалась как объединяющий символ памяти и жертвы, что транслировалось ветеранам и их семьям²⁰⁶. В 1930-е гг. статус принца Уэльского как ветерана продолжал играть важную роль. Его служба на Западном фронте создала прочную связь с другими ветеранами и семьями погибших. Во время своих поездок по империи в межвоенный период он активно способствовал её поддержанию. Неформальное общение с ветеранами, широко освещавшееся в СМИ, работало на укрепление образа монархии, представители которой, знали, по официальной версии, о жертвах и тяготах войны не понаслышке и разделяли их с народом²⁰⁷. Случай, зафиксированный в ноябре 1934 г., служит примером тому, как рядовой ветеран войны эмоционально откликнулся на переломное событие внутри королевской семьи. Прослушавшего радиотрансляцию свадьбы принца Джорджа и принцессы Марины ветерана Артура Томпсона переполняло желание написать невесте²⁰⁸. Его письмо показывает глубокую личную связь, которую ветераны могли чувствовать с монархией, воспринимая королевскую семью как часть своего собственного сообщества и переживая их радости как свои собственные. Этот пример стал общеизвестным для иллюстрации единения нации вокруг монархии через разделяемые общие эмоции.

На фоне годовщины чествования 25-летия правления короля Георга V левые силы (КПВ и Независимая рабочая партия) развернули антиюбилейные акции и пропаганду. Их рупором были газеты «New Leader» и «Daily Worker». Они активно напоминали о жертвах «Великой войны», чтобы подчеркнуть, что обычные подданные, в том числе ветераны, не получили никаких выгод от 25 лет

²⁰⁶ Owens Ed. The family firm: monarchy, mass media and the British public, 1932-53. – London : University of London Press, 2019. – P. 31.

²⁰⁷ Ibid. P. 30.

²⁰⁸ Ibid. P. 86.

правления короля²⁰⁹. Левые акцентировали внимание на том, что ветераны войны, вернувшиеся с фронта, столкнулись с безработицей, бедностью и отсутствием поддержки со стороны государства²¹⁰. Левые рассматривали празднование юбилея как попытку отвлечь внимание от реальных проблем – безработицы, бедности, последствий войны для ветеранов и рабочих. В то время как власти и консервативные СМИ создавали образ единства нации вокруг монарха, левые напоминали, что для многих британцев, особенно ветеранов и рабочих, война оставалась трагедией, не приведшей к улучшению их жизни. Несмотря на усилия левых сил, большинство британцев, включая рабочих и ветеранов, поддерживали юбилей. Это свидетельствует о том, что официальная память о войне и о консолидирующей роли монархии оставалась сильнее классового недовольства²¹¹.

Кинохроника 1930-х гг. также старалась показать тесную связь королевского дома и ветеранов войны, что должно было символизировать единство нации. В вышедшей на экран 11 июля 1932 г. кинохронике «Товарищи по оружию» было заснято, как принц Уэльский и герцог Коннаутский приняли участие в митинге Британского легиона в Гилдфорде. Ветераны приветствовали королевских особ троекратным «ура». Герцог Коннаутский осмотрел шеренги ветеранов, держащих знамёна Легиона, позже, встав у микрофона, обращаясь к ним, расположившимся в чистом поле, сказал: «Дисциплина очень важна... То, что вы делаете сейчас очень важно не только для страны, но и для вас самих. Рад, что вы присутствуете здесь»²¹².

В 1932 г. принц Уэльский встретился с ветеранами по прибытию на конференцию Британского легиона. Кадры хроники демонстрируют, как принц

²⁰⁹ Прокопов А. Ю. Отношение крайне левых политических сил Британии к чествованию 25-летия царствования короля Георга V // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 дек. 2023 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Пед. ин-т, Каф. всеобщ. истории. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2024. – С. 225.

²¹⁰ Там же. С. 227-228.

²¹¹ Там же. С. 231.

²¹² «Comrades-in-arms!» (Aka comrades in arms) (1932) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/39114/> (дата обращения: 14.08.2025).

останавливался иногда прямо в толпе людей, говоря о чём-то с ветеранами, которых можно опознать в кинохронике по медалям²¹³.

В связи с переходом престола к Эдуарду VIII британский «Пате-журнал» выпустил 27 апреля 1936 г. короткие фильмы о личности нового короля, в которых авторы попытались проиллюстрировать единение монарха с народом во всех сферах жизни. Популярности монарха в народе содействовало то обстоятельство, что с 1914 г. он служил в Гренадерской гвардии. В 9-й части из этой серии фильмов имелся эпизод, где сообщалось о том, что интересы Британского легиона всегда были близки монарху. В качестве примера приводились кадры посещения в 1923 г. принцем Эдуардом воинского мемориала в Скарборо (Йоркшир), где он вместе с маршалом Ф. Фошем и адмиралом Д. Джеллико встречался с ветеранами²¹⁴. Таким образом, к 1936 г. британским институтам власти было очень важно показать внимание к нуждам ветеранов войны 1914-1918 гг. и непосредственно к деятельности крупнейшей ветеранской организации.

Британский «Пате-журнал», освещавший праздничные мероприятия 11 ноября 1937 г., включавшие традиционный воинский парад в честь Дня Перемирия, зафиксировал, что в кадрах кинохроники король неукоснительно следовал установленной церемонии: отдал честь у Кенотафа, возложил к нему венок, затем покинув Кенотаф, направился возложить ещё один венок к подножию мемориала графу Д. Хейгу, открытого двумя днями ранее. «Хотя перед памятником новый король, церемониал остаётся тот же – констатировал диктор, но с течением времени он не утрачивает своей впечатляющей выразительности. Акт возложения венка к памятнику отражает почтение короля к его народу»²¹⁵. После этого в 19-й раз началось «Великое паломничество», как сообщил закадровый голос, который сопровождал появление в кадре верениц людей, возлагавших цветы к местам памяти. «Хотя нация помнит о миллионе погибших,

²¹³ The Prince of Wales Visits Rothesay (1932) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/90144/> (дата обращения: 14.08.2025).

²¹⁴ Edward VIII Prince and King (Part 9) (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/66804/> (дата обращения: 14.08.2025).

²¹⁵ Armistice Day at The Cenotaph (1937) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43835/> (дата обращения: 14.08.2025).

мы не должны забывать тех, кто остался в живых – людей, которые 20 лет спустя несут на себе шрамы из-за ошибок Европы, для них не может быть никакой компенсации ущерба их здоровью и силе»²¹⁶. Интересен акцент диктора, сделанный на «ошибках Европы», а не на политике правящих кругов Великобритании и необходимости защиты её имперских интересов. Хотя с конца 1920-х гг. все громче становился нежелательный для британских властей голос фронтовиков, вынесших на себе тяжелые испытания по вине тех, кто отправил их на империалистическую войну.

«Я делаю это заявление как акт сознательного неповиновения военной власти, – писал в своей автобиографии З. Сассун, – потому что я считаю, что война намеренно затягивается теми, у кого есть власть положить ей конец. Я солдат, убеждённый, что действую от имени солдат. Я считаю, что эта война, в которую я вступил как в оборонительную и освободительную, теперь превратилась в войну агрессивную и захватническую»²¹⁷.

Официальная пропаганда не стремилась к заживлению в обществе нанесенных войной ран, а лишь зашивала их грубыми нитками, создавая упрощенные, мифологизированные исторические нарративы. Пропаганда не позволяла осмыслить травму, а лишь на время законсервировала её, превратив в инструмент военной мобилизации британского общества.

Несмотря на множество факторов происхождения Первой мировой войны необходимо учитывать, что она возникла в соответствии со всеми законами развития капиталистической формации, вступившей в стадию империализма. Гонка вооружений подталкивалась борьбой за колонии, а мировая война возникла не случайно и не из-за просчётов дипломатов, война готовилась десятилетиями²¹⁸. Военный конфликт был способом разрешения противоречий между крупнейшими капиталистами великих держав. Первая мировая война и её последствия стали производными капитализма и капиталистов. Отсюда память о Первой мировой

²¹⁶ Ibidem.

²¹⁷ Sassoon S. *Memoirs of an infantry officer*. – London : Faber & Faber, 1931. – P. 321.

²¹⁸ Ерусалимский А. С. *Германский империализм: история и современность* (Исследования, публицистика). – Москва : Наука, 1964. – С. 197.

войне стала полем боя между официальным нарративом правящего класса, использовавшим государство в качестве инструмента, и травматичным опытом выступивших с контрпамятью ветеранов, в которых был скрыт революционный потенциал в отношении капиталистического строя.

1.2. Ветеранская память в условиях конкуренции образов Первой мировой войны в британском обществе 1930-х гг.

В связи с повышенным научным вниманием к истории Первой мировой войны продолжают предприниматься попытки переосмыслить её сущности и последствий. Поэтому в современных условиях востребован историософский обзор проблематики исторической памяти.

Общественные и научные дискуссии о событиях и процессах прошлого обычно возникают в кризисные, переломные времена. Именно тогда градус настроений особенно повышен, а поляризация мнений достигает особого накала. Когда мнений становится слишком много, возникает опасность раскола общества. Разные политические силы пытаются присвоить себе право на истину в исторической интерпретации.

В Великобритании историческая память о Первой мировой войне в 1920-е – 1930-е гг. использовалась политическими силами для достижения разных целей: прививать пацифизм, смягчить социальную агрессию, развивать патриотический дух. В Германии, Венгрии, Италии в те же годы был сделан акцент на милитаризацию общественного сознания. Итог хорошо известен – мир вновь был ввергнут в масштабную и кровопролитную войну. Однако тогда историческая память с точки зрения темпорального измерения продолжала жить в сознании ветеранов боевых действий. Поэтому её искажения возможно было легко отследить, что затрудняло пропаганде создавать несоответствующие фактам модели сущности Первой мировой войны.

Таким образом, на современном этапе общественного развития существует потребность в формировании такой модели Первой мировой войны, которая соответствует достижениям исторической науки. Здесь может помочь

философская методология. Однако существуют научные школы и направления, постулаты которых могут противоречить друг другу. Поэтому встаёт вопрос о том, какой философской концепцией развития общества пользоваться для исторического анализа Первой мировой войны и восприятия её последствий в обществе.

На рубеже XX-XXI вв. для отечественных исследователей вместо господствовавшей марксистской методологии открылись возможности использования других подходов. При высокой степени вариативности особое распространение получил цивилизационный подход, который при всех его достоинствах, имеет ряд недостатков, которые заключаются в нечёткости самих критериев понимания термина «цивилизация» и её рамок (географических, хронологических). В условиях повальной критики материализма разного рода идеалистические концепции, цивилизационный подход стали пользоваться непререкаемым авторитетом в научной среде. А марксизм, формационный подход стали рассматриваться как архаизм и синоним отжившей свой век методологии исторического познания.

На современном этапе развития науки исследователям всё больше становится понятно, что использование лишь какого-то «единственно верного метода» ошибочно. Следовательно, стоит обращаться к различным философским концепциям объяснения механизмов развития общества. Так, популярность стали завоёвывать подходы, которые основаны на сочетании формационного и «цивилизационного» подходов, что нашло отражение в труде российского историка Л.И. Ольштынского²¹⁹.

Основополагающим, по его мнению, для споров о Первой мировой войне являются её предпосылки и характер. Как было отмечено выше, эти вопросы продолжают и сегодня быть предметом противоборства различных идеологических направлений, пытающихся навязать аргументы в защиту своих

²¹⁹ Курс отечественной истории IX – начала XXI в. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе : учебник для вузов / под ред. Л. И. Ольштынского. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство ИТРК, 2012. – С. 13–14.

позиций. Поскольку война – это сложное для анализа историческое явление, в которое вовлечены различные стороны с нередко противоположной мотивацией, целями, задачами и присущими им особенностями, принято различать три ряда предпосылок²²⁰:

- 1) глубинные на уровне формационного развития государства в конкретный исторический период;
- 2) конкретные политические противоречия, которые привели к развязыванию мирового кризиса в данное время;
- 3) перерастание кризиса в развязывание военных действий.

Оценив условия развития взаимоотношений государств на фоне классовых и политических конфликтов начала XX в., мы сможем обозначить тенденцию развития общества. Формационная методология даёт нам возможность определить тенденцию неизбежности Первой мировой войны. Также мы можем констатировать несостоятельность аргументов британских историков, перекладывавших в межвоенный период ответственность за развязывание войны то на Германию, то на Сербию и Россию²²¹. Война в первую очередь имела экономическое происхождение: её породили интересы господствующего класса буржуазии. Поэтому первоочередной задачей официальной исторической науки в Великобритании было обслуживание интересов государства капиталистов, что затушёвывало настоящее происхождение и обесценивало уроки первого в мире глобального военного конфликта²²².

Для зарубежной исторической науки огромное значение имели труды британского историка и философа Э. Хобсбаума, особенно касающиеся исследования процессов XX в., темп развития которых задала «мировая революция». Он использовал марксистскую методологию, создав достаточно исчерпывающую историческую модель развития государств и народов. Философская методология Э. Хобсбаума позволяет рассматривать исторический

²²⁰ Там же. С. 229.

²²¹ Виноградов К. Б. Указ. соч. – С. 214.

²²² Там же. С. 382.

процесс на основе долгосрочных тенденций в мире. Для этого им был введен термин «короткий XX век», который стартовал с окончания Первой мировой войны и начала Октябрьской революции 1917 г. в России. Эти два процесса заложили основу для будущего развития всего мира. Социализм в Советской России/Советском Союзе задал темп для модернизации капитализма: либо переход к реакционной агрессии (по примеру фашистских Германии, Италии, Румынии, Венгрии, Испании и др.), либо социальный реформизм (уступки населению по примеру Великобритании, США, Франции). Прогресс новой (социалистической) формации активным образом раскрылся после Второй мировой войны и имел место до окончания существования СССР в 1991 г.

Это позволяет рассматривать Первую и Вторую мировые войны как единый процесс глобального переустройства планеты. В этом отношении термин «Вторая тридцатилетняя война» (1918-1939 гг.)²²³ стал активно использоваться в исторических работах, показывая определённую несостоятельность другого термина – «межвоенный период».

Великобритания после Первой мировой войны стала одним из тех государств, которое сумело сохранить стабильность существующего положения благодаря формированию нужного идеологического климата в обществе.

Идеология, которую создавал правящий класс капиталистов, опиралась, в том числе, и на память о Первой мировой войне. Искусно используя нарративы и практики коммеморации, британское правительство сумело противостоять революционным выступлениям и не допустить гражданской войны в условиях накалившейся классовой борьбы, ухудшения своего положения и постепенной утраты статуса монопольного лидера в международных отношениях. Так, в момент общего кризиса капитализма 1918-1923 гг. была сделана ставка на пацифизм, который вёл к снижению социальной агрессии. В середине 1920-х гг. наметилась определённая героизация роли Великобритании в войне. А в условиях

²²³ Магадеев И. Э. "Вторая тридцатилетняя война" 1914-1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко второй мировой войне // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 4. – С. 34.

разразившегося мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. государственная пропаганда вступила в конфликт с показывавшим мировую войну в исключительно негативном свете нарративом, созданным писателями «потерянного поколения». Проникающие в общество нарративы стали выступать как симулякры, выражаясь языком постструктурализма Ж. Бодрийера, о недавнем прошлом. У людей гражданских, не бывавших на войне, но слышавших о ней от ветеранов или читавших романы на эту тему, формировалась определённая модель представлений. Эти представления могли не соответствовать или недостаточно отражать действительность. Так, анализ этих симулякров позволяет историкам оценить, насколько распространены и авторитетны были те или иные образы о войне. Благодаря этому можно проанализировать тяготение общественных настроений к милитаризму или пацифизму. Изучение исторической памяти через теорию симулякров ведёт исследователя к вопросу о степени готовности британского общества к новой мировой войне. Круг вопросов можно расширить: опирался ли правящий класс на общественное мнение, используя политику памяти; как внутренняя политика формировала идеологический курс, и насколько он был успешен; как выстраивалась внешняя политика в соответствии с исторической памятью.

Таким образом, в настоящем исследовании целесообразно использовать различные подходы: формационный из арсенала марксизма – для изучения социально-экономических и политических оснований; «цивилизационный» – для анализа культурных процессов в обществе; постструктурализм – для исследования механизма формирования и развития исторической памяти.

Важным аспектом в этом параграфе является изучение вопроса о формировании памяти о Первой мировой войне через деятельность британских ветеранов и историческую политику Великобритании в 1930-е гг.

Поскольку научная задача состоит в выявлении особенностей формирования исторической памяти о Первой мировой войне важно раскрыть, каково было соотношение влияния институтов власти и ветеранов в формировании нарративов исторической памяти о Первой мировой войне в

Великобритании 1930-х гг. Историческая политика британского правительства в области памяти о Первой мировой войне стала одним из инструментов воздействия на общество Великобритании. В деятельности ветеранских организаций и отдельных фронтовиков на протяжении 1930-х гг. наблюдался протест против государственного нарратива исторической памяти после завершения Великой депрессии, но к 1939 г. он стал сходить на нет.

На основе материалов британской прессы 1930-х гг., источников личного происхождения и автобиографических произведений фронтовиков, нами были выявлены основные нарративы Первой мировой войны, которые постепенно претерпевали изменения в 1930-е гг. Идеология и мероприятия государства в области исторической политики способствовали, начиная с 1932-1933 гг. вытеснению негативных представлений о войне, маргинализации антивоенного движения и пацифистских настроений в британском обществе. Усиление влияния государства на Британский легион свидетельствовало о его подчинении официальной повестке, что позволяло правящим кругам использовать ветеранов в реализации внутренней и внешней политики (развивать международные контакты, влиять на общественное мнение).

Исходя из имеющихся сведений, мы можем приблизительно датировать время появления в Великобритании тех или иных разновидностей исторических нарративов о Первой мировой войне. Деление на периоды достаточно условно, поскольку субъективный фактор играл весьма важную роль в формировании частного нарратива. Схема, отражающая противостояние тех или иных образов войны, помещена в Приложении № 4.

1. Собственно военный период (1914-1918 гг.): соединение господствующей официальной героической пропаганды в целях сплочения общества с «окопной правдой» фронтовиков, которая отличалась негативным восприятием войны.

2. Сакрификация (1918 г. – середина 1920-х гг.): приоритет настроений скорби, придание ореола жертвенности павшим во имя окончания всех войн.

3. Переходный период (середина 1920-х гг. – начало 1930-х гг.): начало корректирования исторической памяти о войне – вместо исключительно жертвенного образа павших переход к усилению патриотической риторики.

4. Борьба нарративов (начало – середина 1930-х гг.): противодействие фронтовых антивоенных настроений навязыванию патриотической трактовки «Великой войны».

5. Глорификация (середина 1930-х гг. – 1939 г.): закрепление героико-патриотического образа войны и павших солдат при маргинализации иных нарративов.

Так, за два десятилетия восприятие войны менялось в зависимости от конкретной обстановки не только в самой Великобритании, но и в мире. Правительственная реакция на послевоенный кризис и возникновение антивоенного движения проявлялась не только в использовании тактики социального реформизма, но и в широком прибегании к идеологическим манёврам, которые должны были разобщить оппозиционные политические силы в дискуссиях по поводу минувшей «Великой войны».

В британских нарративах 1930-х гг. о Первой мировой войне в межвоенный период соединилось несколько главных направлений: сакрификация (смирение, жертвенность), глорификация (героизация, милитаризм), пацифизм (антивоенное движение). В разные годы те или иные из перечисленных выше нарративов являлись преобладающими. Исследования «политики памяти» показали, что для послевоенных 1920-х гг. типичным было преобладание сакрифицированного образа войны, связанного с необходимостью нормализации социальной обстановки в условиях подъёма революционной волны 1917-1923 гг. в мире и примирения британского общества с трагедией войны, с её невиданными ранее многочисленными жертвами. В 1930-е гг. глорифицированный образ войны стал последовательно внедряться в британское общество. В основном такие выводы исследователей были основаны на изучении исторической политики и монументальной пропаганды. Но с 1930-х гг. набирала силу и антивоенная

тенденция, что особенно проявилось в литературном творчестве писателей-фронтовиков.

Сакрификация образов погибших на фронтах войны сохранялась в мемориальной культуре на рубеже 1920-х – 1930-х гг., а также в общественном восприятии, что нашло отражение и в периодической печати первой половины 1930-х гг. Поминание погибших военными капелланами не давало ожидаемого терапевтического эффекта и не способствовало легитимации власти, а лишь усиливало жертвенность. Историк А. Грегори утверждал, что война привела к глубокому кризису ценностей. Традиционные представления о героизме, патриотизме и прогрессе были поставлены под сомнение, что привело к росту скептицизма и разочарования в обществе. Также война повлияла на религиозные верования, приведя к кризису веры у многих людей²²⁴. Уже с начала 1930-х гг. такие настроения стали нормой. Ветеран войны, консерватор Гарольд Бальфур отмечал, что в обществе существует своего рода комплекс неполноценности, где считается, что любой, кто служил в 1914-1918 годы, должен вычеркнуть этот период из своей жизни и стыдиться его, вместо того чтобы гордиться тем, что он оказал своей стране величайшую услугу²²⁵.

Подобную позицию можно проиллюстрировать наполненными нескрываемым презрением по отношению к религии строками из стихотворения Р. Грейвса «Вспоминая войну» 1938 г.:

«Снова нашлось применение Богу –
Слово гнева в отсутствие мяса, вина, огня,
В боли от ран, не поддающейся описанию...»²²⁶.

Духовенство пыталось придать высший смысл жертвам войны, но в целом не сумело справиться с этой задачей, поскольку в период мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. волна антивоенных настроений

²²⁴ См.: Gregory A. The last great war: British society and the First World War. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 354 p.

²²⁵ Air estimates, 1930 // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 30 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/jul/30/air-estimates-1930> (дата обращения: 14.08.2025).

²²⁶ Graves R. Recalling War // Poeticous. – URL: <https://www.poeticous.com/robert-graves/recalling-war> (дата обращения: 14.08.2025).

перекрывала сложившуюся практику сакрификации. В современной историографии существует тенденция к умалению негативного восприятия Первой мировой войны. За достаточные аргументы принимается то, что художественные нарративы, созданные некоторыми антивоенными писателями, выборочно представляли войну. Однако она действительно перевернула прежние представления о сущности боевых действий. Независимое издание «Reynolds's Newspaper» поместило осенью 1935 г. на своих страницах интервью с британским ветераном-сапёром, который подчёркивал изменения в боевой тактике: «...всё сводилось к тому, что процесс убийства противника тоже был механизирован. Настоящие бои остались в прошлом. Всё, что нужно было делать, – это нажимать на кнопки, приводить в действие взрывчатку огромной силы, потянуть за рычаг и запускать...»²²⁷. Сам вид подземных сооружений, которые использовались в ходе так называемой «минной войны» и вынужденное нахождение в них наводил ужас на фронтовиков: «Вниз по шахте было пятьдесят ступенек; земляной запах этого триумфа тевтонской военной инженерии наводил на мысль о том, что его занесут в Список почетных гостей и похоронят до Судного дня»²²⁸. Этим способом уничтожали целые укрепленные точки, сразу погребая под землёй вражеских солдат. В 1930-е гг., как и на протяжении всего межвоенного периода, районы таких минно-взрывных операций стали «местами памяти», которые посещали ветераны с обеих ранее противостоявших друг другу сторон. Некоторые оставшиеся воронки от взрыва, как сообщала газета «Folkestone, Hythe, Sandgate & Cheriton Herald»²²⁹, достигали вглубь 18 метров. В 1930-е гг. родственниками и ветеранами предпринималось немало частных попыток отыскать «похороненных заживо» во время войны и захоронить их останки в соответствии с христианским обрядом. В результате таких попыток нередкими были случаи, когда откопанные траншеи повторно погребали под

²²⁷ Reynolds's Newspaper. London, England, 20 October 1935. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001034/19351020/079/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

²²⁸ Sassoon S. Memoirs of an infantry officer. – London : Faber & Faber, 1931. – P. 208.

²²⁹ Folkestone, Hythe, Sandgate & Cheriton Herald. Kent, England, 1 March 1930. – P. 18. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000765/19300301/324/0018> (дата обращения: 11.03.2025).

собой тех, кто пытался сохранить историческую память о погибших фронтовиках²³⁰.

В ветеранских организациях ещё в 1920-е гг. возникла традиция так называемого «окопного ужина» во время церемониальных встреч. Многие ветераны делали отсылки к скудной фронтовой пище, сравнивая её на этих ужинах: «... вспоминали бои – Ньон, Лоос, Вэни, Бонинь, Эна, Аррас, Фестубер и все остальные. Ужин состоял из окопной еды, которой, к сожалению, вовсе никогда не было во время настоящих сражений...»²³¹.

Следует отметить, что в ходе боевых действий у военнослужащих развивались различные инфекционные заболевания, связанные с особенностями позиционной войны. Низкая степень подвижности бойцов, сырость траншей, общая дизентерия стали средой и условием для развития различных паразитов. Так, корреспондент газеты «Leeds Mercury» установил факт игнорирования таких заболеваний среди фронтовиков во время войны, чему посвятил целую колонку: «...майор Сесил Берфорд Бернерс Ли страдал от окопной лихорадки и настаивал на возвращении домой»²³².

Трагизм судьбы одной британской семьи из городка Уомбервелл отразился в йоркширской газете в статье «Воспоминания о войне в Уомбервелле»²³³. Главный герой этой публикации – Артур Этли, служивший во 2-м батальоне Йоркширского лёгкого пехотного полка, который высадился в Гавре на Западном фронте 16 августа 1914 г. в составе 13-й бригады 5-й пехотной дивизии Британской армии²³⁴. Многие выходцы из Уомбервелла были зачислены резервистами в эту воинскую часть. 5-я дивизия одна из первых была отправлена

²³⁰ Tewkesbury Register. Gloucestershire, England, 8 December 1934. – P. 1. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002217/19341208/005/0001> (дата обращения: 11.03.2025).

²³¹ Sydenham, Forest Hill & Penge Gazette. London, England, 10 March 1939. – P. 13. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004341/19390310/247/0013> (дата обращения: 11.03.2025).

²³² Leeds Mercury. Yorkshire, England, 3 March 1931. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000748/19310303/152/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

²³³ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 9 December 1933. – P. 20. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19331209/377/0020> (дата обращения: 11.03.2025).

²³⁴ King's Own Yorkshire Light Infantry / The Long, Long Trail. – URL: <https://www.longlongtrail.co.uk/army/regiments-and-corps/the-british-infantry-regiments-of-1914-1918/kings-own-yorkshire-light-infantry/> (дата обращения: 11.03.2025).

во Францию в составе Британских экспедиционных сил в начале Первой мировой войны. К несчастью, многих и постигла участь пасть в бою.

Перед отбытием во Францию Артур Этли желал навестить жену и четырёх маленьких детей, но что-то помешало ему это сделать. Больше они не увиделись. Супруга получила ещё пару писем, где Артур сообщал о благополучной переправке через пролив Ла-Манш. Через шесть недель последовала печальная телеграмма со стандартной формой обращения к членам семьи павших воинов, в конце которой стояла фамилия Китченера: «Король повелевает мне заверить Вас в искреннем сочувствии Его Величества и королевы к вашему великому горю...»²³⁵. Извещение о смерти Артура Этли супруга получила 16 октября 1914 г., конечно, много позднее гибели самого солдата.

В тот начальный период «Великой войны» 2-й корпус Британской армии, которым командовал генерал Г. Смит-Дорриен, противостоял с 26 августа 1914 г. 4-му армейскому корпусу и 2-му кавалерийскому корпусу германских войск в битве при Ле-Като²³⁶. В ходе августовских боёв 2-батальон Йоркширского лёгкого пехотного полка, в котором служил А. Этли, потерял около 600 военнослужащих²³⁷. В ходе битвы британцы держали оборону и благодаря поддержке французской кавалерии сумели отступить к Сен-Кантену²³⁸. И так получилось, что миссис Этли из жителей Уомбервелла получила извещение о смерти супруга самой первой.

Мистер Этли был одним из пяти братьев, которые оказались в горниле Первой мировой войны. Так, двое Артур и Джозеф были убиты, Томас долгое время находился между жизнью и смертью во французском госпитале и позже скончался от последствий тяжелых ранений; Джек вернулся в Уомбвелл-Мэйн после службы в разных странах; а Чарльз был демобилизован в конце войны и поселился в Халле. Дети семьи Артура Этли выросли и с любовью и гордостью

²³⁵ Ibidem.

²³⁶ Hastings M. Catastrophe: Europe goes to war 1914. – London : Knopf Press, 2013. – P. 262.

²³⁷ Beckett I. Discovering English county regiments. – Princes Risborough : A Shire book, 1987. – P. 140.

²³⁸ Edmonds J. Military operations France and Belgium, 1914: Mons, the retreat to the Seine, the Marne and the Aisne August-October 1914. – London : Macmillan, 1922. – 543. – P. 182.

вспоминали своего отца. Эта история была рассказана приходским священником во время свадьбы сына Артура Джозефа Этли.

Однако на пике Великой депрессии существовали более резкие воспоминания о Первой мировой войне. Говорящий за себя заголовок статьи одной йоркширской газеты «Больше никакой войны» за авторством преподобного У. Эшби открывал волну критики: «Мы только что отпраздновали очередную годовщину перемирия. Это был день, полный мучительных воспоминаний. Мы помним ужасные потрясения, вызванные той Великой Европейской войной, но мы ещё не пришли в себя, от всего того хаоса, от того, что породили те тёмные и кровавые годы...»²³⁹. Здесь мы, несомненно, можем заметить резкий разрыв между тем восприятием войны, которое пыталось навязываться британцам, когда только начали греметь августовские пушки в 1914 г., и тем восприятием, когда британское общество почувствовало на себе горечь потерь. «...Память о тех годах, продолжал автор публикации, – со всей их болью и кровопролитием, всё ещё витает вокруг нас мрачной тенью, и от этой тени мы содрогаемся. Некоторые из тех храбрых парней, которые пали, в действительности ненавидели войну; они видели её в самом худшем виде...»²⁴⁰. Однако в историографии широко известно, что началу войны сопутствовал рост милитаризма во всех воюющих странах. В Великобритании, к примеру, правящий класс апеллировал к необходимости разгромить источник угрозы для обеспечения стабильности Европы. В ответ на призыв властей стали распространяться милитаристские настроения. И в 1930 г. мы видим появление антивоенного нарратива. Далее в статье делалась ссылка на письмо неизвестного офицера королевских драгун, которое он отправил с полей сражений во Фландрии: «Какое-то время я притворялся для самого себя, что мне это нравится, но ничего хорошего в этом не было, это было отвратительно». Данный нарратив может быть подвергнут сомнению ввиду отсутствия настоящего имени. Но такая острая критика имела место среди других участников войны.

²³⁹ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 15 November 1930. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19301115/033/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁴⁰ Ibidem.

Интересно рассмотреть этот нарратив в сопоставлении с восторженным отзывом о книге немецкого писателя-фронтовика Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» одного британского обозревателя годом ранее: «...Молодежь мирного времени, с её убеждениями, надеждами и идеалами, безвозвратно уходит потерянной. Эта скорбь по погибшей молодости мира – один из главных источников силы в книге... Я не знаю, что именно в Ремарке связывает с ним читателей. Ему удастся добиться окончания войны. Его герой – солдат всех стран...»²⁴¹. Приводилось мнение, что книга Ремарка должна быть настольной для руководства Британского легиона, поскольку она, отвечавшая их фронтовому опыту и восприятию войны, была по достоинству оценена британскими ветеранами. В художественных произведениях писателей-фронтовиков из Великобритании часто поднималась проблема давящего на них в послевоенное время груза войны: «Я не мог освободиться от войны; даже эта больничная палата была полна ею, и с каждым днём угнетение усиливалось, хотя снаружи это было приятное место для безделья»²⁴².

В этих двух свидетельствах обнаруживается немало сходства: «Эти храбрые парни были гражданскими лицами, а не военными. Эта наша похвала, несомненно, помогла сохранить о них светлую память. Мы не можем поступить иначе. Они действовали, так как им было приказано: "навсегда положить конец войне". Молодежь нашей страны тысячами выходила на улицы, искренне веря в это. Мы были готовы нанести последний удар по системе ведения войны»²⁴³. Ввиду осознания военных приготовлений по всему миру данные комментарии звучали упрёком в сторону британских правящих кругов, которые были заинтересованы в империалистическом переделе мира, равно как и другие воюющие державы.

Любопытными выглядят предостережения о возможной тенденции движения по пути национализма: «Истинный патриотизм – это прекрасно, это

²⁴¹ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 29 June 1929. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19290629/123/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁴² Sassoon S. Op. cit. – P. 235.

²⁴³ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 15 November 1930. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19301115/033/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

благородная вещь, и её следует культивировать, но мы должны остерегаться, чтобы не скатиться к ложному национализму. Предполагать, что при определенных обстоятельствах повторение такого ужасного варварства и такого количества смертей когда-либо будет оправдано, значит позорить имена тех героев веры, которые боролись за установление всеобщего и постоянного мира»²⁴⁴. На тот момент в Великобритании уже существовали пользовавшиеся поддержкой в обществе правые политические организации и движения: антисемитские, националистические и фашистские. Ирония истории заключалась в том, что частично такие сообщества состояли и из ветеранов «Великой войны», а некоторые из них возглавлялись видными представителями ветеранского движения. Связанная с Британским союзом фашистов антисемитская организация «Британцы» была основана ветераном в генеральском звании Я. Гамильтоном. Он часто был официальным лицом на мероприятиях, устраивавшихся в память о Первой мировой войне от имени Британского легиона – крупнейшего союза ветеранов, который объединил другие ветеранские сообщества, созданные в межвоенный период²⁴⁵. Завершало эту критическую статью выражение надежды на успех усилий Лиги Наций в деле достижения мира и согласия между странами во имя жертв, принесённых во время войны²⁴⁶.

Важным элементом идеологии, создававшейся вокруг событий Первой мировой войны, стала тема боевого братства (духа, товарищества). Лейтенант Спунер во время встречи ветеранов поделился своими личными наблюдениями. «Когда я ещё не достиг призывного возраста, у меня был выбор, вступать ли в Пятую роту или в Хейламширскую. Выбор пал на последнюю, но он всегда питал большую привязанность к Пятой роте... До войны эти воинские части не были такими уж "дружными", но война изменила это. Я часто слышал, что солдаты создают войну. Это было не так. Солдаты были теми, кто выполнял грязную

²⁴⁴ Ibidem.

²⁴⁵ Our history / The Royal British Legion [сайт]. – URL: <https://www.britishlegion.org.uk/about-us/our-history> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁴⁶ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 15 November 1930. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19301115/033/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

работу за тех, кто развязал войну»²⁴⁷. С одной стороны, в данном свидетельстве осуждались зачинщики войны, правда, без конкретики, а с другой – приводился пример того, как война способствовала укреплению духа фронтового товарищества. В парламенте консерватор и представитель крупного бизнеса Генри Монд, служивший в пехотном полку в 1915-1916 гг., придавал боевому братству особое значение. «В тот период у мужчин, участвовавших в боевых действиях, было чувство товарищества, которое возникает только в бою, и этим чувством товарищества наслаждались миллионы граждан нашей страны. К сожалению, с тех пор этот дух был утрачен и больше не существует»²⁴⁸. Парламентарий с надеждой говорил о возрождении этого духа, поскольку он стал «национальным достоянием, имеющим реальную ценность»²⁴⁹.

При исследовании форм коммеморации Первой мировой войны нам удалось выявить интересный факт, позволяющий сопоставить сложившиеся ритуалы памяти о ней и о предыдущих военных конфликтах, в которых участвовала Великобритания. Так, во время военного парада ветераны англо-зулусской войны 1879 г. прибыли на кладбище с венком красных маков и возложили цветы у церкви²⁵⁰. Это служит свидетельством тому, что наследие Первой мировой войны, символом жертв которой являлся цветок красного мака, стало на рубеже 1920-х – 1930-х гг. переноситься на другие военные конфликты. Однако по своим масштабам и значимости для британского общества война в Южной Африке была несопоставима с Первой мировой. Можно сделать вывод, что сначала за трагизмом «Великой войны» институты власти постепенно стали маскировать империалистические устремления Великобритании, а затем такой же идеологический приём распространили на другие конфликты (в том числе колониальные войны). В этом отношении все военные конфликты в исторической памяти стали сливаться в едином нарративе, означая одно: жертву, принесенную

²⁴⁷ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 4 February 1933. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19330204/156/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁴⁸ Imperial War Museum // Historic Hansard. – UK Parliament, 1932. – 30 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1932/nov/30/imperial-war-museum> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁴⁹ Ibidem.

²⁵⁰ Rugby Advertiser, Warwickshire, England, 29 November 1929. – P. 14. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001934/19291129/307/0014> (дата обращения: 11.03.2025).

во имя Великобритании. Факт колониального порабощения других народов при этом опускался. Таким образом, влияние Первой мировой войны можно трактовать намного шире.

Сакрифицированные практики развивались в тесной связи с другим символом коммеморации – искусственными цветками маками. Встречались также нарративы, соединённые с религиозными мотивами. Так, во фрагменте кинохроники 11 ноября 1937 г. сообщалось «как «лужайка перед Вестминстерским аббатством окрашивается в алый цвет»²⁵¹. В данном случае речь шла о традиции украшения крестами с искусственными цветками маками в День перемирия.

В рамках «культуры памяти» делался акцент на жертвенность, встречались призывы носить на одежде маки как символ скорби, а не славы: «Красный мак – это кровь Фландрии, а не флаг победы». Маки стали важнейшей составляющей в культуре памяти. Так, в 1933 г. в городах Халл и Барнсли запретили продажу искусственных цветков мака. По этому поводу в парламенте консерваторы Клиффорд Глоссоп и Смэдли Крук обрушились с критикой на министра внутренних дел Джона Гилмора за то, что он пытался убедить парламентариев, будто бы этот вопрос находился не в его полномочиях, а в ведении местных органов правопорядка: «Вопрос о том, какие сборы разрешены на той или иной улице или в общественном месте, находится в ведении местных полицейских органов... Правила распространяются только на сборы на той или иной улице или в общественном месте и не препятствуют продаже мака другими способами, помимо уличной торговли»²⁵². Его оппоненты стали апеллировать к моральному долгу исторической памяти: «...джентльмен не собирается использовать своё влияние, чтобы попытаться снять позорное клеймо, наложенное на жителей этих городов, которые отдали свои жизни за страну... 11

²⁵¹ Field Of Remembrance At Westminster (1937) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43833/> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁵² Armistice Day poppy sales (Hull and district) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1933. – 2 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1933/mar/02/armistice-day-poppy-sales-hull-and> (дата обращения: 14.08.2025).

ноября – это не просто день флага, а национальный праздник, когда в знак уважения к погибшим носят маки»²⁵³.

На пике Великой депрессии, породившей социальную нестабильность, некоторые лидеры ветеранского движения стали призывать вернуть «дух окопов»: «Мы нуждаемся в духе окопов, чтобы спасти Англию. Мы можем вернуться к товариществу, которое было во время войны. Проблемы, с которыми мы сейчас сталкиваемся в этой стране, исчезнут», – заявил генерал сэр А.А. Монтгомери, что являлось попыткой продвинуть в общественную повестку идею о необходимости новой войны, в условиях, когда Великая депрессия привела к серьезному ухудшению положения широких слоёв населения, а по отношению к «Великой войне» ещё преобладал сакрифицированный нарратив. Высокопоставленный военный стремился героизировать войну, изображая её и как средство исцеления общества. Но в целом такого рода заявления отражали заинтересованность правящих кругов в отвлечении общества от реальных проблем. В период мирового экономического кризиса война действительно могла стать таким инструментом в руках капиталистов, каким она стала в 1914 г. после наступления кризиса перепроизводства 1913 г. В разгар Великой депрессии уже в 1932 г. это недовольство маскировкой целей войны фиксировалось прессой: «наш народ принёс свою жертву ради стабильности клана собственников, поскольку никто не добился от войны большего успеха, кроме них...»²⁵⁴. Тезис о великих жертвах во имя короля и мира – центральное клише вокруг памяти о войне: «Великие жертвы были принесены в Великую войну ради короля и страны, что принесло женщинам огромные потери в виде [погибших – В.И.] мужей и сыновей. Их потери связали сначала их, но затем и нас узами товарищества. И правильно, что у нас должен быть этот День Поминовения, ибо растёт поколение, которое ничего не знало о тех невзгодах»²⁵⁵.

²⁵³ Ibidem.

²⁵⁴ Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, Yorkshire, England, 27 June 1932. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000687/19320627/178/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁵⁵ Cheltenham Chronicle, Gloucestershire, England, 11 November 1933. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000518/19331111/062/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

Риторика, наполненная громкими «патриотическими лозунгами» в духе оправданной гибели «за короля и отечество» уже не могла также успешно утвердиться в общественном сознании в 1930-е гг., как это было в 1914 г. Об этом, в частности, свидетельствуют наблюдения Х. Хенсона, который был деканом Дарема в 1913-1918 гг., сменив на этой религиозной должности принявшего сан епископа Даремского. Но встречались в изученных нами материалах прессы и попытки доказать, что война велась за интересы широких слоёв населения. Автор одной из подобных статей ссылаясь на свой опыт работы цензором в годы войны: «... мы вспоминаем о многих, кто отдал свои жизни в Великой войне. Была ли эта жертва напрасной? В письмах домой, написанных этими людьми, не было и намека на напрасную жертву...»²⁵⁶. Сложно согласиться с мнением автора, поскольку осведомленные о существовании цензуры почтовой переписки военнослужащие просто не решались из-за страха перед неизбежным наказанием донести негативное восприятие войны до своих родных. Однако те воспоминания, которые были опубликованы уже в 1930-е гг. в британских газетах отчасти содержали описание тягот фронтового быта, которые будут рассмотрены ниже. Такого рода замечания иллюстрируют серьезное изменение духовной атмосферы в британском обществе. Они показывают, что настроения британцев было уже сложно направить в русло милитаризма, однако в 1930-е гг. правительство, отдельные политические силы и деятели безуспешно пытались претворить это в жизнь. В этом отношении ситуация напоминала классическую басню о мальчике, который кричал «Волк!».

Для внедрения в общество мобилизационных настроений институты власти пытались апеллировать к важности принесённых жертв, чтобы предостеречь от новых угроз. Так, недостаточность подготовки Великобритании к войне и усиление Германии подчёркивал в своей критике депутат от консерваторов Роберт Бутби (в конце войны был зачислен в Бригаду гвардейцев): «Я сообщаю правительству и distinguished членам парламента, что у них нет мандата от

²⁵⁶ Croydon Times, London, England, 9 November 1932. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004169/19321109/126/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

народа этой страны на предательство людей, погибших в период с 1914 по 1918 год. У них нет мандата на то, чтобы отдать империю»²⁵⁷.

Достаточно справедливые критические выводы о нарастании тенденции милитаризации в мире приводились в редакционной статье 1935 г. популярной йоркширской газеты: «Таким образом, мир предстает перед нами как одна огромная арена противоречивых интересов. Коммерческое соперничество между странами порождает политические и экономические противоречия. Силовая политика диктаторов, экономические противоречия и расовая нетерпимость в будущем должны привести к новой войне. Каждая нация и государство дисциплинируют своих подданных силой оружия, а государства-диктаторы особенно активно используют пропаганду, чтобы стимулировать массовую истерию; разум (который и прежде не был особенно сильным) исчезает, и за этим следует ужасная кровавая бойня войны. Сила, даже в XX веке, является окончательным арбитром»²⁵⁸.

В этом можно видеть отрицательное последствие пропаганды, которая не справилась в полной мере со своими задачами во время Первой мировой войны и не смогла содействовать критическому осмыслению в британском обществе агрессивной политики Германии, Италии и Японии в Европе, Африке и в Азии. Лишь немногим уроженцам Британских островов удалось разглядеть «новые Балканы» в «Данцигском коридоре» или параллели раздела Африки конца XIX – начала XX в. в «Мюнхенском сговоре».

Тем не менее, в обществе отсутствовало организованное сопротивление официальной патриотической трактовке войны. Например, в 1930 г. ещё можно было встретить воспоминания участников войны, которые рвались на фронт и после окончания войны вспоминали об этом с гордостью: «Я тоже в ней [Великой войне – В.И.] участвовал. Я был слишком стар для действительной службы, но я изо всех сил старался получить командование хотя бы транспортным

²⁵⁷ International situation // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 1 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/01/international-situation> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁵⁸ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 20 July 1935. – P. 1. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19350720/006/0001> (дата обращения: 11.03.2025).

судном...»²⁵⁹. Гордость за пройденную службу сохранялась у солдат в 1930-е гг. Воевавший в составе инженерных частей Джеймс Чутер Эде вспоминал о порученном ему сборе данных о гражданских профессиях сослуживцев, во время которого обнаружилось, что у одного из них, прошедшего путь от новобранца до старшего сержанта, она отсутствовала²⁶⁰. Тем не менее, он попросил следующее: «Запишите мою гражданскую профессию как солдат»²⁶¹. С другой стороны, З. Сассун отмечал в своей автобиографии снижение качества подготовки новобранцев. «Большинство из тех, кто поступал сейчас, шли в армию неохотно, и не было никаких причин, по которым они могли бы считать военную службу сносной... То, что раньше было набором добровольцев, теперь превратилось в толпы жертв»²⁶².

Преодоление последствий мирового экономического кризиса за счёт умелых действий правящих кругов Великобритании способствовало внушению британскому обществу определённой уверенности в стабильном развитии страны. Поэтому существовавшие протестные и антивоенные движения постепенно шли на убыль. Намёки на повторение предшествовавшего Первой мировой войне сценария, делавшиеся многими фронтовиками, оппозиционными политиками не оправдались и в момент наивысшего накала кризиса в стране и мире. Так, институты власти стали постепенно отодвигать на второй план нарратив контрпамяти.

Преобладающая солидарность ветеранов с правительственными акциями, их участие в поминовении павших «Великой войны» также может рассматриваться в качестве подтверждения указанного выше процесса. Признание ветеранов «вторым бастионом» в возможной войне не вызвало у фронтовиков особого ропота и массового антивоенного движения, как это имело место в иные годы межвоенного периода. Резкое сокращение международных

²⁵⁹ Staffordshire Sentinel, Staffordshire, England, 24 August 1931. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000525/19310824/071/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁶⁰ Air estimates, 1930 // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 30 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/jul/30/air-estimates-1930> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁶¹ Ibidem. P. 587.

²⁶² Sassoon S. Op. cit. – P. 142.

контактов с немецкими ветеранами и увеличение с французскими в конце 1930-х гг. чётко указывало на будущих союзников и противников. У общества, особенно ветеранских организаций, ещё не успела улетучиться память о том, как разворачивались события Первой мировой войны, чтобы не заметить зажигающуюся на международном горизонте зарю Второй. Предпосылки были настолько очевидными, что они отчётливо просматривались во внешнеполитическом курсе.

Правящие круги Великобритании сумели сохранить существующий экономический базис во время Великой депрессии и затем внедрить в «общественную надстройку» собственный нарратив минувшей мировой войны с целью подготовки к новой. В этом правительственном курсе отражались последствия Первой мировой войны – неразрешённость капиталистических противоречий. Трагизм ситуации заключался в том, что в британском обществе на протяжении всего межвоенного периода были силы, обладавшие опытом, организацией и возможностями, чтобы предотвратить новую мировую бойню за перераспределение влияния крупнейших капиталистических центров. Однако временно достигнутые правящим классом Великобритании успехи в критический момент способствовали ослаблению этих сил (ветеранских, антивоенных и левых организаций).

Анализ материалов британской прессы и других репрезентативных источников показал постепенное ослабление роли ветеранских организаций в области памяти о Первой мировой войны к середине 1930-х гг., и усиление влияния государства в этом отношении. В то же время офицеры, издававшие аналитические труды, автобиографии и художественные произведения, отражали разные стороны войны через личный опыт и формировали общие нарративы войны.

В 1930-е гг. самую кровопролитную войну в истории человечества ещё было не принято называть «Первой мировой», однако подготовка «Второй» в этот период велась в самых разных сферах: от переговоров на дипломатических конференциях и обсуждения стратегий в генеральных штабах до формирования

исторической политики и нагнетания милитаристской истерии в стране. Последнее здесь играло чрезвычайно важную роль, как показал опыт «Великой войны». Именно нестабильное внутреннее состояние привело крупнейшие государства к серьёзным кризисам, которые сказались на итогах войны. Поэтому фактор опыта мировой войны был взят на вооружение правящими кругами. На примере Великобритании можно рассмотреть, каким образом проводился курс исторической политики в отношении памяти о Первой мировой войне.

Для того, чтобы выделить особенности развития нарративов исторической памяти был использован историко-сравнительный метод, который позволяет понять, что в зависимости от суммы внешних и внутренних факторов «политика памяти» в 1920-е гг. (после Первой мировой войны) и 1930-е гг. (накануне Второй мировой войны) серьезно различались по своим целям и содержанию. Переход риторики в новое качество стал заметным в начале 1930-х гг. Ключевую роль в исследовании занимает исторический контекст положения Великобритании в 1930-е гг., благодаря чему фактор исторической памяти о Первой мировой войне рассматривается в совокупности с теми изменениями в мировой обстановке того периода.

Массовые исторические источники, такие как материалы периодической печати, позволяют наиболее точно выявить точку изменения нарратива исторической памяти или переходный период. При составлении выборки источников и их анализе необходимо учитывать, что при огромном количестве материалов периодической печати невозможно охватить все без исключения отраженные в ней нарративы Первой мировой войны. Тем не менее, выборка, насчитывающая нескольких десятков номеров различных изданий за период 1930-1939 гг. позволяет обобщить некоторые видимые изменения в общественной риторике.

До и после переходного периода можно наблюдать иные расстановки акцентов на страницах газет от местного до центрального масштаба. Если в 1920-е гг. и начале 1930-х гг. говорилось о «жертвах войны», выражалась горечь по павшим воинам, то постепенно к середине 1930-х гг. всё более заметным стали

героическая риторика и мобилизационный подтекст. При этом необходимо учитывать специфику материалов прессы как исторического источника, а именно определённую склонность её материалов к тенденциозности. Следовательно, стоит обращаться и к другим источникам для сопоставления нарративов.

Часто встречающиеся ключевые слова на страницах газет – это маркер, по которому мы можем выявить определённые идеологические клише. Пресса, с одной стороны, могла навязывать читателям свои собственные идейные установки, а с другой стороны – сама подвергаться давлению господствующей в том или ином обществе государственной идеологии. Анализ сообщений непосредственно каждой британской газеты изучаемого периода может стать темой отдельных исследований, а в данной работе поставлена цель определить роль субъектов (ветеранов как членов общества и институтов власти) в формировании исторической памяти о Первой мировой войне.

Обратившись к текстам периодической печати 1930-х гг. мы встречаем эти различные клише. Присущая 1920-м гг. сакрификация памяти о войне сохраняется в начале 1930-х гг. Так, газета «Sheffield Daily Telegraph» 14 октября 1931 г. делала акцент на «трагических четырёх годах войны», которые принесли многочисленные жертвы²⁶³. Подобная риторика в статье «Belfast Telegraph Antrim» 7 декабря 1931 г., содержащая описание трагедии войны, сопровождалось статистической сводкой в 11 млн. погибших и 29 млн. пострадавших по разным причинам от войны²⁶⁴. Данные о людских потерях представляются несколько завышенными, но приближенными к современным результатам исследования потерь: 9,5 млн. погибших, 20 млн. раненных (3,5 млн. стали инвалидами).

Если за гипотезу, объясняющую трансформацию нарративов исторической памяти, принять факт возникновения мирового экономического кризиса, то в качестве доказательств можно привести то, что, когда массовая безработица в

²⁶³ Sheffield Daily Telegraph, Yorkshire, England, 14 October 1931. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000250/19311014/211/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁶⁴ Belfast Telegraph, Antrim, Northern Ireland, 7 December 1931. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002318/19311207/079/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

Великобритании достигла пика в 1932 г. на отметке в 2829 тысяч (23% населения) и стало происходить обнищание населения, сакрифицированные нарративы сохраняют ещё преобладающее место на страницах периодической печати. Затем, после преодоления последствий кризиса начинается процесс трансформации газетной риторики несмотря на наличие в британском обществе негативного восприятия «Великой войны».

На страницах газет можно встретить интервью бывших военнослужащих с рефлексией опыта минувшей войны. Ветеран Г. М. Крук вспоминал: «Оглядываясь назад, я вспоминаю, что во время войны один епископ часто бывал на передовой. Однажды он прибыл в окопы, одетый в обычные епископские гетры, но экипированный "жестяной каской". Один из солдат сказал: я замечу, что, как в прошлом епископ твердо стоял на ногах, так и его мысль двигалась в ногу со временем... Мы не можем похоронить прошлое, даже если бы захотели. Его неудачи, упущенные возможности, сожаления – все это будет преследовать нас время от времени, но его радости, достижения и благословения будут освещать наш путь в будущем. Память дана нам для того, чтобы мы могли извлечь пользу из прошлого опыта. Вчерашние ошибки должны стать сигналом опасности для завтрашнего дня...»²⁶⁵. Попытки извлечь полезные уроки из войны, представить её в качестве жизненного испытания для себя и общества – характерная риторика в духе ритуализма или даже ретритизма. В условиях слабой социальной опеки и адаптации ветеранов в послевоенном обществе подобное осмысление войны становилось нормой жизни. Однако оно не давало ответа для понимания сущности войны, развязанной империалистами. Такая рефлексия помогала лишь минимизировать травмирующие факторы для психики. Эти особенности взяло на вооружение духовенство, которое также занималось камуфлированием смысла войны, хотя и подчёркивая её ужасы, но фактически становясь на позицию класса её развязавшего.

²⁶⁵ Northern Weekly Gazette. Durham, England, 1 February 1930. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003075/19300201/029/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

«Daily Herald», вспоминая в номере от 2 августа 1932 г. очередную годовщину начала «Великой войны», погибших британских и французских солдат, делала акцент на том, что это была «наша общая жертва»²⁶⁶. Тогда же под заголовком «Тяжёлая цена победы» поместила свою редакционную статью газета «Daily Mirror»²⁶⁷. «Ветераны встретились, чтобы почтить память жертв Великой войны, которые отдала Англия»²⁶⁸ – сообщалось в номере «Somerset Standard» от 18 ноября 1932 г.

Часто в практиках коммеморации 1920-х гг. – начала 1930-х гг. оправдательная риторика жертв войны сопровождалась религиозной тенденциозностью, что позволяло травмированному послевоенному обществу оправиться от горечи потерь. Однако в переходный период нарративы памяти постепенно окружаются патриотическим ореолом, благодаря которому жертвы войны превращались в героев, которыми двигали идеалы служения отечеству. Примером тому может служить статья «Скорбь нации», опубликованная 29 января 1932 г. на страницах «Gloucester Citizen»: «служба в духе готовности самопожертвования – это то, что поддерживало всю нацию, когда самый цвет нашей молодежи выступил по зову своей страны на Великую Войну»²⁶⁹. В этом отношении историческая память, накапливая подобные нарративы, выполняла функциональную роль²⁷⁰.

Несмотря на то, что «Penistone & District Newspaper Company Ltd» было независимым изданием, на его страницах не могло быть упомянуто о наличии классовой заинтересованности в интерпретации войны: семейный клан Уайтли мог сохранять контроль над изданием, так как местные газеты часто оставались в руках семейных предприятий. Попытка героизации минувшей войны был сделана в речи присутствовавшего на митинге капитана Уэста: «Я отдаю должное

²⁶⁶ Daily Herald, London, England, 2 August 1932. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000681/19320802/039/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁶⁷ Ibidem.

²⁶⁸ Somerset Standard, Somerset, England, 18 November 1932. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0002679/19321118/139/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁶⁹ Gloucester Citizen, Gloucestershire, England 29 January 1932. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000325/19320129/010/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁷⁰ Ассман А. Указ. соч. – С. 55.

каждому из них, но, хотя многие военные погибли от переутомления, они проявляли героизм во имя своей страны... солдаты, моряки, лётчики сознательно отдали свои жизни в руки других [подчёркивание уверенности к приказам командования – В.И.], чтобы сделать то, что требовалось, вплоть до того, что отдали жизни за дело своей страны»²⁷¹.

Акцентируя внимание на огромных потерях, как это сделала газета «Witness (Belfast)» 5 августа 1932 г. приводя цифры в 2,5 млн., касавшиеся британской и французской армий, и поместила комментарий о том, что другие страны на востоке не сумели внести подобного вклада в победу²⁷². Тем не менее, брошенный в сторону Российской империи камень не выдерживает научной критики. Например, в блоке Антанты Россия заняла первое место и по общему количеству жертв войны, и по числу мобилизованных²⁷³. Однако тенденциозность заявлений в газете претендует на то, чтобы показать несопоставимо высокую роль Великобритании и её союзника Франции в деле разгрома Германского блока. Подобная риторика соответствовала также расстановке оправдательных акцентов в отношении павших воинов.

В конце 1930-х гг., когда часть британских политиков высказывалась за возможность использования СССР против Германии в будущей войне, как это было в 1914-1916 гг., о важной роли российских солдат в Первой мировой войне высказался в парламентской дискуссии Д. Ллойд Джордж. «Для нас было удивительным, что в течение двух лет Россия сдерживала натиск лучшей на тот момент армии в мире – без пушек, без винтовок, но с солдатами, которые были готовы подобрать оружие убитых товарищей и продолжать бой. Почти без боеприпасов они сдерживали немцев, пока мы не были готовы»²⁷⁴.

²⁷¹ Там же. С. 55.

²⁷² Witness (Belfast), Antrim, Northern Ireland, 5 August 1932. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004299/19320805/139/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁷³ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. : (Ист.-стат. исследование). – Москва : Соцэкгиз, 1960. – С. 391.

²⁷⁴ Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 9 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/09/debate-on-the-address> (дата обращения: 14.08.2025).

Мобилизационные нарративы «Великой войны» насаждались государством, которое было заинтересовано в сплочении британской нации перед угрозой начала новой мировой войны. О том, что это было частью исторической политики свидетельствует схожесть риторики и деятельности официальных лиц и госучреждений. «Солдаты Британской империи и Франции должны лежать бок о бок, чтобы напоминать всем нам сегодня и в последующие годы о наших совместных потерях в Великой войне, в которой наша общая жертва в 2,5 млн. лучших мужчин, которые отдали свои жизни за помощь союзникам – такова сильно высокая цена победы»²⁷⁵ – сообщало издание «Linlithgowshire Gazette», воспроизводя речь принца Эдуарда Уэльского (будущего короля Великобритании в 1936 г.) в начале августа 1932 г. Эти слова были произнесены на открытии мемориала в Типвале пропавшим без вести во время сражений на Сомме 1915-1918 гг. Сравнение этой речи с приведёнными выше текстами показывает схожесть словесных оборотов об оправданности жертв, несопоставимом с другими странами вкладе в войну, «высокой цене победы». Интересно и художественное оформление того места, где принц Эдуард произнёс свою речь. Ответственным за установку памятника был Эдвин Лаченс, по проекту которого в 1920 г. был возведен знаменитый лондонский Кенотаф. Новый же его мемориал в Типвале отличался от простого по форме Кенотафа, ставшего точкой коллективной скорби, огромными размерами, наличием арок, придававшим ему помпезность. Историк архитектуры Винсент Скалли назвал этот памятник «колоссальным чудищем»²⁷⁶. Таким образом, мы видим в направленной на идеологическое трансформирование общества исторической политике британского правительства попытку соединить потенциал прессы и произведений монументального искусства, притягивавших к себе внимание паломников из числа ветеранов и родственников павших солдат.

²⁷⁵ Linlithgowshire Gazette, West Lothian, Scotland, 5 August 1932. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001907/19320805/019/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁷⁶ Уинтер Дж. Места памяти, места скорби. Первая мировая война в культурной истории Европы / Джей Уинтер ; пер. с англ. А. В. Глебовской ; науч. ред. Б. И. Колоницкий. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 147.

Развитие атмосферы «полу-войны», как выразился немецкий писатель Т. Манн в своей статье уже после оккупации в 1939 г. Польши Германией, необходимо для воспитания народа для войны, оправдания бесчисленных жертв и преступлений предстоящей войны²⁷⁷.

Какой же была реакция общества на происходившее вмешательство государства в процесс формирования исторической памяти о войне? Ещё с момента начала мирового экономического кризиса британские писатели-фронтовики деконструировали героический ореол, созданный вокруг мировой войны.

Во время обсуждения в Палате общин вопросов имперской обороны 21 марта 1934 г. лейборист Клемент Эттли с нескрываемым беспокойством сообщил, что существует ряд мемуаров, написанных солдатами против государственных деятелей и государственными деятелями против солдат²⁷⁸. Дважды на этом обсуждении упоминался Дэвид Ллойд Джордж, чьи мемуары были опубликованы в 1933-1936 гг. Отличившийся в Дарданелльской операции 1915 г. и участник интервенции в Советскую Россию полковник Джозайя Веджвуд отозвался на том же парламентском заседании в критическом духе о мемуарном труде Дэвида Ллойд Джорджа, отметив, что «Великая война» изображалась в нем бесконечной борьбой более или менее умных политиков против экспертов и корыстных интересов военных ведомств²⁷⁹. Действительно, в указанных мемуарах присутствует критика «бессмысленной и упрямой политики», итогом которой были принесённые в жертву английские и французские армии²⁸⁰, неоднократно подвергались критике видные военачальники союзных армий – Г. Китченер, Д. Хейг и Ж. Жоффр²⁸¹.

²⁷⁷ Манн Т. Эта война! – Москва : Cheapcherrylibrary, 2022. – С. 22.

²⁷⁸ Imperial defence // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 21 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/mar/21/imperial-defence> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁷⁹ Ibid. P. 1293.

²⁸⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2 / Д. Ллойд Джордж ; пер. с англ. – Москва : Соцэкгиз, 1934. – С. 331.

²⁸¹ Там же. С. 84.

В этой связи необходимо отметить, что к 1936 г. правительство уже стало внимательнее контролировать допуск к архивным документам для желающих написать автобиографические произведения.

Так, Кабинет министров Великобритании в меморандуме от 17 июля 1936 г. выражал обеспокоенность тем, что бывшие его члены используют свои привилегии для доступа к документам внутреннего пользования, обнародование которых может привести к вредным последствиям для государственных дел²⁸². Отдельно отмечалось, что Дэвид Ллойд Джордж использовал два документа в качестве основы для критики деятельности госсекретаря по военным вопросам Альфреда Милнера в том, что он не осведомил своевременно Военный кабинет о произошедшей в России революции²⁸³. В меморандуме от 22 июля 1936 г., другому политику от лейбористов, – Джеймсу Томасу, рекомендовали в его произведении меньше цитировать архивный документ и не распространяться о том, что информация добыта из секретных официальных материалов²⁸⁴.

Тем не менее, несмотря на частую критику командования, ветераны продолжали в 1930-е гг. участвовать в памятных мероприятиях в честь прославленных полководцев. Например, почести фельдмаршалу Д. Хейгу после его смерти в 1928 г. стали ключевыми в практиках коммеморации. На кадрах кинохроники 1930 г. видно, как отряды ветеранов собрались у его могилы в Драйбургском аббатстве, где Британский легион провёл свой парад²⁸⁵. Тогда же, в 1930 г. в парламенте получила поддержку инициатива по созданию памятника Д. Хейгу²⁸⁶, работы над которым были завершены в 1937 г.

²⁸² Hankey M. P. A. Use of Post-War Cabinet Papers in Autobiographies: memorandum / M. P. A. Hankey. – 1936, July 17. – (CAB 24/263/28; former reference: CP 198 (36)). P. 2, 4 – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730577> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁸³ Ibid. P. 205.

²⁸⁴ Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet: [with participation of S. Baldwin, N. Chamberlain et al.; agenda: The King, Locarno Treaty, Mediterranean guarantees, Spain, Palestine etc.] / Cabinet Office. – 1936, July 22. – (CAB 23/85/7; former reference: CC 54 (36)). P. 17. – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7654034> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁸⁵ British Legion pay homage to Field Marshall Earl Haig at his graveside at Dryburgh Abbey (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/134410/> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁸⁶ Earl Haig memorial statue // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 14 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/14/earl-haig-memorial-statue> (дата обращения: 14.08.2025).

Рассматривая проблему контроля государства за издававшейся литературой о «Великой войне», следует уделить особое внимание инциденту, случившемуся в 1932 г. благодаря публикации бывшим разведчиком Комптоном Маккензи своих «Греческих воспоминаний». В них автор раскрыл подробности своей разведдеятельности в Греции в 1916 г., когда она была ещё нейтральной страной, сообщив о планах отравить короля Константина I. Оцифрованные документы Службы безопасности Великобритании позволяют говорить об имевшихся у британских властей юридических основаниях для заведения уголовного дела в отношении К. Маккензи: раскрытие личности руководителя MI5 и её сотрудников, работа которых стала невозможной, чем был нанесён непоправимый ущерб, поскольку нарушена система маскировки агентов²⁸⁷. Что касается исторической памяти о войне, то Великобритания выставлялась не в лучшем свете, поскольку с 1915 г. она старалась втянуть Грецию в войну на стороне Антанты, а шокирующие подробности подрывной деятельности спецслужб ранее были неизвестны общественности. Проблема настолько разрослась, как сообщалось в отчёте, что материалы «Греческих воспоминаний» уже успели войти в книгу известного историка Александра Паллиса «Анатолийская авантюра Греции: обзор дипломатических и политических аспектов греческой экспедиции в Малую Азию (1915–1922)» в качестве источника²⁸⁸. Впоследствии тираж воспоминаний был изъят, что, с одной стороны, соответствовало объективным интересам в сфере государственной безопасности, а с другой – свидетельствовало о стремлении британского правительства взять под свой контроль процесс формирования исторической памяти.

В 1931 г. Уинстон Черчилль написал заключительный 6-й том «Мирового кризиса» под названием «Восточный фронт». Сам на описываемом театре военных действий он не был и составил книгу на основе отчётов, рапортов,

²⁸⁷ Security Service. Personal file: Compton Mackenzie : [British author and former intelligence officer] / MI5. – 1931 January 1 – 1938 December 31. – (KV 2/1271/01; former reference: PF 41196 VOL 1). P. 19 – The National Archives, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11134917> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁸⁸ Ibid. P. 20.

мемуаров военных, которые были уже опубликованы в 1920-е гг.²⁸⁹. Другие тома книги, вышедшие в 1920-е гг. и публиковавшиеся в 1930-е гг., отражали отчасти его собственный военный опыт. Эти произведения были широко известны в Великобритании и оказывались в центре внимания политиков. В целом книги сохраняли клише официальной пропаганды о миссии Великобритании: на протяжении истории британский народ спасал Европу от попыток гегемонии со стороны Испании, Франции и всегда громил агрессоров²⁹⁰. «Победа в последней войне, – писал У. Черчилль, – стала величайшей из всех, одержанной после самой разрушительной борьбы с самым грозным врагом». Так, автор фактически приписал Великобритании монопольное право победителя. Описывая особенности войны, У. Черчилль уделил внимание масштабам разрушений, сделав акцент на том, что именно Германия, «устроила ад, уверенно держась в авангарде террора»²⁹¹. Он делал тенденциозные отсылки к постоянной угрозе со стороны Германии, её склонности к милитаризации и агрессии, что стало для официальной пропаганды частым клише, где слово «немцы» заменялось тевтонами. В сочинении У. Черчилля от тома к тому такая особенность только прогрессировала: если в 1-м томе подобные обвинения встречались 7 раз, то в 6-м томе – 25 раз.

При описании боевых действий на Западном фронте можно встретить критику Кабинета министров, не принявшему своевременно меры по укреплению обороны бельгийского Антверпена, в то время как Китченер использовал все возможные средства²⁹². Подвергалась критике также недостаточность принятых мер со стороны отдельных ведомств. Для МИДа, Адмиралтейства, обеих палат парламента «внешней политики как будто не существовало»²⁹³, – писал У. Черчилль. Досталось и французскому командующему генералу Ж. Жоффру за ошибочное расположение войск во второй битве при Шампани 1915 г., где они

²⁸⁹ Churchill W. The world crisis. Vol. VI: The Eastern Front. – London : Thornton Butterworth, 1931. – P. 5.

²⁹⁰ Churchill W. The world crisis. Vol. 1: 1911-1914. – Toronto : Macmillan Co. of Canada, 1923. – P. 2.

²⁹¹ Ibidem.

²⁹² Churchill W. The world crisis. Vol. VI: The Eastern Front. – London : Thornton Butterworth, 1931. – P. 225.

²⁹³ Ibid. P. 58–59.

были сбиты практически в кучу и без труда обстреляны немцами²⁹⁴. Упомянув роль русских войск, У. Черчилль подмечал часто недостаточность имевшихся у них ресурсов для ведения войны, но в то же время подчёркивал храбрость солдат²⁹⁵.

Однако он склонялся к тому, что Великобритания рассматривала Западный фронт главным во время войны, в то время как Восточному отводилась роль второстепенного, отвлекающего манёвра. У. Черчилль не скрывал цинизма в отношении союзников. «На Востоке немцы нас как бы спрашивали: “Может, нам выиграть войну вместо вас” [с учётом больших потерь русских войск – В.И.], а мы отвечали “Выиграть войну? Да вы только собирали русских как трофеи”²⁹⁶. Стоит отметить, что мало писал У. Черчилль об идеологических основаниях войны, признавая, что патриотизм, служение обществу, воинская дисциплина, чувство ранга – все эти смягчающие средства лишь успокаивали воспалённые места²⁹⁷ – тем самым показывая лицемерие системы: все это идеалы утешения, предназначавшиеся только для широких масс, которые использовали для достижений целей войны. Последний раз Россия пожертвовала собой ради союзников, – писал Б. Лиддел Гарт, – во время Брусиловского прорыва, что привело к перенапряжению всех моральных и материальных сил фронта, подрыву боеспособности и предпосылке к революции²⁹⁸.

Касаясь особенностей боевых действий, У. Черчилль подчеркнул, что долгое время командующие армиями разных стран, в том числе Дж. Френч, Ф. Фош, Ж. Жоффри, Э. фон Фалькенхайн, не понимали, что у наступающих армий вообще не было средств для преодоления эшелонированной обороны, включая линии крепостей с орудиями, многочисленные траншеи²⁹⁹. Вдобавок ставка на предварительную артподготовку перед наступлением пехоты также мешала

²⁹⁴ Ibid. P. 315.

²⁹⁵ Ibid. P. 198, 212, 234.

²⁹⁶ Ibid. P. 259.

²⁹⁷ Ibidem.

²⁹⁸ Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914–1918 гг. – Москва : Гос. воен. изд-во, 1935. – С. 186.

²⁹⁹ Churchill W. The world crisis. Vol. VI: The Eastern Front. – London : Thornton Butterworth, 1931. – P. 260.

продвижению, поскольку местность становилась непроходимой³⁰⁰. Это обстоятельство предопределило «войну на истощение».

Бэзил Лиддел Гарт в своей аналитической работе «The Real War 1914-1918» (1930 г.) выступал и как историк, изучивший воспоминания участников войны, и как свидетель событий, поскольку сам воевал на Западном фронте. Он служил офицером в пехотной части, трижды был ранен, выжил при наступлении в битве при Сомме 1916 г., когда британская армия понесла тяжелейшие потери за всю свою историю. Также Б. Лиддел Гарт привлекался к участию в обсуждении вопросов национальной безопасности и обороны («Большая стратегия»)³⁰¹. Уделяя внимание происхождению войны, автор касался больше дипломатических и династических конфликтов крупнейших держав, однако проигнорировал экономическую составляющую войны, что, впрочем, было обычно для исторической науки в межвоенной Великобритании. Хотя Б. Лиддел Гарт обозначил соперничество за колонии как один из элементов противоречий³⁰².

В его книге, несмотря на его фронтовой опыт на передовой, мы не встретим детализированного описания окопной жизни. Труд британского военного теоретика носил больше аналитический характер. Много внимания уделил автор действиям командования на Сомме, которые не подвергались открыто критике, но подчёркивалось устаревание тактики, при которой британские солдаты платили жизнями, пытаясь победить немцев измором: «Пехота обеих сторон служила конденсированной пищей, которую потребляла артиллерия»³⁰³. Такая грубая метафора точно описывала безнадёжные попытки таранить пехотой линию обороны противника, чтобы закрепить успех в наступлении и углубиться на пару миль³⁰⁴. Это аргументированно показано автором на примере битв на Сомме, при

³⁰⁰ Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. – С. 255.

³⁰¹ Улунян А. А. Сохранить империю в неприкосновенности. Рецензия на монографию С. Г. Малкина «Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2025. – Т. 17, № 3. – С. 245.

³⁰² Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. – С. 8-9.

³⁰³ Там же. С. 200.

³⁰⁴ Там же. С. 201.

Пашендейле и Вердене, где известное наполеоновское изречение «Бог на стороне больших батальонов», по мнению автора, уже не работало³⁰⁵.

Как замечал другой фронтовик-писатель З. Сассун, война стала откровенно механической и бесчеловечной³⁰⁶. Б. Лиддел Гарт приводил воспоминания австралийского офицера, участвовавшего в тех смертельных боях и просившего написать книгу о жизни пехотинца, чтобы предостеречь от трагических ошибок: «даже лунатик в бреду не сможет представить столь ужасное место последних наших тридцати дней»³⁰⁷. Хаос боевых действий добавляла несогласованность британского и французского командования. Например, Б. Лиддел Гарт упоминает, что к 12 октября Д. Хейг уже понимал невозможность прорвать оборону, в то время как Ф. Фош и Ж. Жоффр настаивали на повторных наступлениях до тех пор, пока нижестоящие командиры не отрапортовали о крайней истощённости войск³⁰⁸.

В своём труде Б. Лиддел Гарт выделил одну особенность, повлиявшую на восприятие войны – замедление течения времени в сознании фронтовиков. Первая мировая война изменила представление о продолжительности боёв. Сражения в прошлых войнах могли длиться достаточно долго, но в 1914-1918 гг. они стали растягиваться на месяцы. Например, Верденское сражение стало рекордным по продолжительности: оно длилось с 21 февраля по 21 декабря 1916 года³⁰⁹. Соответственно для солдат восприятие войны было бесконечным и бессмысленным, поскольку бои не приводили очень часто к желаемому результату. Население в тылу, следившие за событиями на фронте, не могло также отчётливо фиксировать начало и окончания того или иного сражения. Отчасти отсюда могло проистекать непонимание целей войны. «Затем наступало ужасно медленное течение времени, – вспоминал полковник Дж. Кортхоп, – когда

³⁰⁵ Там же. С. 214.

³⁰⁶ Sassoon S. Op. cit. – P. 142.

³⁰⁷ Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. – С. 201.

³⁰⁸ Там же. С. 203.

³⁰⁹ Там же. С. 176.

смотришь на наручные часы и думаешь: “Наверняка моё время вышло”, а потом обнаруживаешь, что до конца ещё полчаса. Настоящее казалось адом»³¹⁰.

Рассмотрел Б. Лиддел Гарт в своём труде и работу пропаганды, особенно британской, которой придавал роль одного из источников победы в войне наравне с превосходством вооружений, экономической блокадой, технологическими новшествами³¹¹. К слову, основными театрами боевых действий, для военного теоретика, исходя из заключения, были Западная Европа и Балканы. Отмечалось также, что пропаганда как «психологическое оружие», которую предложил Альфред Хармсворт (лорд Нортклифф, основатель газеты «Daily Mail») стала важной составляющей успеха в 1918 г., поскольку её задачей являлось побудить тыл противников к восстанию против правительства³¹². Данный способ ведения войны был, несомненно, целесообразен, однако Б. Лиддел Гарт, вероятно, его переоценивал, считая, что январское восстание германских рабочих 1919 г. было делом рук лишь отдела пропаганды. Сам же автор отмечал дальше в тексте, что существует прямая взаимосвязь между массовым голодом в Германии и «развалом внутреннего фронта»³¹³. В то же время Б. Лиддел Гарт приводил примеры мятежей, вспыхнувших весной 1917 г. в частях французской армии. Их причины были вызваны провалом весеннего наступления, усталостью, недовольством солдат, беспечностью командиров и служебными неполадками³¹⁴. Ситуация была настолько серьёзной, что на некоторых участках фронта практически не осталось лояльных частей и только после расстрелов и арестов зачинщиков мятежа А. Петену удалось возродить боеспособность воинских частей³¹⁵. Однако в этом эпизоде автор не утверждал, что восстания солдат являлись итогом вражеской пропаганды, поскольку были порождены вполне материальными обстоятельствами.

³¹⁰ Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 7 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/07/clause-5-abolition-of-death-penalty-in> (дата обращения: 14.08.2025).

³¹¹ Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. – С. 393–394.

³¹² Там же. С. 267.

³¹³ Там же. С. 391.

³¹⁴ Там же. С. 251.

³¹⁵ Там же. С. 252.

Современные исследования англоязычной историографии (М. Гилберт, Дж. Киган, М. Хейстингс) о роли британских командующих в Первой мировой войне подтверждают некоторые аналитические выводы современников, которые можно сгруппировать по следующим проблемам³¹⁶.

1. Британские генералы несли прямую или косвенную ответственность за огромные потери, однако их вина не была абсолютной, поскольку сказывалось влияние французского командования и объективные условия войны³¹⁷.

2. Накануне войны отсутствовало единое видение стратегии между сухопутными и морскими силами, что приводило к несогласованным действиям³¹⁸.

3. Британские командиры, имея колониальный опыт, не были готовы к масштабам и характеру боёв в Европе³¹⁹.

4. Джон Френч и Дуглас Хейг по-разному оцениваются историками, но оба ассоциируются с проблемами в осуществлении командования³²⁰.

5. Многие командующие находились в глубоком тылу и не понимали условий, в которых сражались солдаты³²¹.

6. Британские командующие часто подчинялись французским стратегам, даже когда это противоречило их собственным оценкам³²².

7. Часть историков подчеркивает, что многие офицеры гибли на передовой, что опровергает миф об их полной отстранённости от событий войны³²³.

Не только Б. Лиддел Гарт обратил внимание на роль пропаганды в войне. Вслед за ним расширил эту тему, с учётом опыта Первой мировой войны капитан Сидни Роджерсон в аналитическом труде 1938 г. «Пропаганда в следующей войне». В начале работы автор подчёркивал: «сегодня немецкие пропагандисты кричат о том, что германские войска не были разгромлены в решительном

³¹⁶ Шендыгаев Д. И. Проблема роли британских командующих эпохи Первой мировой войны в англоязычной историографии // История. Общество. Политика. – 2017. – № 2 (2). – С. 128–133.

³¹⁷ Там же. С. 4–5.

³¹⁸ Там же. С. 3.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же. С. 4–5.

³²¹ Там же.

³²² Там же. С. 5.

³²³ Там же.

сражении». С. Роджерсон полагал, что для современной войны это и не требовалось, поскольку Центральные державы в течение четырёх лет войны были выведены из строя давлением экономических, моральных и пропагандистских сил³²⁴. Автор вспоминал, что за линией фронта всё было отлично оборудовано для работы военных корреспондентов: специальные будки, оснащенные фотоаппаратами и кинокамерами. Практиковалось распространение газет прямо в окопах: «У меня сохранилось ясное воспоминание о неряшливых французских мальчишках, которые бродили вокруг огневых позиций под Вермелем и кричали: “Английская газета!”»³²⁵. Всё это стало возможным благодаря тому, что война слишком растягивалась во времени, поэтому было относительно легко наладить работу пропагандистской машины.

«Как только началась война, – писал С. Роджерсон, – все стороны в своей пропаганде начали взывать к Господу»³²⁶. Обе стороны заявляли о том, что хотят побороть несправедливость и освободить порабождённых. В Великобритания, к примеру, был взят на вооружение пропаганды лозунг «Помним Бельгию». Долгое время стороны, как в любом другом конфликте, обвиняли друг друга в самых страшных преступлениях, чтобы демонизировать врага и обелить себя. Но в 1918 г. качество пропаганды изменилось, в чём С. Роджерсон приписывает заслугу ставшего во главе Министерства пропаганды лорду Нортклиффу, который использовал следующие принципы: 1) не тратить время на распространение нелепых слухов, апелляции к истории, человечности, закону; 2) выявлять слабое место врага и играть на нём, всё больше ослабляя врага в этом направлении³²⁷. Отсюда сформировалось правило пропагандиста: «Говори правду, но интерпретируй её по своему усмотрению»³²⁸. Отдельные главы труда С. Роджерсона, предисловие к которому написал Б. Лиддел Гарт, вызвали интерес

³²⁴ Rogerson S. Propaganda in the next war. – New York : Arno Press, 1972. – P. 2.

³²⁵ Ibid. P. 3.

³²⁶ Ibid. P. 12.

³²⁷ Ibid. P. 16.

³²⁸ Ibid. P. 20.

сначала в США, а затем привлекли внимание Службы безопасности Великобритании³²⁹.

Другая обширная тема для складывания нарративов о Первой мировой войне была связана с пацифизмом. Антивоенные настроения отразились в художественных произведениях, отчасти в автобиографиях Ричарда Олдингтона, Зигфрида Сассуна, Роберта Грейвса, во многом основавшихся на личном опыте. Это вступало в конфликт с продвигаемым британским правительством героическим нарративом «Великой Войны». По высказыванию бригадного генерала Джорджа Кокерилла, командовавшего во время войны 7-м батальоном Королевских стрелков и позднее – директора специальной службы разведки, «каждый солдат, независимо от его звания, разделяет неприязнь к войне»³³⁰.

Использование материалов художественной литературы в качестве источника для исследования нарративов позволяет определить точки борьбы образов Первой мировой войны в 1930-е годы³³¹. Исходя из положений философии постструктурализма, любое художественное произведение представляет собой интерес в трёх отношениях.

Во-первых, сюжет и обстановка вокруг него, которые составляют основу текстового массива произведения.

Во-вторых, мировоззрение автора произведения, которое он выносит в монологи или выражает посредством действий героев.

В-третьих, любое произведение отражает объективную окружающую автора реальность, в которой оно создаётся.

Диалектика исторического познания приводит нас к тому, что писатель-фронтовик отчасти выдвигал свой личный опыт, отношение к войне, но, с другой стороны, являясь частью британского общества, ветеранского движения, он вбирал в себя восприятие войны окружающими. Основываясь на

³²⁹ Security Service. Personal file: Basil Henry Liddell-Hart: [British military historian and theorist] / MI5. – 1927 January 1 – 1944 December 31. – (KV 2/2410/03; former reference: PF 38861 VOL 1). P. 66 – The National Archives, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11287876> (дата обращения: 14.08.2025).

³³⁰ Air estimates, 1930 // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 30 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/jul/30/air-estimates-1930> (дата обращения: 14.08.2025).

³³¹ Болебрух А. Г. Художественная литература в историческом аспекте // Источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. – Минск : БДУ, 2005. – С. 8–17.

материалистическом понимании истории, мы должны учитывать то обстоятельство, что экономические условия Великобритании в 1930-е гг. активно влияли на сознание тысяч людей, в том числе на художественное творчество писателей, мастерски отражавших опыт Первой мировой войны. Этим самым материальным обстоятельством стали экономические потрясения рубежа 1920-х – 1930-х гг., которые и привели в движение массы населения и активизировали творчество писателей-фронтовиков.

В художественных произведениях указанных авторов, ставших популярными в 1930-е гг., часто содержались негативные нарративы войны. Коснулся Р. Грейвс насаждаемого официальной пропагандой долга перед тронном. «Патриотизм в окопах был слишком далеким чувством, и его сразу отвергли как подходящее только для гражданских лиц или заключенных. Новичку, который говорил о патриотизме, вскоре приказывали прекратить это»³³². Критиковались в целом пропагандистские преувеличения о немецких зверствах в Бельгии, что британскими солдатами воспринималось как очевидная нелепость³³³.

Писатель-фронтовик развенчивал истории о «боевом братстве», приводя сведения о различных инцидентах, которые не позволяли говорить о единении нации: за систематические издевательства двое сапёров застрелили сержанта³³⁴. Автор нередко обращал внимание на существовавшую среди «окопников» неприязнь по отношению к штабным военным³³⁵. Он приводил письмо своего сослуживца, где критиковались «кровавые политики и проклятые генералы», которые готовы продолжать посылать на смерть хороших людей, пока им не надоест или не получат похвалу³³⁶. В последних эпизодах автобиографии Р. Грейвс вспоминал, как его попросили выступить на военной панихиде, где он сказал, что выжившие должны благодарить Бога за то, что они живы, и сделать всё возможное, чтобы избежать войн в будущем³³⁷.

³³² Graves R. Op. cit. – P. 240.

³³³ Ibid. P. 234.

³³⁴ Ibid. P. 149.

³³⁵ Ibid. P. 137.

³³⁶ Ibid. P. 317.

³³⁷ Ibid. P. 398.

Произведение «Воспоминания пехотного офицера» 1931 г. является частью беллетризованной автобиографической трилогии З. Сассуна. Книга затрагивала проблему бессмысленности войны, желания фронтовиков скорее вернуться: «”Боже, сделай так, чтобы меня отправили на базу!” Как часто это прошение произносилось шепотом во время войны?»³³⁸. Главный герой вспоминал солдата, которому чуть не оторвало всю ногу во время артобстрела и который благодарил Бога за это, благодаря чему он теперь мог вернуться домой³³⁹. Желание «схватить домашнюю»³⁴⁰ можно встретить на страницах романа «Смерть героя» Р. Олдингтона, где Джордж Уинтерборн рассуждал, какое ранение получить лучше, заключая, что потеря ноги или руки наверняка «освобождает от треклятой бойни» и ещё позволяет получить пенсию по инвалидности³⁴¹. Несмотря на то, что герой З. Сассуна видел все «ужасы войны», он признался товарищам в том, что его опыт теперь являлся предметом гордости, и он ни за что на свете не хотел бы пропустить эту войну, поскольку она многое прояснила³⁴². Действительно, Первая мировая война, обострив все нужды людей, побудила многих начинать задумываться о несправедливом устройстве общества.

Для главного героя травматичный опыт войны повлиял на отношение к гибели сослуживцев таким образом, что оно стало более упрощённым. Этот эпизод, как писал автор, в котором «нет ничего нового, о чём бы стоило писать», заключался в том, что герой пробирался ночью через траншеи, где не различал живых и мёртвых: «с моим скудным запасом жизненного опыта я снова погружался в настоящий мрак и катастрофу под названием Армагеддон»³⁴³. Иной раз фронтовики обнаруживали в себе силы, несмотря на ужасы и разрушения вокруг, бороться до последнего подобно зверю³⁴⁴. Это очень похоже на мысли солдата по противоположную сторону фронта, когда герой «На Западном фронте

³³⁸ Sassoon S. Op. cit. – P. 119.

³³⁹ Ibid. P. 37.

³⁴⁰ Имеется в виду лёгкое ранение, позволявшее отправиться в тыл.

³⁴¹ Олдингтон Р. Смерть героя : роман / пер. с англ. Н. Галь ; примеч. Д. Шестакова. – Москва : Худож. лит., 1976. – 320 с. – URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt> (дата обращения: 14.08.2025).

³⁴² Sassoon S. Op. cit. – P. 131.

³⁴³ Ibid. P. 205.

³⁴⁴ Ibid.

без перемен» Э. Ремарка размышлял о том, что, отправляясь на передовую, солдаты становятся животными, поскольку только так им удавалось выживать. Справляться с тяготами войны помогал специфический солдатский юмор, что защищало психику от пагубных воздействий войны: «Хотя многие из них говорили об этом легкомысленно и даже шутливо, в атмосфере этого поезда царило нечто чудовищное»³⁴⁵. По мнению сослуживцев главного героя, было опасно поддаваться склонности становиться серьёзным: «Западный фронт был все той же коварной, тупой трагикомедией, которую армейский менталитет согласился рассматривать как нечто среднее между грубой шуткой и поводом для хорошего ворчания»³⁴⁶.

Автор не скрывал презрения к идеалам, которыми официальная пропаганда прикрывала войну: «На борту того поезда Красного Креста тоже были умирающие, люди, которые умирали за свою страну в сравнительно комфортных условиях»³⁴⁷.

Особые переживания вызывала проблема возвращения фронтовиков домой, ведь война становилась частью их самих. З. Сассун признавался, что воспоминания о войне становились привилегией и нет никакого смысла рассказывать о ней гражданским, поскольку они не смогли бы понять³⁴⁸. Проблема встраивания в мирную жизнь тяготила и Р. Грейвса. «Мне было трудно поверить, что война закончилась. Когда я в последний раз был гражданским лицом, я ещё учился в школе, поэтому у меня не было опыта самостоятельной гражданской жизни»³⁴⁹. Фронтовики могли находить общество по интересам только между собой. «Заградительный огонь был снят с первой цели», «нас обстреляли из тяжелого оружия», «первая волна была задержана пулемётами», «расстрелял их из пулемёта», «не смогли прорваться через их проволоку» – кроме войны им было не о чем говорить³⁵⁰. Вспоминая эпизод битвы при Аррасе

³⁴⁵ Ibid. P. 227.

³⁴⁶ Ibid. P. 239.

³⁴⁷ Ibid. P. 228.

³⁴⁸ Ibid. P. 233.

³⁴⁹ Graves R. Op. cit. – P. 352.

³⁵⁰ Sassoon S. Op. cit. – P. 235–236.

писатель-фронтовик отмечал: «наши умы всё ещё не могли отдышаться, а наши сокровенные мысли в беспорядке отступали перед ревущей темнотой и людьми, умирающими в воронках от снарядов под ударами возвращающегося дневного света»³⁵¹.

В отличие от Р. Грейвса и З. Сассуна, раскрывавших свой военный опыт в рамках автобиографий, роман Р. Олдингтона «Смерть героя» 1929 г. являлся автобиографическим частично. Однако проблемы, которых коснулся автор и нарратив, который он отразил, были схожими.

Антинародный характер войны подчёркивается в размышлениях главного героя Джорджа Уинтерборна, осуждающего правительство, ежедневно тратящего миллионные средства на «убийство немцев», но при этом неспособного побороть нищету в собственной стране³⁵². Герой, признавая экономические интересы войны за капиталистами, больше склонен был сводить причины войны к растущим потребностям населения и перенаселению³⁵³. Однако в другом романе «Все люди – враги» 1933 г. персонаж Энтони Кларендон проявлял большую последовательность в разоблачении классового происхождения войны. Главный герой считал войну бессмысленной, поэтому ему было безразлично, кто победит³⁵⁴.

Критика Р. Олдингтона обрушивалась на официальные предлоги для вступления в войну, называя это «вершиной Викторианского Лицемерия»: пропаганда в 1914 г. призывала к долгу перед Отечеством, поскольку цивилизации угрожают немецкие варвары³⁵⁵. В этом отношении можно найти схожие проблемы муссирования в британской пропаганде немецких зверств и угроз, упоминаемых З. Сассуном. В «Смерти героя» автор обращал внимание, что со времён Французской революции конца XVIII в. не было такого катастрофического крушения ценностей, как после 1914 г. Презрения

³⁵¹ Ibid. P. 227.

³⁵² Олдингтон Р. Указ. соч. – URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt> (дата обращения: 14.08.2025).

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Олдингтон Р. Все люди – враги : роман / пер. с англ. О. А. Ефимовской. – Москва : Правда, 1983. – URL: https://militera.lib.ru/prose/foreign/aldington_r01/index.html (дата обращения: 14.08.2025).

³⁵⁵ Олдингтон Р. Смерть героя : роман / пер. с англ. Н. Галь. – Москва : Худож. лит., 1976. – 320 с. – URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt> (дата обращения: 14.08.2025).

заслуживали, по мнению Р. Олдингтона, лозунги газет о том, что возродится нация, укрепится религиозный дух, появится новая великая литература³⁵⁶. Исходя из своего травматического опыта войны Р. Олдингтон подчёркивал бессмысленность и напрасность принесённых жертв, а также совершённых подвигов³⁵⁷.

Мемуары «Подтекст войны» поэта Эдмунда Бландена, опубликованные в конце 1920-х гг. и переизданные в 1930-е гг., стали ещё одним примером личного опыта фронтовика, столкнувшегося с суровостью войны 1914-1918 гг. Автор так же не был склонен идеализировать войну. Часто он вспоминал непрекращающиеся артобстрелы противника, уничтожающие линии укреплений, к которым только успел привыкнуть. «Никогда (на наш взгляд) мы не подвергались такому обстрелу... Их орудия всех калибров обрушивали всю свою ярость на наш небольшой участок... Траншеи, расположенные непосредственно возле наших дотов, уже были завалены телами. Один человек в моём штабе умер от шока, вызванного разрывом огромного снаряда, разорвавшегося неподалеку. Мы попытались выпустить голубя, но голубь, напуганный выстрелом, снова забрался в блиндаж»³⁵⁸.

Патриотические призывы автор рассматривал с лёгким налетом критики. Ему нравилось, как армейский доктор называл общепринятые понятия о патриотизме джингоизмом³⁵⁹, т. е. английским великодержавным шовинизмом. Оторванность и высокомерность командиров Э. Бланден описал в эпизоде, когда полковник Гризвуд отчитал его за то, что он взял с собой необрезанную и большую палку, приказав ему «уважать цивилизацию и купить трость»³⁶⁰. Обратил он также внимание на разный уровень комфорта, при котором землянка, в которой размещались офицеры роты, была меньше и темнее, чем та, которую занимали Гризвуд и его адъютант Уоллес³⁶¹. Подчеркивалось, что в новой войне

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Blunden E. *Undertones of war*. – New York : Doubleday, Doran & Company, Inc., 1929. – P. 241.

³⁵⁹ Ibid. P. 150.

³⁶⁰ Ibid. P. 11.

³⁶¹ Ibidem.

роль индивидуального героизма сводилась к самому минимуму: пересидеть противника в окопе. «Я начал понимать ход войны, ибо град тяжелых снарядов обрушивался на землю со всех сторон, лишая возможности двигаться, и чернота сотрясалась от взрывов грохочущего звука и пламени... и мой маленький отряд был в замешательстве, и, согнувшись, спешил вперед; мы выдержали шквал, но, в конце концов, от нас ничего не зависело»³⁶².

Появление перечисленных художественных произведений указывало на растущую тревогу писателей-фронтовиков за будущее общества. Они передавали свой травматичный опыт войны, уходили от привычной для 1920-х – 1930-х гг. идеализации войны, навязанной официальной пропагандой. Будучи популярными произведениями в 1930-е гг. они становились образцами коллективной памяти, если и не всего общества, то значительной его части, что вело к формированию контрнарратива войны 1914-1918 гг.

«Пате-журнал» выпустил 5 августа 1935 г. к 21-ой годовщине начала войны специальный киносюжет, где демонстрировались кадры боевых действий, сопровождавшиеся трагической музыкой, треском пулемётов и грохотом орудий. Закадровый голос призывал подумать о войне и её последствиях. «Великобритания погрузилась в самую жестокую, самую бесчеловечную борьбу с начала времён. Миллионы людей покинули свои дома с песнями на устах, и миллионы из них больше не вернулись. Мир можно обеспечить только объявив войну страху, жадности и эгоизму, которые приводят к войне»³⁶³. В этом сюжете были отражены пацифистские взгляды так называемой «Оксфордской группы». Архивный документ Кабинета министров Великобритании подтверждает это: ранее, в начале 1934 г. на запрос указанной организации о встрече с премьер-министром был дан отрицательный ответ³⁶⁴. Следовательно, для правительства было нежелательным пацифистское отношение к памяти о войне 1914-1918 гг.

³⁶² Ibid. P. 37.

³⁶³ Anniversary of the First World War (1935) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/136863/> (дата обращения: 14.08.2025).

³⁶⁴ Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet. – 1934, February 7. – (CAB 23/78/4; former reference: CC 4 (34). P. 6. – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653882> (дата обращения: 14.08.2025).

Вторая часть хроники запечатлела речь одного из лидеров «Оксфордской группы»: «Призыв к Англии – это призыв к действию. Оксфордская программа – это конструктивная идея для жизни. Она появилась 14 лет назад как вызов уставшему от войны поколению. Сегодня она предлагает решение для мира, предчувствующего войну»³⁶⁵. В данном случае имела место самореклама организации. В конце кинохроники содержался призыв текстом, размещенным на экране поверх кадров скоплений людей – «Не допустим возвращения тех дней».

В кинохронике, выпущенной 12 ноября 1936 г., дикторский текст был наполнен трагизмом от многочисленных потерь. «Прошло 18 лет с того, как мы, оставшиеся в живых, смотрели, как цвет человечества уходит в жерло смерти. С песнями на устах они уходили со всей своей юношеской наивностью. Мы живущие в этом благословенном мире не можем воздать им за их долг, но, если мы будем помнить, пламя их самопожертвования будет гореть вечно»³⁶⁶.

В 1930-е гг. получило широкое распространение и антивоенное движение. Приход к власти фашистов в странах Европы обеспокоил и британское общество. После установления нацистской диктатуры в Германии антифашистские и антивоенные мероприятия стали проводиться и в Великобритании. Например, в 1933 г. члены Британского легиона присутствовали в составе делегации на антивоенной конференции в лондонском районе Бердмонси, где осуждалась слабость Лиги Наций и были сделаны предупреждения об угрозе новой войны³⁶⁷. Об этом же с громким заголовком «Искалеченные войной призывают к миру» писало 20 марта 1933 г., издание «Daily Herald» констатируя, что в антивоенной кампании за разоружение объединились школы и университеты³⁶⁸. Подобный упадок духа нарастал среди части ветеранов, которые видели нагнетание обстановки в мире и рост милитаризации своей страны: «Я читал недавние

³⁶⁵ Anniversary of the First World War (1935) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/136863/> (дата обращения: 14.08.2025).

³⁶⁶ Armistice Day 1936 (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/166818/> (дата обращения: 14.08.2025).

³⁶⁷ Гурович П. В. Английское рабочее движение накануне второй мировой войны / АН СССР. Ин-т истории. – Москва : Наука, 1967. – С. 90.

³⁶⁸ Daily Herald, London, England, 20 March 1933. – P. 11. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000681/19330320/165/0011> (дата обращения: 11.03.2025).

заявления по поводу воздушной опасности и необходимости перевооружений. Как ветеран я должен заявить: “больше никаких войн”. Если только произойдёт такая же одна война, то все перспективы для будущего должны быть закрыты»³⁶⁹ – сделал критическое замечание один из фронтовиков в интервью газете «Edinburgh Evening News» 11 марта 1937 г.

Таким образом, пацифизм дал свои плоды. Это было общей тенденцией для многих западноевропейских государств, но и общей проблемой, поскольку антивоенные и антифашистские силы не смогли сплотиться перед угрозой новой мировой войны. Наряду с прогрессом ветеранов в деле ведения антивоенной пропаганды Британский легион из-за декларируемой аполитичности поощрял по большей части бездействие перед нависшей опасностью. Звучали и призывы пересмотреть стратегию национальной безопасности и увеличить экономическую поддержку конкретных передовых отраслей военной промышленности, например, авиацию: «Британия нуждается в коллективной защите больше, чем любая другая страна. Авиация сделала нас особенно уязвимыми»³⁷⁰. Во время дискуссий на уровне парламентского комитета ветеран Аппет Дайн, выражая свои пацифистские взгляды, всё утверждал, что «в случае начала войны системы защиты страны могут оказаться устаревшими»³⁷¹.

Как было установлено, британское правительство продвигало свою идеологическую повестку в исторической памяти о Первой мировой войне. Со второй половины 1930-х гг. мы уже не наблюдаем активного организованного сопротивления ветеранских организаций государственному нарративу и идеологии. Наоборот, можно отметить частые контакты ветеранов с институтами власти, что выражалось в участии Британского легиона в различных мероприятиях и международных миссиях.

³⁶⁹ Edinburgh Evening News, Midlothian, Scotland, 11 March 1937. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000452/19370311/231/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁷⁰ Liverpool Echo, Lancashire, England, 1 July 1935. – P. 10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000271/19350701/181/0010> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁷¹ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, 19 September 1936. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19360919/132/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

В качестве примера следует упомянуть факт влияния Первой мировой войны на формирование правых политических взглядов верхушки ветеранских организаций. Ветеран и один из организаторов Британского легиона Ян Стэндиш Монтит Гамильтон поддерживал А. Гитлера и через англо-германскую ассоциацию развивал контакты с фашистской Германией. Правые идеологические взгляды не мешали при этом участвовать в формировании нарратива о Первой мировой войне: в 1934 г. он снялся для интервью в документальном фильме «Забытые люди: война, какой она была». Он часто участвовал в мероприятиях Британского легиона и принимал парады³⁷². Другой ветеран, теоретик бронетанковой войны Джон Фуллер, разочаровавшись в нерешительности правительства в области военных реформ, являлся доверенным лицом О. Мосли и состоял в «Британском союзе фашистов», а также был в составе правой организации «Северная лига». В последней состояли менее известные, но деятельные личности ветеранского сообщества Великобритании. К таким относятся и убеждённый антисемит Генри Бимиш, и организатор «Имперской фашистской лиги» Арнольд Лиз, и одержимый нацизмом сторонник милитаризма Грэм Хатчисон, и автор фашистских брошюр, лозунгов для БСФ Роберт Гордон-Каннинг. Приведённые фамилии — это лишь небольшая часть тех ветеранов, активно поддерживавших фашистские идеи, и, следовательно, ставших сторонниками военной агрессии. Более подробно деятельность и идеологию некоторых британских ветеранов, вставших на ультраправые позиции, мы рассмотрим в следующей главе.

Печальный опыт «Великой войны» не только не заставил их отвергнуть оружие как решение конфликтов, но и убедил их в необходимости его дальнейшего применения. Война, отчасти повлиявшая на нравственный климат британского общества, вероятно, увеличила агрессию и привела к расчеловечиванию: «Помните, что каждый бош, которого вы, ребята, убиваете, приносит нам очко в нашу пользу; каждый бош, которого вы убиваете,

³⁷² And no other nation could show the like (1933) // British Pathé. — URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40013/> (дата обращения: 14.08.2025).

приближает победу на одну минуту и сокращает войну на одну минуту. Убейте их! Убейте их! Есть только один хороший бош, и он мертвый!»³⁷³ – вспоминал З. Сассун лекцию «Дух штыка» в офицерской школе. Среди канадских военнослужащих (что не имеет прямого отношения к предмету диссертации, но в тоже время может служить свидетельством перевозбужденного психического состояния фронтовиков в условиях боя независимо от их национальности и государственной принадлежности) во время войны были зафиксированы случаи, когда такое воспитание давало свои плоды и ярость, вспыхнувшая из-за гибели боевых товарищей, могла приводить к отказу от рационального мышления. Иногда это происходило в пылу сражения или во время рейда по траншеям, но иногда эта ярость вымещалась на немецких пленных. Ричард Роджерсон, чей друг Гектор был убит в бою рядом с ним, рассказал об охватившем его приступе подобной ярости, проявившейся в отказе пленных в битве при Вими в 1917 г.: «Я получил свою долю немцев. Примерно за два часа я записал на свой счёт четырнадцать человек, некоторых я застрелил из винтовки, ещё больше проткнул штыком, а двоих убил гранатой... Как только я убил штыком своего первого немца, у меня вскипела кровь, и я пристрелил каждого немца, до которого не смог дотянуться штыком. Я думаю об их убийстве не больше, чем о том, чтобы стрелять кроликов»³⁷⁴. Таким образом, последствия Первой мировой войны были парадоксальными: с одной стороны, понимание скоротечности человеческой жизни, недопущения повторения ужасов кровопролития, а с другой стороны – крах гуманизма, укрепление корней ненависти к инородцам, другим странам.

Говоря также о симпатиях правящей верхушки Великобритании к нацистскому руководству, обратимся к примеру вышеупомянутого короля Эдуарда VIII, который имел частые контакты с нацистами и до прихода их к власти, и после. Даже в связи с ремилитаризации Рейнской области Германией в 1936 г., представлявшей собой грубое нарушение условий Версальского мирного

³⁷³ Sassoon S. Op. cit. – P. 16.

³⁷⁴ Цит. по: Cook T. The politics of surrender: Canadian soldiers and the killing of prisoners in the Great War // The Journal of Military History. – 2006. – Vol. 70, № 3. – P. 650.

договора, английский король предпочел не выказывать никаких протестов. Более того, он во время своего посещения Германии всячески стремился подчеркнуть своё расположение к нацистам использованием их приветствия³⁷⁵. В сентябре 1936 г. король посетил Австрию, где встречался с канцлером Куртом Шушнигом, являвшегося по идеологии австрофашистом. Сохранившийся документ из архива британского МИДа бесстрастно зафиксировал: данный визит являлся беспрецедентным несмотря на то, что мероприятие задумывалось инкогнито, но было очень одобрительно встречено среди австрийского населения³⁷⁶.

Деятельность Эдуарда VIII в качестве британского монарха получила в тот период противоречивые оценки в обществе. Например, на фоне вторжения фашистской Италии в Эфиопию в 1935 г. Эдуард VIII по совету Кабинета министров решил пригласить на совместную конференцию представителей Британского легиона и ветеранов из нацистской Германии³⁷⁷, которая начинала выстраивать Антикоминтерновский пакт. Такое решение могло быть расценено внутри страны и за её пределами как жест формальной внешнеполитической поддержки или проявления нейтралитета по отношению к чужой экспансии. К слову, данный аспект внешней политики Великобритании очень важен, поскольку Великобритания проводила политику строгого баланса сил в мире, ограничивая соперников в колониальной экспансии. Но в случае итало-эфиопской войны 1935-1936 гг. этого не произошло.

Выражения, акцентирующие героизм «Великой войны», наиболее чаще можно встретить в материалах прессы в 1935-1939 гг. (с учётом неполного 1939 г. – до начала Второй мировой войны), чем в 1930-1934 гг. Это явно говорит об упоминаемой смене риторики в газетах в связи с менявшейся обстановкой в мире и исторической политикой Великобритании по отношению к памяти о Первой мировой войне.

³⁷⁵ Parker J. King of fools. – London : Macdonald & Co, 1988. – P. 156.

³⁷⁶ Selby W. [Report on visit of King Edward VIII to Vienna] / W. Selby. – 1936, September 14. – (FO 954/1A/91; former references: Au/36/3, FO 954/1A/46). P. 1 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6555978> (дата обращения: 14.08.2025).

³⁷⁷ Reynolds's Newspaper, London, England, 7 July 1935. – P. 1. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001034/19350707/006/0001> (дата обращения: 11.03.2025).

Пресса в 1938-1939 гг. всё чаще стремилась акцентировать внимание на героических подвигах военнослужащих британской армии. В частности, в прессе публиковались такие статьи, как о полковнике Джордже Кэмпбелле Уилере, возглавившем успешную атаку после бомбардировки и получения ранения штыком в голову³⁷⁸, или о талантливом адмирале Роджере Кейсе, уничтожавшем немецкие подводные лодки в бельгийских портах и который, к слову, был противником «Мюнхенского сговора» и политики умиротворения Н. Чемберлена³⁷⁹. О битвах «Великой войны» вспоминали уже в контексте «славы британского оружия», как об этом писала «Leicester Evening Mail», рассказывавшая о высадке британских войск на Дарданеллах³⁸⁰. В статьях восхвалялись целые воинские части, которые отличились на полях сражений. Газета «Yorkshire Post и Leeds Intelligencer» в номере от 26 мая 1939 г. сообщала о старейшей воинской части Великобритании – Королевских фузилерах Иннискиллинга, 2-й батальон которых сражался во Франции³⁸¹. «Daily Mirror» 25 апреля 1939 г., на полосе с изображением лондонского Кенотафа, предупреждала о необходимости помнить, что британская армия, численность которой по-прежнему составляла миллионы человек, сражалась и победила в «последней мировой войне»³⁸². Вероятно, что для широкой общественности всё больше становилось понятной неизбежность новой войны, в которой будет участвовать и Великобритания. Такое настроение уже было данностью для 1930 г., когда речь ветерана, полковника Альберда Уорда прервал смех в парламенте. «Я верю, что мы все надеемся на то, что войны больше не будет. Дistinguished Джентльмен с другой стороны смеётся, и он, очевидно, не разделяет веру многих членов

³⁷⁸ Liverpool Echo, Lancashire, England, 29 August 1938. – P. 10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000271/19380829/302/0010> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁷⁹ Edinburgh Evening News, Midlothian, Scotland, 7 November 1938. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000452/19381107/266/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁸⁰ Leicester Evening Mail, Leicestershire, England, 22 April 1939. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003330/19390422/084/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁸¹ Yorkshire Post и Leeds Intelligencer, Yorkshire, England, 26 May 1939. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000687/19390526/415/0010> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁸² Daily Mirror, London, England, 25 April 1939. – P. 24. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000560/19390425/229/0024> (дата обращения: 11.03.2025).

Комитета с его стороны, которые считают, что Лига Наций сделает всё возможное. Я искренне надеюсь, что он ошибается»³⁸³.

В русле официальной коммеморации всё больше заметно стал действовать Британский легион. К концу 1930-х гг. он полностью солидаризовался с институтами власти, несмотря на утверждения руководства самой организации о своей аполитичности, что можно, встретить и во многих исторических исследованиях, ранее упомянутых в историографическом обзоре. Так, 18 марта 1939 г. издание «Buckingham Advertiser and Free Press» сообщало, что за организацией закрепились формула «Легион – это третья линия обороны Британии»³⁸⁴. В условиях обострившейся после оккупации вермахтом «второй Чехословакии» международной ситуации и завершающих раундов предвоенных дипломатических переговоров этот акцент на роли британских ветеранов стал весьма значимым.

В 1938 г. на собрании Британского легиона была открыто признана необходимость использования его представителей в возможной войне: «Как легионеры, они не хотели войны, но, учитывая положение дел в мире, они не могли избежать разговоров о войне и были вынуждены смотреть фактам в лицо. Генерал Сагден призвал легионеров добровольно идти на службу соответственно регионам, где находятся их отделения, для предотвращения воздушных налетов. Э. Неттлтон предложил выразить благодарность генералу Сагдену, его поддержал мистер Дж. Сторер, а также мистер С. Фокс и президент отделения»³⁸⁵.

Тем не менее, антивоенные настроения ещё имели место в контексте памяти о Первой мировой войне. Тенденция к критическому осмыслению причин и сути Первой мировой войны обозначилась в Великобритании ещё в начале 1930-х гг.: «Почему происходят такие явления, как война? Что привело к Великой войне? Я полагаю, что большинство людей в этой стране скажут "Кайзер". Однако кайзер

³⁸³ Clause 5. — (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. — UK Parliament, 1930. — 3 April. — URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/03/clause-5-abolition-of-death-penalty-in> (дата обращения: 14.08.2025).

³⁸⁴ Buckingham Advertiser and Free Press, Buckinghamshire, England, 18 March 1939. — P. 5. — URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001082/19390318/072/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁸⁵ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 16 April 1938. — P. 6. — URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19380416/114/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

имел ровно такое же отношение к войне, как и правители других стран-участников»³⁸⁶. Оппозиционная пресса, симпатизировавшая левым политическим силам, активно призывала посмотреть на войну с точки зрения классовых интересов: «народ был введен в заблуждение с самого начала Великой войны, все, кто погиб и пострадал стали напрасными жертвами. Война обязана своим происхождением капитализму, ни одна страна не могла не быть вовлеченной в этот водоворот»³⁸⁷.

«Говорят, что это Германия готовит ещё одну Войну. Даже если это и так, то людям пускают пыль в глаза относительно истиной причины, потому что за каждой войной за последние сто лет стоит капитализм...» – передавала сообщение Боскомбского дискуссионного общества в статье «Капитализм и война» газета «Swanage Times & Directory»³⁸⁸. Таков был революционный антикапиталистический посыл в 1935 г. Похожую критику можно было наблюдать годом позднее: «...понять экономические причины современной войны можно через статистику. Капитализм сам по себе является отличным катализатором войны, потому что капитализм не существует ни для каких общественных целей, ни для социальных целей, ни для коллективного блага, а направлен на обогащение частных лиц...»³⁸⁹.

Осмысление уроков войны именно в подобном духе представляло угрозу для правящего класса. Подобные тенденции успешно подавлялись правительством в первые послевоенные годы. Такая задача у правительства существовала и в период Великой депрессии, когда с нарастанием кризиса активизировались движения социального протеста, а также своё мнение все чаще стали высказывать ветераны. Именно фронтовики, получившие травматический опыт, могли понимать взаимосвязь между развитием мирового экономического

³⁸⁶ Taunton Courier and Western Advertiser, Somerset, England, 23 November 1932. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000527/19321123/073/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁸⁷ Saffron Walden Weekly News, Essex, England, 17 November 1933. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000961/19331117/005/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁸⁸ Swanage Times & Directory, Dorset, England, 29 November 1935. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004280/19351129/043/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

³⁸⁹ Shipley Times and Express Yorkshire, England, 14 March 1936. – P. 10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001711/19360314/119/0010> (дата обращения: 11.03.2025).

кризиса и подготовкой новой мировой войны, потому что началу XX в. была свойственна именно эта тенденция. Заголовком «Обращение к ветеранам войны» в газете «Yorkshire Post and Leeds Intelligencer» от 5 июня 1939 г. подчёркивалось: «не только у Германии были планы на войну... как показали итоги Версальского договора все остальные [государства – В.И.] имели свои цели в войне»³⁹⁰. Указанный нарратив о несправедливости Первой мировой войны по отношению к интересам разных народов присутствовал ещё в сознании британского общества. Однако такие мнения уже давно успели стать маргинальными, их пытались затушевать героикой победы.

В 1930-е гг. газетная индустрия Великобритании контролировалась несколькими крупными медиамагнатами и издательскими домами. Например, лорд Нортклифф (Альфред Хармсворт) владел крупнейшими СМИ, после его смерти в 1922 г. его империя («Associated Newspapers») оставалась влиятельной. Ему принадлежали «Daily Mail» и «Evening News». Другой «газетный король» и друг У. Черчилля лорд Ротермир (Гарольд Хармсворт) – брат Нортклиффа, возглавил часть его империи: «Daily Mirror» (до продажи в 1930-е), «Daily Record» (Шотландия), «Glasgow Evening News».

Владельцем «Express Newspapers» был Уильям Эйткен (лорд Бивербрук), ставший известным благодаря своей политической ангажированности. Среди подконтрольных ему изданий были «Daily Express» и «Evening Standard». Семья Берри владела «The Daily Telegraph» (с 1928 г.) и «The Sunday Times» (с 1915 г.), а также «The Scotsman». Джон Джейкоб Астор V (офицер осадной батареи, потерял ногу в 1918 г.) владел ведущей консервативной газетой «The Times» (с 1922 г.). Джулиус Элиас (виконт Саутвуд) контролировал лейбористскую газету «Daily Herald», а также «Odhams Press» и «The People».

Семья Кадбери владела изданием либеральной направленности «The News Chronicle», которая образовалась в результате слияния «Daily News» и «Daily Chronicle» в 1930 г. Семья Скотт издавала «Scott Trust» и «Manchester Guardian».

³⁹⁰ Yorkshire Post and Leeds Intelligencer Yorkshire, England, 5 June 1939. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000687/19390605/258/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

Чарльз Хайд с 1905 г. по 1942 г. был владельцем издания «The Birmingham Post», которое сыграло важную пропагандистскую роль ещё во время войны, привлекая средний класс Бирмингема как добровольцев на воинскую службу (батальоны «бирмингемских приятелей»).

Таким образом, большинство печатных изданий контролировалось представителями потомственной аристократии и крупного бизнеса, которые были связаны с институтами власти. В целом, это не означает, что на каждой странице газеты должна была размещаться официальная пропаганда крупным текстом. Допуск оппозиционного мнения был вполне обычным явлением, что показывает и практика по формированию лейбористских кабинетов министров. Также в этом отношении отрабатывался приём применения полуправды, отработанный ещё в годы войны отделом пропаганды лорда Нортклиффа³⁹¹.

В целом список приведённых печатных изданий показывает, что в Великобритании доминировали консервативные и проправительственные издания. Самыми массовыми были «Daily Express» и «Daily Mail». Издания «The Times» и «The Manchester Guardian» считались более солидными. Лейбористские взгляды отстаивали «Daily Herald» и «News Chronicle».

В 1930-е гг. несколько британских медиамагнатов активно влияли на политику через свои газеты, а некоторые даже имели прямые связи с правительством. Лорд Бивербрук через газеты «Daily Express» и «Evening Standard» продвигал проправительственную повестку. Он был близким другом Уинстона Черчилля и являлся членом Консервативной партии³⁹². В конце 1930-х гг. лорд Бивербрук активно лоббировал интересы империи и противодействовал нацизму. Однако ранее поддерживал курс на умиротворение Гитлера, что соответствовало политике британских правящих кругов в целом. Позже, в 1940 г. он стал министром авиационной промышленности. Лорд Бивербрук использовал «Daily Express» для пропаганды своих политических взглядов,

³⁹¹ Rogerson S. Op. cit. – P. 20.

³⁹² Трухановский В. Г. Указ. соч. – С. 254.

включая поддержку имперских преференций и скептическое отношение к Лиге Наций.

В газетах «Daily Mail», «Daily Mirror», которыми владел Гарольд Сидни Хармсворт (лорд Ротермир) встречалась открытая поддержка консерваторов и фашистских движений в Европе. В 1934 г. Г. Хармсворт публично одобрил деятельность британских фашистов О. Мосли, но позже предпочел отмежеваться от их поддержки. «Daily Mail» активно поддерживала политику умиротворения нацистской Германии. Например, после подписания Мюнхенского соглашения 1938 г. газета писала: «Слава Господу за нашего премьера!»). 15 января 1934 г. «Daily Mail» опубликовала знаменитую статью под заголовком «Ура чёрным рубашкам!», где сообщалось следующее: «Молодые люди могут присоединяться к “чёрным рубашкам” с таким же чувством гордости, как их отцы шли за Рупертом Бруком и сэром Филипом Сидни... Фашизм – это не угроза, а здоровая попытка найти решение проблем Британии». По сути, это была прямая политическая реклама БСФ, в которой члены этой экстремистской организации уподоблялись национальным героям.

Сам Лорд Ротермир лично встречался с О. Мосли и в частной переписке называл его движение «британским вариантом фашизма». В письме к О. Мосли (февраль 1934 г.) он писал: «Ваше движение приобрело такую силу, что скоро станет важным фактором в политике». Как и многие консерваторы Г. Хармсворт видел в фашизме щит против «красной угрозы», поэтому антисоветизм стала характерной чертой, продвигавшейся в прессе. Отсюда проистекала идеализация авторитаризма на её страницах: «Daily Mail» восхищалась Б. Муссолини, высказывая мнение, что Великобритании нужен был «сильный лидер». Имела место критика парламентской системы: газета называла демократию «беспомощной» перед лицом мирового экономического кризиса.

После побоища, устроенного в июне 1934 г. «чернорубашечниками» в кинотеатре «Олимпия»³⁹³, «Daily Mail» начала дистанцироваться от восхищения

³⁹³ Мэллалли Ф. Фашизм в Англии / сокр. пер. с англ. М. Лорие ; вступ. ст. Д. Заславского. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1947. – С. 53.

«делами» БСФ. В 1935 г. лорд Ротермир публично отрёкся от его поддержки, когда БСФ стал ассоциироваться с насилием и антисемитизмом. Однако газета продолжала симпатизировать авторитаризму, поддерживая, например, Ф. Франко в Испании. После потери медиаподдержки влияние британских фашистов стало стремительно сокращаться, что являлось свидетельством того, как медиаимперии 1930-х гг. в Великобритании экспериментировали с крайне правыми идеологиями. Изменение отношения к фашистам отражалось и в парламенте. Парламентские дебаты по поводу международной обстановки в ноябре 1938 г. затрагивали уже тему германской угрозы и возможности сотрудничества с СССР, несмотря на острые идеологические разногласия. Так, Д. Ллойд Джордж возразил лейтенант-полковнику М. Мэннингем Буллеру по поводу революционной деятельности Коминтерна: «Мы слышим глупые вопросы вроде: “Вы собираетесь иметь дело с большевиками?” Когда вы сталкиваетесь с перспективой войны, вы не можете думать о подобных вещах»³⁹⁴.

Один из владельцев «The Times» Джон Джейкоб Астор V был связан с правительством. «The Times» считалась его полуофициальным рупором, особенно при редакторе Джеффри Доусоне, который лично редактировал статьи, чтобы они соответствовали курсу премьер-министра Невилла Чемберлена на умиротворение Германии. Астор как владелец, не вмешиваясь в редакционную политику напрямую, разделял консервативные взгляды. Джулиус Элиас был связан с лейбористами и профсоюзами и через подконтрольную ему газету «Daily Herald» поддерживал антифашистский курс и критиковал политику умиротворения. Семья Берри через «The Daily Telegraph», наоборот, поддерживала консерваторов, но скептически относилась к курсу на умиротворение Гитлера. Уильям Берри (лорд Кэмроуз) имел связи с тори, но не занимал государственных постов.

В 1930-е гг. британские газеты часто публиковали воспоминания ветеранов Первой мировой войны, особенно в преддверии новой войны и на фоне роста

³⁹⁴ Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 9 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/09/debate-on-the-address> (дата обращения: 14.08.2025).

пацифистских настроений. Штабной офицер, ветеран Роберт Хатчисон кратко характеризовал условия войны: «Тот, кто сегодня посещает поля сражений, не может себе представить, насколько опустошительной, мрачной и ужасной была война»³⁹⁵. Дополнению нарративов, продвигавшихся британской прессой, может способствовать привлечение стенограмм парламентских дебатов. Так, депутат, получивший ранение в 1916 г., вспоминал: «Любопытно оглянуться назад и вспомнить воронки от снарядов в Пашендейле, руины на Сомме и дощатую дорогу, ведущую в Ипр и осознать, что тогда на преодоление этой территории уходило примерно столько же времени, сколько сегодня на дорогу из Лондона в Брюссель»³⁹⁶.

Спустя двенадцать лет после окончания войны её опыт оставался аргументом в дискуссиях о дисциплине и морали. Во время обсуждения поправок к закону о смертной казни в 1930 г. у парламентариев возникли разногласия по поводу трактовок составов воинских преступлений, за совершение которых была предусмотрена смертная казнь, как, например, «трусость», «подстрекательство к мятежу», «мятеж», «дезертирство», а также относительно того, следует ли трусость отождествлять с мятежом. Всё это рассматривалось с привлечением опыта фронтовых офицеров, высказывавших своё мнение при обсуждении поправок. Категорически высказался 3 апреля 1930 г. контр-адмирал Тафтон Бимиш (брат Генри Бимиша), подчёркивая недопустимость никаких послаблений в этом вопросе.

«Мы все страдали от страха. Я твёрдо убеждён, что смертная казнь должна сохраняться за трусость... В конце концов, успех на войне имеет первостепенное значение. Один трус может проиграть сражение, одно сражение может привести к проигрышу войны, а одна война может привести к потере страны. Поэтому необходимо пресекать всё, что может привести к проигрышу сражения или

³⁹⁵ Ibidem.

³⁹⁶ Imperial War Museum // Historic Hansard. – UK Parliament, 1932. – 30 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1932/nov/30/imperial-war-museum> (дата обращения: 14.08.2025).

войны... Тот, кто побеждает страх, – герой, а тот, кто побеждён страхом, – трус, и он заслуживает всего, что с ним происходит»³⁹⁷.

Другую точку зрения высказал Эдвин Скримджер, который привёл пример добровольца, расстрелянного за трусость, и мнение ветеранов по вопросу, стоит ли упомянуть его имя на памятнике участникам войны: «Это был храбрый человек, и его имя должно быть занесено в мемориал, иначе этот мемориал не следует возводить»³⁹⁸.

Запоминающийся нарратив, объединяющий тему морали на фронте и воинского долга, привёл полковник Альберт Уорд, вспомнив одну из первых казней за воинское преступление в период декабря 1914 г. – января 1915 г., когда служил на Западном фронте капитаном. Он считал, что если солдат, который потерял свой отряд и отсутствовал в расположении части, оставшись при этом незамеченным, поймёт, что таким образом можно обходить правила и начнёт подстрекать своих товарищей, то проблемы в армии начнут распространяться со скоростью лесного пожара³⁹⁹. «Война – это ад, – продолжал А. Уорд, – и если мы вступаем в войну, то должны победить в ней или сделать всё возможное, чтобы победить; в противном случае положение нашей страны будет слишком ужасным, что невозможно даже представить»⁴⁰⁰.

Консерватор Джеральд Хёрст, служивший лейтенантом во Франции, считал, что система правосудия должна давать шанс вынесением условного приговора лицу, совершившему проступок из-за психологического шока или нехватки боевого опыта⁴⁰¹. При этом, заключал он, необходимо чётко проводить различие между совершением преступления ввиду непреодолимых обстоятельств и хладнокровным, преднамеренным преступлением, где за второе смертная казнь должна сохраниться⁴⁰².

³⁹⁷ Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 3 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/03/clause-5-abolition-of-death-penalty-in> (дата обращения: 14.08.2025).

³⁹⁸ Ibid. P. 1587.

³⁹⁹ Ibid. P. 1570.

⁴⁰⁰ Ibid. P. 1571.

⁴⁰¹ Ibid. P. 1572.

⁴⁰² Ibid. P. 1573.

7 апреля 1930 г. в парламенте обсуждалась поправка к закону о смертной казни при нарушении военными служебного долга во время несения караульной службы⁴⁰³. Полковник Джордж Кортхоп, исходя из своего опыта боевых действий в «ничейных землях» во французской Фландрии, считал, что за оставление своего поста часовому положена только смертная казнь, а не тюремное заключение: «Мы все надеемся, что война такого масштаба, как Первая мировая, больше никогда не повторится. Но если нам придётся столкнуться с подобным, отмена смертной казни ослабит армию»⁴⁰⁴. В пользу этого он приводил примеры жестоких реалий войны, где оплошность часового, доведённого до изнеможения и нервного истощения неделями и месяцами войны, могла стоить жизни его товарищей. В то же время желание вырваться из ада войны хоть куда-нибудь, даже в тюрьму, создавало, по мнению Кортхопа, соблазн оставить свой пост⁴⁰⁵. З. Сассун в своей автобиографии вспоминал, как его сослуживец периодически засыпал на посту, за что полагалась также смертная казнь, но ничего не мог сделать с собой либо из-за состояния здоровья, либо из-за повышенной утомлённости⁴⁰⁶. В романе «Смерть героя» Р. Олдингтон, описывал эпизод, как главный герой хотел подать рапорт на заснувшего сослуживца, но вовремя спохватился, поняв, что его расстреляют⁴⁰⁷. Таким образом, появление данных нарративов способствовало размыванию идеалистического представления о «Великой войне» как сплошной героической странице британского народа.

В стенограмме парламентских дебатов 1938 г. было зафиксировано, что подготовка Великобритании к 1914 г. подвергалась острой критике со стороны консерватора Эдварда Григга, который за время войны дослужился до подполковника: «Возможно, тогда не было бы, как мы все знаем, самой

⁴⁰³ Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 7 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/07/clause-5-abolition-of-death-penalty-in> (дата обращения: 14.08.2025)

⁴⁰⁴ Ibid. P. 1919.

⁴⁰⁵ Ibid. P. 1922.

⁴⁰⁶ Sassoon S. Op. cit. – P. 130.

⁴⁰⁷ Олдингтон Р. Смерть героя : роман / пер. с англ. Н. Галь. – Москва : Худож. лит., 1976. – 320 с. – URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt> (дата обращения: 14.08.2025).

ужасающей путаницы и пустой траты ценных жизней»⁴⁰⁸. Так, от обсуждения общей повестки, посвященной противовоздушной обороне, депутаты перешли к анализу таких необходимых мер, как введение воинского призыва. Парламентарий предлагал перенять опыт предыдущей войны, чтобы не допустить в будущем логистических проблем и кадрового дефицита.

Что касается содержательной детализации воспоминаний фронтовиков на протяжении межвоенного периода, то можно выделить следующие особенности нарративов о войне 1914-1918 гг.:

1. 1920-е гг.: воспоминания были более идеалистическими;
2. начало 1930-х гг.: стали появляться критические и шокирующие детали;
3. 1938-1939 гг.: на фоне новой угрозы войны тон стал особенно мрачным.

При этом существовал ряд цензурных ограничений:

1. случаи дезертирства, мятежей и расстрелов практически не упоминались;
2. редакции смягчали наиболее шокирующие подробности;
3. акцент делался на «стойкости духа» даже в ужасных условиях.

Тем не менее, публикации и воспоминания 1930-х гг. создали более реалистичный образ Первой мировой войны, который контрастировал с официальной её «героической» версией. Накануне мирового экономического кризиса 1929 г. упоминались эпизоды с доблестными боевыми командирами, павшими вместе с солдатами: «...его артиллеристы понесли потери в два раза больше, но всё же продолжали сражаться. Бригада понесла большие потери из-за смерти подполковника Диксона, который любил своих офицеров и своих солдат так, как любят только обычные люди...»⁴⁰⁹. А в разгар Великой депрессии, когда стало выражаться беспокойство за состояние будущего мира на фоне международных противоречий⁴¹⁰, приводилось мнение, что жертвы «Великой

⁴⁰⁸ Air raid defence // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 3 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/03/air-raid-defence> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁰⁹ Blackburn Times, Lancashire, England, 16 March 1929. – P. 14. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001582/19290316/303/0014> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴¹⁰ Birmingham Daily Gazette, Warwickshire, England, 5 August 1930. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000669/19300805/109/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

войны» были принесены в пустую⁴¹¹. В 1932 г. на ужине ветеранов утверждалось, что нет силы, способной остановить надвигающуюся войну⁴¹². Особенно показательны, что самые откровенные воспоминания появились именно к концу 1930-х гг., когда новая война казалась неизбежной. Молодёжь 1930-х гг., которой суждено будет стать солдатами Второй мировой войны могла внимать этим воспоминаниям. Для многих они могли стать главным уроком Первой мировой войны.

В 1930-е гг. британские газеты активно публиковали воспоминания ветеранов Первой мировой, особенно описания окопной жизни. Эти материалы варьировались от героических до шокирующе откровенных. В 1930-е гг. официальным печатным органом Британского легиона был «The British Legion Journal». Это издание играло ключевую роль в коммуникации между ветеранами Первой мировой войны, публикуя материалы о мерах социальной поддержки, памятных мероприятиях и политических инициативах организации.

Основные поднимавшиеся в ней вопросы соответствовали направлениям деятельности Британского легиона:

1. освещение вопросов, связанных с пенсионным обеспечением, оказанием медицинской помощи и трудоустройством ветеранов;
2. публикация воспоминаний о Первой мировой войне и материалов о патриотическом воспитании;
3. анонсирование ежегодных акций, такие как сбор средств в День перемирия.

В «The British Legion Journal» продвигались следующие нарративы о «Великой войне» и её влиянии на фронтовиков и британское общество.

1. Война как основа для товарищества и братства.

⁴¹¹ Sheffield Independent, Yorkshire, England, 5 August 1930. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0001464/19300805/158/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴¹² Hull Daily Mail, Yorkshire, England, 1 March 1932. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000324/19320301/034/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

Идея боевого братства являлась краеугольным камнем в идеологии Британского легиона, что обозначалось одним из достоинств организации⁴¹³. На страницах журнала публиковались статьи, воспоминания о службе, рассказы о взаимопомощи, которые подчеркивали уникальную связь между ветеранами, преодолевающую классовые и даже международные барьеры⁴¹⁴.

2. Война как источник гордости и основа для новой идентичности, выраженной в символах.

В 1930-е гг. продолжались споры о медалях, которые были не просто наградами, а видимыми маркерами статуса и опыта. Этот нарратив делил ветеранов на «настоящих» фронтовиков, которые не только попали в воинские ряды, но имели опыт боевых действий, и «тыловики», которые не побывали на передовой, даже будучи отправленными на фронт. Так, создавалась определённая иерархия на основе военного опыта. Война оставалась мерилom ценности и идентичности мужчины даже спустя годы после её окончания, поскольку на парадах не все ветераны были при медалях⁴¹⁵.

3. Война как миссия Великобритании в построении «лучшего мира».

Лидеры Британского легиона формировали представление о войне как лишь первого акта крупного процесса совершенствования системы международных отношений. Ветераны, сплоченные в рядах Легиона, должны были завершить начатое – «выиграть мир». Они изображались не просто как жертвы или просители пособий, а как активная сила, несущая ответственность за построение «светлой Британии», ради которой они, как считалось, сражались⁴¹⁶.

Тем не менее, помимо предлагаемых «The British Legion Journal» существовали иные нарративы с описанием ужасов траншейной войны – грязи, крыс, болезней (например, «окопной стопы»), постоянной угрозы обстрелов. Получили распространение рассказы о кровопролитных атаках, применении удушливых газов, потерях товарищей. Часто подчеркивался мотив «долга» и

⁴¹³ Barr N. Service not self: the British Legion, 1921-1939. – St Andrews : University of St Andrews, 1994. – P. 95.

⁴¹⁴ Ibid. P. 217.

⁴¹⁵ Ibid. P. 98.

⁴¹⁶ Ibid. P. 122.

«стойкости», но без сопутствующей романтизации войны. Послевоенный быт был важной темой подобных публикаций: трудности адаптации, безработица, физические и психические травмы. Некоторые ветераны критиковали недостаточную поддержку со стороны государства. В то же время представители государства часто игнорировали требования ветеранов. Так, Патрик Форд от юнионистов 30 июля 1930 г. заявлял, что ситуация исправлена и на тот момент в армии делалось больше, чем раньше, а ассоциации бывших военнослужащих и профсоюзы делают всё, что в их силах⁴¹⁷.

Полковник Альберт Уорд вспоминал тяжести первого года войны, когда на фронте не хватало солдат из-за потерь и приходилось отправлять на передовую неотдохнувшие отряды. «Они промокали насквозь день за днём и ночь за ночью и питались кое-как... Эти перепачканные грязью чучела были единственными людьми, которые стояли между врагом и портами Ла-Манша. Следовательно, их нужно было отправлять на передовую, независимо от того, были они в состоянии это сделать или нет, но во многих случаях они едва могли проползти необходимые полторы мили. Кроме того, мы не могли отправить с ними продовольственные обозы [из-за постоянных обстрелов так называемого «сухопутного маршрута» – В.И.], и солдатам приходилось нести, помимо шинелей, винтовок и снаряжения, ещё два дополнительных патронташа с боеприпасами, трёхдневный запас провизии...и, по всей вероятности, мешок с углём»⁴¹⁸.

Кровавые эпизоды войны надолго отпечатывались в памяти фронтовиков и становились частью ветеранского нарратива. «Я был среди обломков атаки... – писал З. Сассун, – там были лохмотья и обрывки одежды, изрешеченные и порванные ботинки, а когда мы подошли к старой немецкой линии фронта, кислая всепроникающая вонь, которая отличалась от всего, что мои ноздри знали

⁴¹⁷ Air estimates, 1930 // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 30 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/jul/30/air-estimates-1930> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴¹⁸ Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 3 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/03/clause-5-abolition-of-death-penalty-in> (дата обращения: 14.08.2025).

раньше. Я хотел иметь возможность сказать, что видел "ужасы войны"; и вот они, почти трехдневной давности»⁴¹⁹.

Полковник Дж. Кортхоп, выступая в 1930 г. перед депутатами палаты Общин, подробно описал тяжести фронтовой службы в дозоре: «Человек, находившийся на таком посту, скорее всего, лежал, промокший до нитки и продрогший до костей, напрягая каждый нерв в глазах и ушах в поисках вида или звука, которые могли бы указывать на опасность, угрожающую его товарищам в окопах позади него... Человеку в таком положении любой звук может показаться приближением врага. В воронках от снарядов сновали крысы...»⁴²⁰. В таком изнеможении солдат, находившийся на пределе нервной системы, чувствовал, наблюдая за колыханием цветков мака, что враг будто вот-вот приближается⁴²¹.

Недовольство действиями командования, публично высказываемые ветеранами, оказывалось нередко в поле зрения Службы безопасности Великобритании. Имеющийся архивный документ содержит газетные отрывки, где Б. Лиддел Гарт высказал острые замечания как военный журналист по поводу избранной тактики. В первом фрагменте с заголовком «Славная победа» газеты «Daily Worker» от 23 декабря 1935 г. о битве при Нев-Шепель (март 1915 г.) автор использовал жёсткую риторику: «Поведение британского командования нельзя назвать даже глупым. Так могли действовать только люди с параличом всех умственных способностей»⁴²². Объяснял Б. Лиддел Гарт это тем, что даже после неправильно спланированного прорыва обороны британские генералы (Д. Хейг, Г. Роулинсон, У. Уилкоккс) в течение семи часов не отдавали приказа о переходе в наступление, позволив немцам перегруппироваться⁴²³. Всё это время британцы лежали в грязи под огнём немецких пулемётов. В другой короткой статье «Эпитафия Галиполи» та же газета в номере от 2 января 1936 г. упоминала о Б.

⁴¹⁹ Sassoon S. Op. cit. – P. 80.

⁴²⁰ Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 7 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/07/clause-5-abolition-of-death-penalty-in> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴²¹ Ibidem.

⁴²² Security Service. Personal file: Basil Henry Liddell-Hart: [British military historian and theorist] / MI5. – 1927 January 1 – 1944 December 31. – (KV 2/2410/03; former reference: PF 38861 VOL 1). P. 96 – The National Archives, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11287876> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴²³ Ibid. P. 96.

Лиддел Гарте как «единственно правдивом авторе истории войны» и приводила его мнение об операции: «она так долго находилась в инкубационном периоде и в момент её реализации командование упустило все шансы»⁴²⁴. В этом отношении это был упрек по адресу высокопоставленных офицеров и генералов британской армии, в том числе Яна Гамильтона, Горацио Китченера, Чарльза Монро и набирающего влияние Уинстона Черчилля.

По замечанию писателя-фронтовика Р. Грейвса, с вернувшимися фронтовиками не всегда порядочно обходились дома, они подчинялись желанию короля носить свои боевые медали, но прятали их под пальто, застёгнутом на все пуговицы⁴²⁵.

Во время церемонии 11 ноября 1937 г. у Кенотафа случился инцидент (См. Приложение № 8), который разбирали на заседании парламента: 43-летнему мужчине удалось прорваться через полицейское оцепление в парадный строй военных и выкрикнуть «больше никакой войны, покончите с этим лицемерием», чем была прервана традиция 2-минутного молчания⁴²⁶. Выяснилось, что он сбежал из психиатрической лечебницы после 8-месячного лечения и планировал эту акцию заранее без намерений навредить кому-либо⁴²⁷. Пресса дополнила, что мужчина осуждал приготовления к новой войне: «Вы лицемеры, вы намеренно готовитесь к войне»⁴²⁸. Столичное издание «The Shere» характеризовало это событие как «оскорбление не только тех, кто присутствовал на церемонии, но и миллионов людей по всему миру»⁴²⁹. Другой источник добавлял, что после этих криков в толпе с разных сторон слышались призывы «убейте его»⁴³⁰. Кинокамеры захватили с двух ракурсов инцидент с душевнобольным, хотя о подробностях его

⁴²⁴ Ibid. P. 94.

⁴²⁵ Graves R. Good-bye to all that: an autobiography / Robert Graves. – London : Jonathan Cape, 1929. – P. 398.

⁴²⁶ Armistice Day service incident // Historic Hansard. – UK Parliament, 1937. – 11 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1937/nov/11/armistice-day-service-incident> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴²⁷ Ibidem.

⁴²⁸ Huddersfield and Holmfirth Examiner, Yorkshire, England, 13 November 1937. – P. 10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000540/19371112/242/0019> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴²⁹ The Sphere, London, England, 20 November 1937. – P. 26–27. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001861/19371120/029/0027> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴³⁰ Yorkshire Evening Post, Yorkshire, England, 11 November 1937. – P. 16. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000273/19371111/390/0016> (дата обращения: 11.03.2025).

личности закадровый голос не сообщал из-за неудобных фактов (возможно, из-за наличия статуса бывшего военнослужащего)⁴³¹. Мужчину отправили на повторное лечение.

Десоциализация ветеранов отмечалась в автобиографических произведениях фронтовиков, испытавших негативный опыт по возвращении домой: «Мы были выжившими; мало кто из нас когда-либо сказал бы правду своим друзьям и родственникам в Англии⁴³². Человеческий разум в условиях потери комфорта, жёсткой армейской дисциплины, военной жестокости, по замечанию Р. Олдингтона, подвергался губительному воздействию: меньше замечал красоту и меньше стремился к умственному труду⁴³³.

Многие ветераны в 1930-х гг. чувствовали себя брошенными на произвол и государством, и обществом. 68-летний ветеран, прошедший войну с 1914 г. и демобилизованный во Франции в марте 1919 г., в письме жаловался на то, что его трое сыновей, тоже ветераны войны поместили его в работный дом, забыв о нём, поэтому он не получил ни пенни из пенсионных фондов⁴³⁴.

Б. Лиддел Гарт, делая выводы об уроках истории прошедшей войны, критиковал неоправданную массовую гибель людей: «...основной целью действий на войне является решающее влияние на психику командования и правительства противника, а не на пушечное мясо его армий»⁴³⁵.

Память о войне выражалась не только в идеологическом, но и материальном отношении. Немаловажным являлось то, в каких условиях жизни оставались ветераны и их семьи после войны. Очень часто в парламентских дискуссиях поднималась тема пенсий. Лейборист Джон Тинкер старался расширить круг категорий лиц, которым полагалось социальное обеспечение за счёт государства. Однако в одном из таких обращений к министру труда о назначении пенсии вдове

⁴³¹ Armistice Day at The Cenotaph (1937) // British Pathé. URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43835/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴³² Sassoon S. Op. cit. – P. 227.

⁴³³ Олдингтон Р. Смерть героя : роман / пер. с англ. Н. Галь. – Москва : Худож. лит., 1976. – 320 с. – URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴³⁴ Pensions // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 14 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/apr/14/pensions> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴³⁵ Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. – С. 393.

ветерана, сражавшегося во Франции и демобилизованного из-за психического расстройства, было отказано: «официальными причинами его смерти были названы болезнь сердца и хронический бронхит, которые, по мнению врачей, не были связаны с его психическим расстройством и не являлись следствием военной службы»⁴³⁶. Как сообщали уже демобилизованные военные, они были так рады покинуть армию, что не рассказали ни о чём, что могло бы задержать их в армии ещё на несколько дней или недель, они были так рады вернуться домой, что скрыли некоторые вещи, о которых должны были сообщить властям⁴³⁷. Так, были запущены многие недуги, которые дали осложнения и привели к болезням, отчего ветераны вынуждены обращаться за социальной помощью⁴³⁸, в которой им часто отказывали.

Рассмотрев конкурирующие нарративы в пространстве «войны памяти», используя концепцию Ж. Бодрийяра, можно определить следующие симулякры.

К симулякрам первого порядка (копия) можно отнести память, стремившуюся адекватно отразить реальный опыт ветеранов. Это свидетельства ветеранов, шрамы и психические травмы.

Второй порядок (искажение реальности) представлен «знаком», который начал маскировать и искажать реальность уже в первое послевоенное десятилетие. Речь идёт об отобранных для публикации официальной пропагандой героизирующих войну воспоминаниях, которые замалчивали её ужасы и преувеличивали воинскую доблесть.

«Знак» третьего порядка (собственно симулякр) окончательно разорвал связь с реальностью и начал жить по собственным законам, создавая гиперреальность – реальность, более реальную, чем сама реальность. К этому можно отнести нарратив войны как абстрактной идеи жертвы, долга и чести, которая присутствовала в коммеморативных ритуалах и в художественном

⁴³⁶ Naval and military pensions and grants // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 2 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/02/naval-and-military-pensions-and-grants> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴³⁷ Pensions // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 14 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/apr/14/pensions> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴³⁸ Ibid. P. 1371.

оформлении воинских мемориалов. Например, ставший уже традиционным в 1930-е гг. ритуал Дня перемирия был мощнейшим симулякром в том смысле, что для большинства граждан это был не просто акт воспоминания о конкретном ужасе, а участие в хорошо срежиссированном спектакле скорби и единства общества и государства. Этот ритуал создавал гиперреальную память – чистую, сакрализованную, лишенную крови, грязи, гибели товарищей и бессмысленности реальной войны. Другой пример – симулякр «благодарного героя нации»: ветеран в официальном дискурсе – это почти идеализированная фигура, патриот, чья жертва была осмысленной в духе идеологии «за короля и Отечество». Его реальные проблемы (безработица, нищета, ПТСР) чаще игнорировались и выносились за рамки этого нарратива.

«Контрпамять» фронтовиков-писателей была криком отчаяния не нашедшего исцеления поколения, чувствовавшего себя наследником череды катастроф, вины и несправедливости, Губительным итогом противостояния в «войне памяти» стало то, что британское общество так и не смогло в полной мере извлечь уроки из империалистической сущности войны 1914-1918 гг., что обрекало его на повторение циклов насилия и коллективной трагедии.

ГЛАВА 2. БРИТАНСКИЙ ЛЕГИОН КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ВETERАНАМИ И ГОСУДАРСТВОМ

Для анализа политического поведения ветеранов Первой мировой войны в 1930-е гг. через призму деятельности Британского легиона в диссертационной работе применяется комплексный подход, основанный на следующих методологических принципах.

Через институциональный анализ Британский легион рассматривается как ключевой политический актор и институт, представляющий интересы ветеранов. В этой связи анализируется его внутренняя структура, цели, стратегии и эволюция социально-экономических требований в контексте Великой депрессии.

В рамках анализа дискурса и исторической политики изучаются публичные выступления, меморандумы, статьи в периодической печати и другие тексты для выявления формируемых нарративов. Особое внимание уделяется тому, как Легион конструировал образ ветерана – как лояльного гражданина, жертвы войны или активного политического субъекта – для оказания давления на власти. Комплексное изучение этих направлений деятельности Британского легиона позволяет рассмотреть данную ветеранскую организацию как сложный и многогранный организм. Он был одновременно лоббистом в политической сфере, благотворительным фондом, хранителем исторической памяти, социальным клубом и моральным авторитетом. Учёт различных аспектов деятельности Легиона помогает понять, как ему удавалось балансировать между давлением на властные структуры и сохранением образа лояльного и уважаемого общественного института.

Политическая деятельность Британского легиона не изучается изолированно, а помещается в тройной контекст:

- 1) внутривнутриполитический: реакция правительства на Великую депрессию, бюджетные ограничения, борьба партий и политических движений;
- 2) социально-экономический: материальное положение ветеранов как ключевой мотиватор их политической мобилизации;

3) международный: рост пацифистских настроений, угроза нового конфликта и примеры политизации ветеранов в других странах на фоне международных контактов ветеранов.

Так, соединение изученных аспектов позволяет не просто описать политическую и социально-экономическую деятельность Легиона, но и раскрыть её глубинные причины, риторическое оформление и взаимосвязь с крупными событиями и процессами 1930-х гг.

2.1. Структура, численность и основные направления деятельности Британского легиона по отношению к ветеранам Первой мировой войны и членам их семей

Первая мировая война, несмотря на колоссальный ущерб, причинённый британскому обществу, создала предпосылки для самоорганизации её участников, а также способствовала формированию у них чувств уверенности, решимости и бесстрашия. Второе объяснялось тем, что человека, прошедшего через горнило войны, сложнее было запугать проблемами в гражданской жизни. Артиллерийский обстрел, химическая атака, гул стрелкового оружия, грохот и лязг бронетехники были куда страшнее, чем страх перед начальником цеха, директором, чиновником. Поэтому, исходя из указанной логики, ветераны должны были стать более последовательными и решительными в отстаивании своих социальных требований. Однако логическое в данном случае не всегда совпадало с историческим, поскольку, с другой стороны, война усилила и пассивность масс, перевела их в режим ожидания «спокойных времён» после пережитых в течение нескольких лет ужасов кровопролития.

Изучение ветеранов и ветеранских организаций в отрыве от происходивших внутри Англии и в мире событий стало бы разрывом с принципом историзма. Именно поэтому историческому контексту было уделено такое большое внимание в предыдущей главе.

Британский легион был сформирован 15 мая 1921 г., объединив четыре национальные организации бывших военнослужащих, которые возникли после окончания Первой мировой войны⁴³⁹:

1. «Национальная ассоциация уволенных моряков и солдат»;
2. «Британская национальная федерация демобилизованных моряков и солдат»;
3. «Товарищи по Великой войне»;
4. «Ассоциация офицеров».

Заслугу в объединении этих разнообразных организаций в значительной степени можно приписать фельдмаршалу лорду Дугласу Хейгу и руководителю «Британской национальной Федерации демобилизованных моряков и солдат» Тому Листеру.

Организация стала превращаться в самое влиятельное ветеранское сообщество, объединявшее бывших военнослужащих и действующих военных, принимавших участие в боевых действиях. За период 1920-х – 1930-х гг. функции и ряды Легиона расширились, что влияло положительным образом на его общественный, а также политический авторитет (См. Приложение № 5).

Структура управления в Британском легионе была двухуровневой:

1. национальный уровень;
2. региональный уровень.

Президент Легиона являлся высшей, в основном церемониальной должностью. С момента основания и в изучаемый период её занимали самые известные военные деятели: фельдмаршал граф Дуглас Хейг (1921-1928 гг.), адмирал флота граф Джон Джеллико (1928-1931 гг.), генерал сэр Фредерик Морис (1931-1947 гг.)⁴⁴⁰.

⁴³⁹ Our history / The Royal British Legion [сайт]. – URL: <https://www.britishlegion.org.uk/about-us/our-history> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁴⁰ Barr N. The lion and the poppy: British veterans, politics, and society, 1921-1939. – London : Bloomsbury Academic, 2005. – P. 39.

Председатель Легиона фактически был главой исполнительной власти. Все члены исполкома, кроме первого, являлись бывшими офицерами: Томас Листер, полковник Джордж Кросфилд, полковник Джон Браун, майор Фетерсон-Годли⁴⁴¹.

Национальный исполнительный совет был главным органом власти, принимавшим решения. На протяжении всего периода в нём были широко представлены бывшие офицеры, многие члены занимали свои посты годами, что приводило к «застою»⁴⁴². Существовала также ключевая оплачиваемая административная должность – Генеральный секретарь. Её в изучаемый период занимал полковник Э.К. Хит (1921-1940)⁴⁴³.

В связи с наличием широкого спектра деятельности Легиона существовал разветвленный бюрократический аппарат (помощники, секретари и т.п.) как на национальном, так и на региональном уровнях. В межвоенный период Британский легион не обладал чёткой членской массой, а являлся скорее благотворительной организацией. Он не имел фиксированной численности в традиционном смысле, так как состоял из трех категорий легионеров: добровольцев, членов и сторонников. Например, некоторые сведения о численности местных отделений Легиона можно почерпнуть из материалов прессы: «Ковентрийские отделения Британского легиона могут похвастаться совокупным составом из более чем 2 тысяч бывших военнослужащих и женщин. Каждый член Легиона поклялся поддерживать девиз Легиона»⁴⁴⁴. Деятельность всех благотворительных военных организаций подлежала обязательной регистрации⁴⁴⁵, что свидетельствовало о жёстком контроле государства за сферой благотворительной деятельности. По сравнению, например, с французскими ветеранскими организациями, в которых числился каждый второй выживший ветеран мировой войны, Британский легион был небольшой организацией. Исходя из финансовых поступлений от членских

⁴⁴¹ Ibid. P. 111–112.

⁴⁴² Ibid. P. 113.

⁴⁴³ Ibid. P. 45.

⁴⁴⁴ Coventry Evening Telegraph, Warwickshire, England, 17 October 1934. – P. 3. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000337/19341017/046/0003> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁴⁵ Collecting Charities Regulation Bill // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 28 January. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/jan/28/collecting-charities-regulation-bill> (дата обращения: 14.08.2025).

взносов можно установить нижний порог численности Легиона, проследив динамику роста в 1930-е гг.: 1930 г. – 311312 человек, 1938 г. – 409011 человек⁴⁴⁶. Сама организация через свой печатный орган «The British Legion Journal» заявляла о численности в 560000 человек⁴⁴⁷. Исходя из того, что далеко не все ветераны входили в Британский легион и их голоса не были представлены в официальном печатном органе, в настоящем исследовании рассматриваются иные материалы прессы, как столичной, так и провинциальной.

В 1930-е гг. постоянно актуализировалась необходимость увеличения количества членов Легиона, что могло бы служить ориентиром для развития всех ветеранских отделений страны⁴⁴⁸. К концу 1930-х гг. организация помимо непосредственных членов, включала в свою орбиту гражданских лиц, которые поддерживали деятельность Британского легиона. Поэтому точное количество лиц, участвовавших в поддержке Легиона, на тот момент установить сложно, но организация играла важную роль в британском обществе, особенно в преддверии Второй мировой войны.

В результате Первой мировой войны в экономике Великобритании произошёл значительный спад, и в 1921 г. два миллиона человек числились безработными. Более шести миллионов человек служили в вооруженных силах. Из тех, кто вернулся, 1,75 миллиона получили какую-либо инвалидность, и половина из них осталась инвалидами навсегда. Признание статуса инвалида за бывшим военнослужащим находилось в компетенции специальных комиссий из врачей-экспертов, которые выступали в качестве независимого трибунала. В начале 1930-х гг. в ходе парламентских дебатов представители военного ведомства поднимали вопрос о проблематичности получения ветеранами такого статуса. Это было связано с тем, что последствия отравления газом или ранение

⁴⁴⁶ Barr N. Service not self: the British Legion, 1921-1939. – St Andrews : University of St Andrews, 1994. – P. 253.

⁴⁴⁷ Ibid. P. 92.

⁴⁴⁸ Leicester Evening Mail, Leicestershire, England, 4 September 1934. – P. 12. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0003330/19340904/226/0012> (дата обращения: 11.03.2025).

могли сказаться в более позднем возрасте⁴⁴⁹. В целом колебания назначения пенсий бывшим военным происходили достаточно часто, что вело к дискуссиям в парламенте⁴⁵⁰.

«Забыли ли мы, что они для нас сделали? Готовясь к будущему, мы должны помнить о тех людях, которые так много сделали для своей страны, и стараться воздать им должное...»⁴⁵¹ – справедливо замечал лейборист Джон Тинкер. В 1938 г. в парламенте приводились статистические данные, которые критиковали снижение расходов на социальные нужды населения и непосредственно ветеранов войны 1914-1918 гг. Депутат Дж. Тинкер продолжал приводить и другие красноречивые аргументы.

«Во время Великой войны служило 6 миллионов мужчин из Соединённого Королевства. Они были одними из лучших представителей мужского населения страны; 876000 из них погибли, а число раненых составило почти 2 миллиона... С годами сумма сократилась и теперь составляет около 17 шиллингов 6 пенсов на душу населения. В течение нескольких лет после войны отношения с бывшими военными складывались довольно гладко, но в последние два-три года по всей стране поднялась волна возмущения, поскольку бывшие военнослужащие считают, что они не получают того правосудия, на которое имеют право»⁴⁵².

Заслуживают упоминания и те, кто находился на иждивении у фронтовиков, – жены и дети, вдовы и сироты, а также родители, потерявшие сыновей на войне, от которых они часто зависели финансово. Проблема необеспеченных сирот поднималась в обществе, но государство решало её слабо⁴⁵³.

⁴⁴⁹ Naval and military pensions and grants // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 6 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/nov/06/naval-and-military-pensions-and-grants> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁵⁰ Fighting Services (Pay and Pensions) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 27 January. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1930/jan/27/fighting-services-pay-and-pensions> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁵¹ Ex-Service Men (Pensions) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 3 June. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/jun/03/ex-service-men-pensions> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁵² Ibid. P. 2435.

⁴⁵³ John Bull, London, England, 25 August 1934. – P. 26. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0003234/19340825/177/0026> (дата обращения: 11.03.2025).

Британский легион был создан для оказания помощи тем, кто пострадал, находясь на военной службе во время Первой мировой войны. Масштабность его влияния отразилась в подходах к поминовению жертв других войн, которые вела Великобритания, в том числе колониальных. Так, ветераны войн в Африке постепенно заимствовали церемониал у ветеранов «Великой войны»⁴⁵⁴. Происходило соединение ветеранских движений в единое целое, что, впрочем, не мешало им расходиться в идеологических оценках и в отношении к сущности самих войн. В дебатах о смертной казни в парламенте лейтенант-полковник Годфри Дэлримпл-Уайт расширил дискуссию до колониальных конфликтов, показывая, что память о «Великой войне» влияет на подход даже к локальным войнам, приводя в пример пограничные конфликты в Индии и Африке⁴⁵⁵.

На примере Британского легиона в 1930-е гг. можно выделить несколько направлений деятельности ветеранского движения (См. Приложение № 6). Во многом это можно считать частью исторической памяти о Первой мировой войне в самом практическом смысле слова, поскольку формы деятельности ветеранских сообществ касались не только формальной стороны почитания жертв войны, но способствовали преодолению её последствий. Это не ограничивалось только громкой риторикой с казёнными выражениями в духе «важности памяти» о событии, а проявлялось в конкретных действиях. Легион сохранял формализм в следовании основным коммеморативным практикам, но при этом продолжал развивать новые формы социального взаимодействия с ветеранами войны и членами их семей. Рассмотрим их подробнее.

1. Содействие безработным ветеранам в трудоустройстве.

Множество социально-экономических проблем, которые коснулись широких масс населения, затронули и ветеранов войны: пенсионное обеспечение, пособие по инвалидности, устройство на работу. Голоса ветеранов вряд ли могли быть услышаны без коллективного сплочения, которое стало возможным

⁴⁵⁴ Rugby Advertiser, Warwickshire, England, 29 November 1929. – P. 14. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001934/19291129/307/0014> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁵⁵ Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 7 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/07/clause-5-abolition-of-death-penalty-in> (дата обращения: 14.08.2025).

благодаря созданию ветеранских союзов. Имела место практика обращения к городской администрации для учёта интересов бывших военнослужащих при заполнении вакансий рабочих мест. Поскольку злободневность проблемы была вынесена Легионом на новый уровень, институты власти демонстрировали также попытки её разрешения: «Принц Уэльский, носящий значок Британского легиона в петлице и называющий себя старым товарищем всех, кто сражался на войне, выступил с громким призывом о трудоустройстве бывших военнослужащих...»⁴⁵⁶. Бригадный генерал Джордж Кокерилл, получивший за войну множество наград, справедливо отмечал, что у государства есть моральное обязательство перед ветеранами обеспечить им положение не менее благоприятное, чем у других людей в гражданской жизни, бывшие военнослужащие должны получать компенсацию, даже в виде преференций от своего единственного работодателя – государства⁴⁵⁷. Это мнение в парламенте было поддержано отставным капитаном Королевских ВВС Гарольдом Бальфуром: «Бывшие военнослужащие действительно заслуживают гораздо большего уважения; и под бывшими военнослужащими я подразумеваю тех, кто в той или иной форме служил государству в 1914-1918 годах»⁴⁵⁸. В этом отношении справедливо подмечал Р. Олдингтон, что даже выжившие солдаты после войны постоянно будут отставать от своих сверстников, которые не служили, а новое поколение будет наступать им на пятки⁴⁵⁹.

2. Проведение инспекций для выявления пострадавших от войны и нуждающихся в улучшении условий жизни.

Британский Легион активно поднимал в своей практической деятельности вопросы, связанные с выплатой пенсий, оказанием медицинской помощи и с трудоустройством, а воспоминания фронтовиков выступали в качестве аргументов для лоббирования их интересов ветеранской организацией.

⁴⁵⁶ Aberdeen Press and Journal, Aberdeenshire, Scotland, 20 March 1935. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000577/19350320/061/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁵⁷ Air estimates, 1930 // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 30 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/jul/30/air-estimates-1930> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁵⁸ Ibid. P. 605.

⁴⁵⁹ Олдингтон Р. Смерть героя : роман / пер. с англ. Н. Галь. – Москва : Худож. лит., 1976. – 320 с. – URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt> (дата обращения: 14.08.2025).

Сопоставление величины расходов ветеранов с размером выплачиваемых им пенсий, дает следующую картину. Средняя пенсия ветерана составляла 10-15 шиллингов в неделю (примерно 0,5-0,75 фунта стерлингов). Дополнительные выплаты, касавшиеся получивших тяжёлые ранения инвалидов, могли составлять до 40 шиллингов (2 фунта). Британская пресса публиковала различные статистические отчёты, из которых можно почерпнуть сведения о средних расходах ветеранов на бытовые нужды. Такую же информацию можно выявить на основе анализа рекламных объявлений на некоторые товары за разные годы: хлеб – 2 пенса⁴⁶⁰, аренда комнаты в Лондоне – 7 шиллингов/неделя⁴⁶¹, бекон – 7-9 пенсов⁴⁶², обувь – 12-15 шиллингов⁴⁶³, уголь для отопления – 1 шиллинг 8 пенсов/центнер⁴⁶⁴.

Опираясь на указанные выше сведения, можно сделать вывод, что ветеран, не успевший обзавестись семьей, существовал на грани выживания. При отсутствии работы ему грозила нищета. Инвалиду же требовалась дополнительная помощь в бытовом обслуживании помимо расходов на приобретение продуктов, одежды и оплаты коммунальных платежей. Несмотря на то, что некоторые отделения Легиона в начале 1930-х гг. рапортовали об устранении «пенсионной аномалии», вопрос, связанный с социальным обеспечением ветеранов, не был разрешён исчерпывающим образом⁴⁶⁵. В целом, в стране вопрос достойной оплаты труда стоял остро даже для высококвалифицированных специалистов, зарплата которых в среднем составляла

⁴⁶⁰ The Times, 15 January 1931. – P. 9 / The British Newspaper Archive. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁶¹ Manchester Guardian, 20 March 1931. – P. 6 / The British Newspaper Archive. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁶² Ministry of Labour Gazette, July 1935. – P. 15 / The British Newspaper Archive. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁶³ Manchester Guardian, 14 May 1935. – P. 10 / The British Newspaper Archive. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁶⁴ The Times, 10 November, 1938. – P. 11 / The British Newspaper Archive. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁶⁵ Gloucester Citizen, Gloucestershire, England, 10 November 1930. – P. 11. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000325/19301110/038/0011> (дата обращения: 11.03.2025).

3 фунта стерлингов в неделю, что не считалось приемлемым во второй половине 1930-х годов⁴⁶⁶.

Недостаточность социальной поддержки ветеранов и инвалидов войны становилась постоянно предметом критики. Во второй половине 1930-х гг., вновь обострилась проблема инвалидов и недостаточности их социального обеспечения: «временами просвета для нормального будущего не было, но Британия осталась победителем в последней битве. Мы всё ещё расплачиваемся за войну, пенсионный список длинный; в армии всё ещё остаются пострадавшие от войны люди, многие ветераны находятся в бедственном положении...»⁴⁶⁷. Однако мало какие страны в мире могли похвастаться тогда успешным решением этой проблемы.

На протяжении всех 1930-е гг. Легион стремился расширить категорию лиц, которым требовалось социальное обеспечение, и особую заинтересованность в урегулировании данной проблемы проявляли различные региональные отделения: «Необходимо продолжать борьбу за пенсии. Национальному исполнительному совету Британского легиона (Шотландия) на заседании в субботу в Эдинбурге был представлен отчёт Специального комитета, занимающегося проблемами пенсионного обеспечения»⁴⁶⁸. Получение пенсий отдельными категориями военнослужащих наталкивалось на бюрократические проволочки и финансовые издержки государства. Так, по материалам парламентских дебатов 1934 г. можно установить тот факт, что продолжившие военную службу по окончании войны офицеры получали полное денежное довольствие, а демобилизованные офицеры, которые на момент начала службы не имели офицерского звания (Ex-ranker), были ущемлены в этом праве и получали только пенсионные выплаты, полагавшиеся рядовым. Вопрос о том, чтобы уравнивать эти категории военнослужащих в получении пенсионных льгот был поднят, однако

⁴⁶⁶ Supply // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 20 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/jul/20/supply> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁶⁷ Edinburgh Evening News, Midlothian, Scotland, 4 August 1937. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000452/19370804/138/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁶⁸ Edinburgh Evening News, Midlothian, Scotland, 17 October 1938. – P. 10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000452/19381017/314/0010> (дата обращения: 11.03.2025).

парламентарии выступили против предложения представителей военного ведомства, чтобы не выделять крупные суммы (речь шла о 10000 фунтах стерлингов) и не создавать прецедент для подобных обращений⁴⁶⁹.

Британским легионом была проведена значительная работа в социально-экономической сфере, но в масштабах страны эти меры были недостаточными, если сравнивать со средствами госбюджета, которые выделялись на социальные нужды, даже в послекризисные годы. В 1938 г. финансовый секретарь казначейства Джон Колвилл (полковник, служил в стрелковом батальоне, был ранен) в парламенте привёл статистику, что в социальных программах участвовало 3,5 млн. человек и расходы государства составляли 95 млн. фунтов стерлингов (для сравнения в 1925 г. эта сумма составляла 27,5 млн. фунтов)⁴⁷⁰. В то же время он подчеркнул, что 30 лет назад никаких пенсий вообще не существовало⁴⁷¹. Однако британское общество отнюдь не было морально обязано представителям крупных промышленников, которым был и выступающий Джон Колвилл, директор семейной корпорации «David Colville & Sons». Правящие круги шли на такие реформы под влиянием широкого социального недовольства в Великобритании, а также нежелания возможного развития событий по революционному сценарию. Британский легион в этом отношении находился в русле легальной борьбы ущемлённых в социальных правах ветеранов и их семей.

3. Оказание финансовой помощи фронтовикам, получившим ранения и ставшими инвалидами из-за различных травм.

Среди получивших ранения фронтовиков заметная часть стала инвалидами, что служило одной из символических черт наследия Первой мировой войны. Британский легион в условиях, когда официальные власти не могли обеспечить достойное материальное обеспечение инвалидам войны, стремился взять в свои руки оказание им финансовой помощи. В 1938 г. комитет Британского легиона, созданный для обследования положения ветеранов-инвалидов, вынужден был

⁴⁶⁹ Ex-ranker officers // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 8 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/nov/08/ex-ranker-officers> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁷⁰ Pensions // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 14 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/apr/14/pensions> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁷¹ Ibid. P. 1385.

констатировать следующее: «...пришлось выделить дополнительно 30000 фунтов стерлингов для оказания помощи ветеранам, страдающим от заболеваний хронического характера. Подавляющее число этих людей не получают военную пенсию, и, хотя невозможно представить доказательства, связывающие различные степени ухудшения здоровья с военной службой, комитет убеждён, что по большей части случаев ветераны страдают от скрытых результатов службы»⁴⁷².

Существование кассы взаимопомощи на производстве – частая практика в среде рабочих. Для британских ветеранов войны она не стала исключением. Например, в Глостере был создан независимый пенсионный комитет для оказания помощи бывшим военным. Отличительной его особенностью являлось то, что его деятельность к 1938 г. распространялась и на германских ветеранов, о чём сообщала пресса⁴⁷³.

Негативная критика в адрес Легиона была в 1930-е гг. достаточно распространённым явлением. Однако это была та сила, которая способствовала активизации социальной политики государства. Эту особенность подчеркнул капеллан Легиона преподобный Пи Джей Келли: «...после пения гимна он сказал, что помогает графу Шорту, который возглавляет батальон Королевского военного Викширского полка, выступить с обращением к Британскому легиону. В этом он помог социальной миссии Британского легиона в мире, борющегося за то, чтобы ветераны могли найти постоянное место жительства»⁴⁷⁴. Действительно, вряд ли без организационной помощи со стороны ветеранского сообщества инвалиды войны и некоторые лишившиеся работы ветераны смогли бы выжить в период Великой депрессии и после её окончания. Легион стал единственной общественной ассоциацией, которая имела такое широкое поле деятельности⁴⁷⁵.

⁴⁷² Western Daily Press and Bristol Mirror, London, England, 7 January 1938. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000513/19380107/108/0009?browse=False> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁷³ Gloucester Citizen, Gloucestershire, England, 3 October 1938. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000325/19381003/015/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁷⁴ Birmingham Mail, Warwickshire, England, 26 June 1933. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000768/19330626/008/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁷⁵ Tamworth Herald, Staffordshire, England, 7 July 1934. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000484/19340707/056/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

Важно учитывать то обстоятельство, что Британский легион помогал именно тем ветеранам, которые состояли в данной организации. Этому была посвящена статья, опубликованная 27 мая 1931 г.: «желающие вступить в Британский легион имеют право на получение помощи из фондов Британского легиона, в том числе собранных средств в рамках Дня Поминовения. В настоящее время льготы могут быть предоставлены только членам Легиона, которые служили во время Великой войны»⁴⁷⁶.

В 1936 г. по поводу этого в местных отделениях были сделаны уточнения о возможности членства в организации. Возникали ситуации, когда, кроме ветеранов войны 1914-1918 гг. в Легионе много должностных постов занимали военнослужащие, не принимавшие участие в Первой мировой войне: «...членство в Британском легионе должно быть ограничено бывшими военнослужащими, участвовавшими в Великой войне, – говорится в тексте резолюции, которая будет обсуждаться на конференции района Ист-Мидлендс в Веллингборо в следующем месяце...»⁴⁷⁷.

Высказывались также в докладе и опасения относительно перехвата руководства действующими военными: «Очень скоро военнослужащие [не являвшиеся ветеранами – В.И.] получают контроль над движением; в некоторых частях страны сегодня они фактически занимают посты, что совершенно неправильно. Ещё через десять лет, если мы не будем осторожны, они получают полный контроль... Отделения в Нортгемптоншире рассматривали возможность внесения поправки в резолюцию Лестершира о том, что военные послевоенного периода не должны иметь права занимать должности в движении или превосходить в голосовании бывших участников Великой войны»⁴⁷⁸. Отчасти такие дискуссии были связаны с необходимостью распространять расходы, связанные с социальным обеспечением именно на ветеранов, как задумывала организация, а не на всех военных, попавших в сложную социально-

⁴⁷⁶ Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, Yorkshire, England, 27 May 1931. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000687/19310527/112/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁷⁷ Leicester Evening Mail, Leicester, England, January 23, 1936. – P. 3. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0003330/19360123/018/0003> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁷⁸ Ibidem.

экономическую ситуацию, что могло произойти после окончания Великой депрессии.

Даже после преодоления кризиса перепроизводства проблемы, связанные с материальными условиями жизни ветеранов, продолжали сохранять свою остроту. В 1938 г. вопрос о пенсионном обеспечении был снова поднят в парламенте. Лейборист Томас Секстон справедливо отметил, что дух Дня перемирия соблюдается только наполовину, если не отдаётся должное уважение погибшим путём вознаграждения живых⁴⁷⁹, что подразумевало собой и семьи, которые потеряли кормильцев. Его соратник по партии Уильям Келли также не преминул обратить внимание на тот непреложный факт, что, когда люди уходили на фронт, правительство обещало позаботиться об их близких, но после войны на основании королевского указа их ограничили в получении пенсий⁴⁸⁰.

Лейбористская партия активно продвигала интересы Британского легиона в парламенте, защищая тем самым и ветеранов. В 1938 г. Томас Секстон настаивал на том, чтобы правительство провело расследование, которое предлагал Легион, о необходимости выделения дополнительных средств для улучшения жизни бывших военнослужащих⁴⁸¹. «Если мы ничего не предпримем для этих бывших военнослужащих, то заслужим прозвище “нация белых перьев”⁴⁸²», – заключал он. В дальнейшем это расследование привело к выявлению по меньшей мере 95539 нетрудоспособных бывших военнослужащих, часть которых были ветеранами войны и не получили помощи от Министерства пенсий⁴⁸³ – как утверждал Фредерик Белленджер, лейборист, дважды раненный на Западном фронте⁴⁸⁴.

⁴⁷⁹ Pensions // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 14 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/apr/14/pensions> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁸⁰ Ibidem. P. 1372.

⁴⁸¹ Ibid.

⁴⁸² Ibid.

⁴⁸³ Ex-Service Men (Pensions) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 3 June. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/jun/03/ex-service-men-pensions> (дата обращения: 14.08.2025).

⁴⁸⁴ Howell D. Bellenger, Frederick John (1894–1968) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford University Press, 2005. – URL: <https://www.oxforddnb.com/display/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-92720> (дата обращения: 14.08.2025).

4. Формирование и совершенствование различных практик коммеморации во время мероприятий, посвящённых сохранению памяти о Первой мировой войне.

Церемониал коммеморативных мероприятий в целом сложился в 1920-е гг. На протяжении 1930-х гг. изменялось лишь смысловое содержание исторических нарративов, тогда как форма памятных практик, включавшая организацию шествий, ветеранских собраний и слётов, не претерпела особых изменений. Региональные отделения Британского легиона зачастую возглавляли митинги, собрания, парады и шествия, в которых принимали участие огромное количество людей (например, для участия в трёхмильном шествии в Кембридже 24 июня 1934 г. собралось более 15 тысяч человек⁴⁸⁵). Помимо ветеранов в памятных мероприятиях участвовали действующие военные: «...присутствовало большое количества штандартов подразделений Легиона, дивизионных знаков времён войны 1914-1918 годов... было организовано шествие ветеранов войны, медсестер, бывших военнослужащих и подразделений Военно-морского флота, армии и вспомогательных войск...»⁴⁸⁶.

«Более 4 тысяч мужчин и женщин участвовали в параде на слёте Британского легиона графства Норфолк в Дрейтоне недалеко от Норвича в воскресенье. Они представляли 78 отделений и 19 воинских частей Легиона»⁴⁸⁷. Это газетное сообщение может служить свидетельством разветвлённости местных отделений Легиона. Масштабные парады ветеранов нередко становились сюжетом кинорепортажей, как, например, сентябрьский парад 1932 г. в лондонском Гайд-Парке, во время которого 10 тысяч легионеров продефилировали под аккомпанемент военного оркестра. По окончании парада бывших военнослужащих поприветствовал мэр Лондона Морис Дженкс⁴⁸⁸.

⁴⁸⁵ Saffron Walden Weekly News, Essex, England, 29 June 1934. – P. 10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000961/19340629/010/0010> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁸⁶ Gloucester Journal, Gloucestershire, England, 19 October 1935. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000532/19351019/025/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁸⁷ Lynn Advertiser, Norfolk, England, 10 September 1937. – P. 3. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002879/19370910/142/0003> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁸⁸ Over 10,000 London Legionaries on Parade (1932) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/38696/> (дата обращения: 14.08.2025).

В связи с широко распространенной в межвоенные годы практикой возведения воинских мемориалов в местах боёв, ветеранские сообщества стремились взять на себя финансовое содержание этих «мест памяти»: «Сооружён памятник в честь доблестного поступка двух офицеров 1-го батальона. Совместно со средствами 19-го французского пехотного полка удалось построить триумфальные арки на местах окопов 7-го Гордонского полка, где была устроена уборка территории»⁴⁸⁹.

Совместные песнопения сопровождали различные памятные встречи ветеранов, способствуя их духовному сплочению: «Публика в зале, солдаты Британского легиона и их друзья возвысили свои голоса, исполняя умоляющий гимн «Пребуди со мной». Теперь они стоят по стойке смирно, в то время как все их доблестные флаги и штандарты британские войска проносят мимо них...»⁴⁹⁰.

«Одиннадцать сотен ветеранов британской армии, которые пережили первое потрясение войны в 1914 году, прошли маршем к Кенотафу и возложили там венок в память о погибших»⁴⁹¹. Традиция таких парадов часто была приурочена к годовщинам начала или окончания войны. Участие воинских частей в мероприятиях, приуроченных ко Дню перемирия, было обязательным. Вместе с подразделениями британской армии в торжествах принимали участие и отряды ветеранов (См. Приложение № 3). В зависимости от степени участия ветеранов того или иного местного отделения в каком-либо сражении важность придавалась соответственно конкретному событию: «Несколько тысяч жителей Уэсткантри, сражавшихся за Британию на многих фронтах, завтра пройдут маршем через центр Лондона»⁴⁹².

Встречи ветеранов часто сопровождались застольем: «Почти двести членов Уинчбургского, Ниддрийского и окружного отделений Британского легиона

⁴⁸⁹ Aberdeen Press and Journal, Aberdeenshire, Scotland, 4 July 1938. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000577/19380704/069/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁹⁰ Sheffield Daily Telegraph, Yorkshire, England, 12 November 1932. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000250/19321112/289/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁹¹ Western Morning News, Devon, England, 7 August 1933. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000329/19330807/050/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁹² Western Morning News, Devon, England, 26 June 1937. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000329/19370626/067/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

приняли участие в пятницу вечером в ежегодном ужине Братства по случаю перемирия»⁴⁹³. Разновидностью застольных встреч ветеранов был так называемый «окопный ужин», который мог проходить в памятных местах вместе с сослуживцами: «Окопный ужин как военные дни вспоминали в Хейг-Хаусе около 50 членов Британского легиона в Гастингсе вместе с экипажем спасательного судна»⁴⁹⁴.

Имеются сведения о том, что Легион, закладывая данную традицию, рассылал приглашения представителям других ветеранских организаций: «...на юбилейный ужин Легиона в Бирмингеме пригласили тысячу человек, среди них члены самого Британского легиона и родственных организаций бывших военнослужащих в Бирмингеме... они проведут самый большой ужин, когда-либо проводившийся Легионом в городе...»⁴⁹⁵. Известно также, что Британский легион сотрудничал в коммеморативных практиках с «Ассоциацией презренных стариков», «Полковой ассоциацией», «Корпусом комиссаров», «Ассоциацией морских кадетов»⁴⁹⁶.

Легион организовывал также мероприятия в рамках обширной культурной программы: «Запланированный масштабный фестиваль памяти, организованный Британским легионом в Глостершире и Сомерсете, состоится в Колстон-холле, завтра, в субботу, накануне Дня Перемирия»⁴⁹⁷.

Поминовение умерших после окончания войны ветеранов стало ещё одним поводом для встреч членов ветеранских организаций. Часто видный деятель Легиона на локальном уровне становился весомой в обществе фигурой, почтить память которой собирались местные жители.

⁴⁹³ West Lothian Courier, West Lothian, Scotland, 16 November 1934. – P. 3. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0002738/19341116/059/0003> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁹⁴ Hastings and St Leonards Observer, Sussex, England, 6 February 1937. – P. 17. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000293/19370206/361/0017> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁹⁵ Evening Despatch, Warwickshire, England, 27 April 1935. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000671/19350427/005/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁹⁶ Daily Mirror, London, England, 10 May 1935. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000560/19350510/036/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁹⁷ Central Somerset Gazette, Somerset, England, 8 November 1935. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0002470/19351108/105/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

«Настоящий пример, когда молитвы нации были услышаны необычной данью уважения Легиона. Простым, но ярким проявлением скорби стала поминальная служба, состоявшаяся в приходской церкви Уомбвелла во вторник утром. Этому предшествовала публичная процессия, в которой приняли участие все организации города и округа. От старшего до младшего в общине приняли участие в демонстрации лояльных чувств, и церковь была заполнена до отказа, а большая группа детей нашла место для стояния на открытом пространстве под колокольной. Многие взрослые сидели в проходах»⁴⁹⁸. СМИ подчёркивали единение нации и представителей разных возрастных групп общества.

Сообщения прессы также позволяют рассмотреть структуру Легиона на местном уровне: «Шествие началось у штаб-квартиры Британского легиона на Пирсон Филд, где большое количество ветеранов войны выстроилось за его штандартом. Мистер Дж. Рэдфорд выступал в качестве знаменосца, а господа Б. Биллингтон и Дж. Мун были в сопровождении. Мистер Г. Харви был маршалом, а роту его возглавляли г-н А. Шепард (председатель) и д-р У. Р. Диккенсон (президент). Миссис Рук (председатель) и миссис Х. Берроуз возглавляли женскую секцию. Это было самое большое собрание бывших военнослужащих, из проводимых публичных мероприятий в Уомбвелле...»⁴⁹⁹. Как видим, после войны ветераны при организации местных отделений стремились сформировать их структуру, схожую с военной иерархией во время «Великой войны».

На местном уровне Британский легион увековечивал память о ветеранах. Например, положительная характеристика ветерана нашла отражение в некрологе «Солдат-христианин» от 22 мая 1937 г., где Дуглас Джонсон характеризовался как «очень достойный гражданин», прошедший путь от рядового энтузиаста до командира полка, которым ранее руководил его отец. Издание подчеркивало его роль в воспитании молодежи через национальное служение, отмечая при этом сочетание воинской доблести с христианским смирением и искреннюю любовь

⁴⁹⁸ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 1 February 1936. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19360201/297/0016> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁹⁹ Ibidem.

окружающих⁵⁰⁰. Пресса 1930-х гг. формировала таким образом идеальный образ ветерана, синтезируя нарративы боевого командира, верноподданного, христианина и хранителя семейной военной традиции.

Развитие культуры памяти о Первой мировой войне происходило в рамках формирования официальной идеологии в британском обществе. Формирование церемониала и атрибутики в концепции памяти о войне 1914-1918 гг. во многом являлось заслугой ветеранских организаций и их лидеров. В целях воспитания молодёжи в духе верности памяти ветеранов при отделениях Легиона создавались организации бойскаутов. «Пате-журнал» запечатлел в 1930 г., как адмирал Джеллико проинспектировал почетный караул бойскаутов Британского легиона во время своего визита в Дублин⁵⁰¹.

Восприятие войны уже на момент 1930 г. частью общества было на уровне события 12-летней давности. Некоторые позволяли себе сравнивать количество потерь в войне с числом погибших в дорожно-транспортных происшествиях. Так, в парламенте цитировалось письмо известного публициста, побывавшего в отдалённых деревнях, где было зафиксировано такое восприятие. Депутат Альфред Солт поделился своими наблюдениями: «На военном мемориале были высечены имена шести человек, отдавших свои жизни в Первой мировой войне, к нему подошёл местный житель и заговорил с ним. Указав на шесть имён на мемориале, он сказал: “Это имена шести человек, которых мы потеряли на войне, но каждый год в этой деревне мы теряем шесть человек в результате дорожно-транспортных происшествий”»⁵⁰². Так, проблема воспитания молодёжи в духе поддержания памяти о событиях 1914-1918 гг. являлась вполне актуальной в связи с осознанием ветеранами неуместности подобного сравнения.

В 1930 г. фельдмаршал Уильям Робертсон выступил с речью на открытии памятника в Саутгемптоне погибшим в море во время войны: «Памятник, о

⁵⁰⁰ Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England, 22 May 1937. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003081/19370522/148/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁰¹ Earl Jellicoe (1930) // British Pathé. – URL: <https://a/www.britishpathe.com/asset/40300/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁰² Road Traffic Bill [Lords] // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 18 February. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/feb/18/road-traffic-bill-lords> (дата обращения: 14.08.2025).

котором мы сегодня говорим, такой простой и в то же время величественный олицетворяет работу комиссии [по воинским захоронениям – В.И.] и представляет интерес, потому что на нём высечены имена большей части солдат погибших в море во славу Бога и в память о мужчинах и женщинах, которые ради своей страны и своего дома отдали всё, что у них было и свои жизни»⁵⁰³. На открытии присутствовали ветераны, держащие знамёна Британского легиона.

Организация церковных служб стала в целом неотъемлемой частью практик коммеморации, что подчёркивало приоритет традиционных христианских ценностей в ветеранском движении. «10 июля 1931 года в Нанитоне состоялась юбилейная служба Британского легиона, на которой присутствовали мэр и администрация... стокингфордскому отделению Легиона было выражено публичное одобрение деятельности, в речи возводились благодарности Богу за то, что Британский легион делал для страны в течение последних десяти лет с момента создания организации в 1921 году»⁵⁰⁴. Также церковь участвовала в освящении знамён Британского легиона, что неоднократно можно встретить в материалах кинохроники⁵⁰⁵. Нередко поминальные службы Легиона посещали представители королевской семьи, что придавало дополнительный статус церемониальному мероприятию, к чему добавлялось обязательное инспектирование строя ветеранов или общение с ними⁵⁰⁶.

Организация поездок ветеранов к местам воинских захоронений также была функцией Британского легиона, включавшей выбор места поездки, отправку родственников погибших или ветеранов в Европу, встречу с гидом⁵⁰⁷. Паломничество часто было неотделимо от посещений мест кровопролитных сражений, где пали боевые товарищи. Так, двадцатилетие вступления

⁵⁰³ To those who have no known grave (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40918/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁰⁴ Hinckley Echo, Leicestershire, England, 10 July 1931. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004239/19310710/009/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁰⁵ Dedication Of Legion Standards (1931) // British Pathé. URL: <https://www.britishpathe.com/asset/42141/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁰⁶ Prince of Wales at British legion service in Cardiff (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/136909/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁰⁷ Wiltshire Times and Trowbridge Advertiser, Wiltshire, England, 8 July 1933. – P. 15. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001557/19330708/262/0015> (дата обращения: 11.03.2025).

Великобритании в войну сопровождалось визитами британских ветеранов во Фландрию⁵⁰⁸, где близ города Ипр в районе деревни Пашендейл летом-осенью 1917 г. состоялось крупное сражение с немецкими войсками. Британский легион проводил культурно-просветительскую работу в образовательных учреждениях: «От имени строительного фонда Лонгтона в школе Святого Андрея был организован показ военных фильмов, два представителя окружного отделения Британского легиона»⁵⁰⁹.

5. Взаимодействие с ветеранами и их семьями в досуговой сфере.

В британской прессе 1930-х гг. можно встретить сообщения о том, как представители Британского легиона участвовали в организации досуга детей бывших военнослужащих. Нередким явлением была организация массовых мероприятий, которые устраивались в поддержку Британского легиона. Например, благотворительные футбольные матчи. Один из таких 1930 г. запечатлел «Пате-журнал», когда на матч в честь ветеранов явился принц Эдуард Уэльский, который на первых кадрах проходил мимо почетного строя ветеранов, переговорив с ними и пожав некоторым из них руки⁵¹⁰. Прославленный фельдмаршал Эдмунд Алленби открыл в 1931 г. праздник Британского легиона – Ипсвичское торжество, состоявшее из спортивных, танцевальных и музыкальных представлений⁵¹¹. Часто праздничные мероприятия проводились для сбора средств в пользу Легиона. Так, в Саутминстере, где организованное саутминстерским и окружным отделением Британского легиона в целях сбора средств на строительство Зала легиона, было проведено на территории базы отдыха при умелом содействии местной администрации⁵¹².

⁵⁰⁸ Huddersfield Daily Examiner, Yorkshire, England, 6 August 1934. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000901/19340806/004/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁰⁹ Lancashire Evening Post, Lancashire, England, 5 February 1937. – P. 11. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000711/19370205/332/0011> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵¹⁰ The Prince of Wales (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40920/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵¹¹ England: sport - lord Allenby at Ipswich pageant (1931) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/165558/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵¹² Chelmsford Chronicle, Essex, England, 8 August 1930. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000516/19300808/101/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

Вместе с тем происходили инциденты, когда правительственные учреждения подвергались критике за недостаточную организацию развлекательных мероприятий в День перемирия для ветеранов. Так, отвечая на критику консерватора Джорджа Джонса замгоссекретаря по вопросам авиации Филип Сассун, который в 1915-1918 гг. служил штабным офицером при Д. Хейге, пояснил, что в вечер Дня перемирия помещение клуба отдыха Министерства авиации использовалось для проведения развлекательного мероприятия, спонсируемого одной из спортивных ассоциаций Министерства авиации, в состав которой входило большое количество бывших военнослужащих⁵¹³.

Британский Легион в 1930-е гг. стал самым влиятельным ветеранским институтом Великобритании. Он представлял собой прагматичный канал для легальной борьбы за социальные права ветеранов, смягчая потенциально более радикальный протест. Его деятельность балансировала между оказанием адресной социальной помощи и реализацией консервативного по своему духу идеологического проекта по формированию лояльной, патриотической памяти о войне, зачастую замалчивавшей её ужасы и классовую природу. Несмотря на ограниченный охват (не все ветераны войны 1914-1918 гг. входили в его ряды) и элитарный облик его руководства Легион стал ключевым посредником между ветеранами, обществом и государством.

2.2. Ветераны, Британский легион и проблемы внутренней политики в 1930-е гг.

Необходимость рассмотрения исторического фона ветеранского движения заключается в том, что ветераны и их организации не были изолированы от остального британского общества, равно как и всего мира. Их развитие, мировоззрение, отношение к минувшей «Великой войне» было закономерно обусловлено, в том числе, последствиями Великой депрессии.

⁵¹³ Air Ministry Armistice Day entertainment // Historic Hansard. – UK Parliament, 1932. – 30 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1932/nov/30/air-ministry-armistice-day-entertainment> (дата обращения: 14.08.2025).

В этой связи в исследовании важно показать, чем занимались ветеранские организации в условиях кризиса, развивавшегося в Великобритании в 1930-1933 гг. Интерес для изучения будет представлять рассмотрение меняющихся представлений о Первой мировой войне. Здесь разные силы пытались продвигать отличные друг от друга нарративы о войне. С одной стороны, это было правительство, которое стремилось проводить комплексную историческую политику. С другой стороны, имелись различные идеологические течения, выражавшие мнения отдельных социальных и политических групп (пацифистов, фашистов, коммунистов, социалистов и др.). С третьей стороны, существовали организованные союзы самих ветеранов – участников «Великой войны».

Одним из главных вопросов исследования является следующий: «Почему ветераны не смогли выступить основой социального протеста в рамках развивавшихся революционных ситуаций?» Можно привести следующие основания для постановки такого вопроса:

1. основная масса ветеранов (за исключением высокопоставленных офицеров) была представителями социально незащищенных слоёв населения;
2. вдохновляющий пример России, где массы фронтовиков мировой войны активно влились в революционное движение;
3. формирование менталитета «человек с ружьём».

Исходя из этого в передовой капиталистической стране для подъёма революционного движения должен был сформироваться узел обострённых мировой войной противоречий.

Британское правительство, учитывая революционные преобразования в Советской России, стремилось проводить политику реформизма уже после окончания Первой мировой войны, чтобы снизить возможный революционный потенциал населения в стране. Некоторые из таких реформ были реализованы в отношении ветеранов и их семей в 1919-1925 гг.

1. Закон о военных пенсиях (административные положения) 1919 г.: определял порядок назначения пенсий через Министерство пенсий⁵¹⁴.

2. Закон о военных пенсиях 1920 г. содержал основные положения, устанавливавшие пенсионные выплаты для инвалидов войны и иждивенцев погибших⁵¹⁵.

3. Закон о военных пенсиях 1921 г. уточнял размеры выплат и категории получателей пенсий, включая ветеранов с психическими расстройствами⁵¹⁶.

4. Закон о пенсиях по старости, для вдов и сирот 1925 г.: частично затрагивал ветеранов, получавших социальные пенсии, а также уточнял условия выплат для категории иждивенцев⁵¹⁷.

Узкие рамки многих законодательных установлений в отношении ветеранов, включая инвалидов войны, побуждали представлявших их интересы в парламенте депутатов добиваться пересмотра пенсионного законодательства в 1930-е гг. Одним из ярких ограничений получения пособий являлось положение раздела 5, устанавливавшее жёсткие временные рамки для ветеранов, у которых проблемы со здоровьем проявились спустя годы после войны⁵¹⁸. Многие болезни (особенно связанные с отравлением газами или психологические травмы) проявлялись намного позже, что соответственно могло приходиться на 1930-е гг. Закон 1921 г. фактически отказывал в праве на пенсию тем, кто выявил травму после истечения 7-летнего срока.

Также указанный закон вводил практику, при которой состояние ветерана пытались признать «окончательно установленным», что могло привести к снижению пенсии, если болезнь со временем усугублялась. В 1930-е годы многие ветераны сталкивались с ухудшением здоровья (старые раны давали о себе знать,

⁵¹⁴ War Pensions (Administrative Provisions) Act 1919 (9 & 10 Geo. 5. c. 53) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/9-10/53/enacted> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵¹⁵ War Pensions Act 1920 (10 & 11 Geo. 5. c. 23) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/10-11/23/contents> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵¹⁶ War Pensions Act 1921 (11 & 12 Geo. 5. c. 49) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/11-12/49/enacted> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵¹⁷ Widows', Orphans' and Old Age Contributory Pensions Act 1925 (15 & 16 Geo. 5. c. 70) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/15-16/70/enacted> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵¹⁸ War Pensions Act 1921 (11 & 12 Geo. 5. c. 49) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/11-12/49/enacted> (дата обращения: 14.08.2025).

развивались инвалидности). Категория «final award», зафиксированная в разделе 4, мешала пересматривать размер пенсии в сторону увеличения⁵¹⁹, так как считалось, что состояние здоровья учтено раз и навсегда. Хотя пункт 3 раздела 4 давал право апелляции в течение года, это было сделать сложнее и неудобнее для тяжелобольных людей.

Другой трудностью для ветеранов при получении пенсий стало то, что закон ужесточал требования к обжалованию отказов в пенсии⁵²⁰, усложняя эту процедуру. Комиссии должны были строго следовать букве закона, а не медицинской справедливости. Если у ветерана не хватало полного пакета подтверждающих документов или его заболевание было трудно доказуемо (например, контузия), комиссия отказывала претенденту.

Исследуемый процесс трансформации отношений институтов власти и ветеранов начался с конфликтов.

Крупные восстания возникли сразу после войны. Ветераны уже в 1919 г. из-за начавшейся демобилизации британской армии испытывали социально-экономические проблемы, связанные с прекращением продовольственного обеспечения. Эти примеры учитывались Службой безопасности, при анализе текущего положения в 1930-е годы⁵²¹. Революционная ситуация тогда сложилась, но революции так и не последовало. Необходимо определить, что предотвратило этот процесс и почему бедствия войны 1914-1918 гг. так и не побудили массы к более решительным действиям? Ведь крупные акции социального протеста происходили в стране на протяжении 1920-х гг., например, Всеобщая стачка 1926 г.

В 1931 г. произошло единственное крупное восстание военнослужащих в изучаемый период – восстание моряков на военной базе Инвергордон. Служба безопасности Великобритании внимательно изучила произошедшее, составив к декабрю 1932 г., сохранившийся в её архивном фонде полный отчёт. В его начале

⁵¹⁹ Ibidem.

⁵²⁰ Ibid.

⁵²¹ Security Service. Invergordon Mutiny 1932: Final MI5. – 1932, February 23 – December 7. – (KV 2/4640). P. 36 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C17886100> (дата обращения: 14.08.2025).

была дана общая характеристика состоянию дисциплины на ВМФ. Интересно, что спецслужбы отрицали значительное влияние коммунистов на моряков непосредственно в организации восстания⁵²², но отчёты свидетельствовали о наличии многочисленных экземпляров агитационных газет «Daily Worker» и коммунистических брошюр⁵²³. В отчёте капитана Нельсона о восстании не указывалось на участие в нём ветеранов войны. Вместе с тем отмечалось, что оно разворачивалось по чёткому плану после получения специальных сигналов⁵²⁴. Старшины сыграли ключевую роль в изменении настроений экипажа. Сами матросы происходили из промышленных районов⁵²⁵, где работали и ветераны, часто устраивавшие забастовки на предприятиях. Эти три аспекта могут косвенно указывать на моряков, обладавших опытом, возможно, приобретённым ещё во время службы на флоте во время войны. Причины восстания проистекали из экономических требований: моряки требовали отменить указ о сокращении жалованья⁵²⁶.

Другим косвенным свидетельством наличия ветеранов среди восставших моряков может служить вовлечённость в подготовку мятежа видного коммуниста и журналиста «Daily Worker» Уильяма Шепарда (известного своими репортажами на Западном фронте ещё во время войны). Выступая на суде по этому делу, он сделал акцент в своей речи на задачу пробуждения классового сознания, дремавшего во время войны 1914-1918 гг.: «Британские моряки в Инвергордоне, сопротивляясь попыткам сократить их жалование, показали, что они могут сражаться за свой класс так же хорошо, как и за империалистов»⁵²⁷.

Приобщённая к отчёту о восстании статья «Возвращаются домой не как герои», опубликованная в газете «Western Evening Herald», эксплуатировала нарратив «забытых ветеранов», логика которого строилась на том, что власти

⁵²² Ibid. P. 5.

⁵²³ Ibid. P. 32.

⁵²⁴ Ibid. P. 24.

⁵²⁵ Ibid. P. 20–21.

⁵²⁶ Ibid. P. 25.

⁵²⁷ Shepherd William George John. Personal File: William George John Shepherd / Security Service. – 1915 Dec 23-1936 Jan 29. – (KV 2/602; former reference: PF 39816 VOL 1). P. 88 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11016628> (дата обращения: 14.08.2025).

встречают героев войны сокращениями жалования и критикой⁵²⁸. В поддержку восстания выступили португальские коммунисты, призывавшие к братанию в случае, если их правительство поведёт их на войну с революционерами Португалии, Испании, СССР или Китая⁵²⁹. В результате проведённого властями расследования была установлена связь моряков линкора «Родней» с представителями организации R.A.O.V. – ложи, созданной как братское движение, занимавшейся благотворительностью⁵³⁰. Общество было фактически распущено из-за призыва на военную службу в 1914-1918 гг. Накануне восстания Адмиралтейство запретило собрания тайных обществ на кораблях, так как R.A.O.V., по его наблюдениям, использовалась для ведения подрывной деятельности⁵³¹.

Спустя две недели после восстания в Инвергордоне во время парламентских дебатов было высказано мнение, что правительство делает всё возможное, чтобы приблизить революцию: сокращает жалование и полиции, и морякам, и безработным⁵³². Депутат Браун, сославшись на В.И. Ленина, подчеркнул опасность ситуации в условиях экономического кризиса, при котором разорившаяся мелкая буржуазия становится в один ряд с пролетариатом⁵³³.

Было зафиксировано участие безработных ветеранов в «голодных маршах» в Лондоне в 1932 г., где полиция с особой жестокостью разогнала протестующих, собравшихся у здания британского парламента. Ситуацию с выплатой пенсий делала также неоднозначной публичная дискуссия, в которой проводилось сравнение систем социального обеспечения для ветеранов войны в США и Великобритании. В кризисный 1932 г. редакция вечерней газеты Ноттингема опубликовала статью с возмутительным заголовком «Пенсии ветеранам-инвалидам, никогда не слышавшим выстрелов!», содержащую не менее

⁵²⁸ Security Service. Invergordon Mutiny 1932: Final MI5. – 1932, February 23 – December 7. – (KV 2/4640). P. 28 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C17886100> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵²⁹ Ibid. P. 64–65.

⁵³⁰ Ibid. P. 39.

⁵³¹ Ibidem.

⁵³² Ibid. P. 37.

⁵³³ Ibid.

критический текст, суть которого сводилась к тому, что при наименьших потерях США платят своим ветеранам в два раза больше в год, чем в Англии⁵³⁴. Выдвигавшееся обвинение в недостаточности социального обеспечения ветеранов войны являлось серьезным упреком, адресованным британскому правительству. Тем не менее, британская пресса обращала внимание на аналогичную проблему и в Канаде: «Канадские ветераны требуют от Британии выплаты военных премий. Бывшие военнослужащие Канады требуют также от британского правительства вернуть им зарплату за их службу во время Великой войны»⁵³⁵. Однако ситуация взаимодействия ветеранов с правительством в отношении социально-экономической поддержки и памятных мероприятий в Великобритании была более устойчивой и служила образцом для других стран, например, Польши, где крепких традиций памяти ещё не сложилось⁵³⁶.

Активный участник протестных антивоенных акций со времён Первой мировой войны и член компартии Гарри Макшейн попал в поле зрения MI5, благодаря чему отложился массив документов, касающийся его политической активности. Он участвовал и организовывал протесты и марши безработных в 1930-е гг. Его пропаганда была направлена и на ветеранов мировой войны. В составленном в 1932 г. отчёте MI5, поступившем от внутреннего источника Службы безопасности, были зафиксированы жёсткие высказывания Г. Макшейна. Так, на демонстрации 3 марта 1932 г. в городе Данди Г. Макшейн призвал всех бывших военнослужащих «подняться из окопов», как в 1914 году⁵³⁷. Произнесенная им фраза «over the top» была очень близка ветеранам, поскольку в военной терминологии дословно означала приказ «в атаку» – пойти на рискованный манёвр, покинув укрытие. Фигурирование этого призыва к бывшим военным в

⁵³⁴ Nottingham Evening Post, Nottinghamshire, England, 12 December 1932. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000321/19321212/048/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵³⁵ Leicester Evening Mail, Leicestershire, England, 5 March 1937. – P. 11. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0003330/19370305/090/0011> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵³⁶ Eichenberg J. Stiefsöhne des Vaterlands. Die polnischen Veteranen des Ersten Weltkriegs und die Debatte um ihre Versorgung, 1918-1939 // Nordost-Archiv. – 2008. – Band 17. – S. 4, 10, 18.

⁵³⁷ McShane, Harry. Personal File: Harry McShane / Security Service. – 1931 Apr 23 - 1939 Oct 24. – (KV 2/3588/02; former reference: PF 40249 VOL 1). P. 67 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11692074> (дата обращения: 14.08.2025).

отчёте MI5 является важной деталью, поскольку источник не зафиксировал в речи Макшейна иных поводов для общественной опасности.

Марш безработных 1933 г. Кабинету министров виделся коммунистической угрозой, поскольку главными зачинщиками объявлялись КПВ и Национальное движение безработных, но фактически речь шла о митинге, проходившем под лозунгом улучшения социально-экономических условий малообеспеченных слоёв общества⁵³⁸.

Другое серьезное столкновение ветеранов с полицией на социально-экономической почве произошло в 1934 г., когда некоторые их группы решили принять участие в акциях Национального движения безработных. Данные статистики свидетельствуют, в частности, о том, что число получателей пенсии по инвалидности сократилось в 1933 г. до 473 тысяч человек по сравнению с 1924 г., когда было зарегистрировано 900 тысяч получавших пенсию⁵³⁹. Сокращение пакета социальной помощи серьезно ударило по положению инвалидов войны, что побудило недовольных к участию в демонстрациях протеста и организации пикетов у бирж труда. Мероприятие достигло главной тактической цели – привлекло широкое внимание к проблеме безработицы и критике политики правительства⁵⁴⁰.

В 1936 г., когда в Великобритании проходили марши безработных, лейборист Стивен Дэвис отметил лицемерность исторической памяти о «Великой войне»: «Почти половина этих людей – бывшие военнослужащие, участвовавшие в мировой войне. Они пришли к Кенотафу во всей своей нищете и убогости несмотря на то, что на протяжении многих лет их практически никто не замечал, и возложили венок в память о своих товарищах, которых тоже забыли, как и их

⁵³⁸ Simon John. March of the Unemployed on London: memorandum / John Simon. – 1936, October 12. – (CAB 24/264/31; former reference: CP 256 (36)). P. 9 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730635> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵³⁹ Рубен П. П. Международное объединение бывших участников войны и кооперация инвалидов / П. П. Рубен. – Москва ; Ленинград : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1935. – С. 14.

⁵⁴⁰ Прокопов А. Ю. Голодный марш безработных на Лондон в 1934 г. и британские коммунисты // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: сборник статей III Междунар. науч.-практ. конф., 18-19 апреля 2018 года / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. – Рязань : Book Jet, 2018. – С. 335.

самих»⁵⁴¹. Депутат от консерваторов Алан Леннокс-Бойд также отмечал, что «если мужчины, которые блестяще проявили себя на войне и с тех пор пережили ужасы длительной безработицы, то мы, поколение, которое полностью избежало мирового конфликта, не можем отказаться от своего долга»⁵⁴².

Министерство внутренних дел Великобритании распорядилось обобщить и проанализировать сведения, касавшиеся июльского марша безработных 1936 г. Результатом стала подготовка меморандума, в котором не указывалось на прямое участие в указанном марше ветеранских организаций, но, тем не менее, отмечалось, что бунтовали представители рабочих районов, среди которых могли быть безработные ветераны мировой войны. Кабинет констатировал, что законодательно он не мог запретить марш, но указывал на необходимость минимизировать негативные последствия от данной акции⁵⁴³. Для противодействия участникам марша предполагались применение к ним следующих санкций:

1) судебное решение по упрощённой процедуре, при которой на виновное лицо накладывались подписка о невыезде и обязательство соблюдать примерное поведение (источником разбирательства могла стать жалоба любого лица⁵⁴⁴);

2) приостановка выплаты пособий по безработице⁵⁴⁵.

Опасения Кабинета министров распространялись даже на марш слепых, который не соотносился чиновниками с акциями голодающих и безработных, а имел целью внесение поправок в Закон о слепых. Кабинет допускал вероятность того, что КППВ перехватит инициативу и использует 250 инвалидов и 50 сопровождающих в протестных акциях⁵⁴⁶.

⁵⁴¹ Unemployed marchers' petition // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 11 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/nov/11/unemployed-marchers-petition-2> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁴² Ibid. P. 970.

⁵⁴³ Simon John. March of the Unemployed on London: memorandum / John Simon. – 1936, October 12. – (CAB 24/264/31; former reference: CP 256 (36). P. 122 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730635> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁴⁴ Ibid. P. 4.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 7.

⁵⁴⁶ Ibidem.

Вовлечённость британских ветеранов в акции левого движения не ограничивалась лишь присоединением их к социальным протестам 1930-х гг. Показательным примером служит левый активизм Майкла Дэвидсона – участника битвы при Пашендейле 1916 г., лейтенанта Оксфордширского и Букингемширского лёгкого пехотного полка, ушедшего в отставку в 1919 г. после войны⁵⁴⁷. М. Дэвидсон попал в поле зрения MI5 как активный член КПВ и журналист газеты «Daily Worker» (псевдоним «Michael»). После прихода А. Гитлера к власти он занимался сбором средств для немецкой секции Международного союза писателей, которая помогала преследуемым антифашистским авторам, а также занимался переводом и публикацией литературы, обличавшей фашизм⁵⁴⁸. Поскольку в фашистской Германии на тот момент преследовались такие антивоенные писатели, как Э.М. Ремарк, это направление деятельности М. Дэвидсона можно расценить как акт солидарности по отношению к немецким ветеранам, разделявшим общие убеждения. Поддерживая контакты с зарубежными издательствами⁵⁴⁹, немецкими эмигрантами-антифашистами⁵⁵⁰ и представителями Коминтерна он способствовал сплочению интеллектуальных кругов среди британских, французских и немецких социалистов и коммунистов. М. Дэвидсон занимался переводом и распространением статей активиста Коминтерна Эрнста Генри, которые содержали критику нацистского режима и анализ политической ситуации в Германии⁵⁵¹. Его деятельность по оказанию помощи немецким авторам и их семьям может косвенно относиться к поддержке ветеранов как жертв послевоенной политической нестабильности. Однако британская разведка рассматривала М. Дэвидсона как потенциально опасного элемента в армейской

⁵⁴⁷ Davidson Michael Childers. Personal File: Michael Childers / Security Service. – 1933 Aug 16 – 1950 Jul 26. – (KV 2/2975/03; former reference: PF 42554 VOLS 1 and 3). P. 19 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11497109> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁴⁸ Ibid. P. 8, 15, 31.

⁵⁴⁹ Davidson Michael Childers. Personal File: Michael Childers / Security Service. – 1933 Aug 16 – 1950 Jul 26. – (KV 2/2975/02; former reference: PF 42554 VOLS 1 and 3). P. 11 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11497109> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁵⁰ Ibid. P. 29.

⁵⁵¹ Ibid. P. 59.

среде из-за его коммунистических взглядов, что стало поводом для исключения его из числа офицеров запаса.

Протестную энергию и разочарование ветеранов стремились поставить себе на службу не только левые силы. Социальная незащищённость, ностальгия по фронтовому братству и порядку сделали часть бывших солдат восприимчивыми к идеям праворадикальных организаций. В то время как одни ветераны шли в колоннах безработных и противостояли нарастающему фашизму, другие пополняли ряды самих чернорубашечников. Этот раскол внутри ветеранского сообщества показывает, как глубокие общественные противоречия 1930-х гг. толкали людей к противоположным идеологическим полюсам, что дополняет многогранную картину внутривнутриполитического положения Великобритании.

В Лондоне 4 октября 1936 г. собранные со всей Южной Англии около 7 тысяч британских фашистов столкнулись с лондонскими антифашистами, представленными членами Компартии Великобритании, Независимой рабочей партии, рабочими столицы, а также 10 тысячами бывших военнослужащих, многие из которых явились в военных фуражках и гимнастёрках⁵⁵². В ходе боёв на баррикадах Кейбл-стрит с чернорубашечниками и вставшими на их защиту отрядами полиции антифашистские силы одержали победу⁵⁵³.

Тема угрозы фашистских идей и движений выдвинулась на современном этапе на передний план общественных и научных дискуссий. Освещение этой страницы британской истории в 1930-х гг. связано с необходимостью исследования развития особенностей фашизма в обществе и в среде ветеранов Первой мировой войны. На научную новизну претендует в этой главе рассмотрение усиления в 1930-е гг. правых настроений среди части сообщества британских ветеранов войны, в то время как наиболее полное освещение фашистская угроза в Великобритании получила в отношении политических организаций и партий. Выявление связи ветеранов с фашистским движением

⁵⁵² Мэллалли Ф. Указ. соч. – С. 103.

⁵⁵³ Там же. С. 104.

позволит раскрыть сущность государственной идеологии и противоречия в общественных настроениях.

В целом фашистское движение в Великобритании являлось одной из особенностей развития общественных настроений 1930-х гг. Проблема фашизации британского общества заключалась в двойственности политических настроений. С одной стороны, представители британского фашизма были маргиналами, а с другой – выразителями его идей являлись видные деятели крупнейшей ветеранской организации – Британского легиона. С помощью историко-биографического метода было выяснено участие ветеранов Первой мировой войны в общественно-политической деятельности. На основе анализа развития Великобритании в 1930-е гг. можно сделать вывод о специфике общественных настроений. Ветеранское движение в стране придерживалось различных идеологических направлений. К середине 1930-х гг. среди руководителей ветеранских организаций возникло мнение о возможности объединения с фашистами. В этот период сами ветераны Первой мировой войны при содействии видных политиков и представителей аристократии, а также поддержке капиталистических кругов создавали праворадикальные организации, открыто вставшие на националистические, антисемитские, расистские позиции. Возможность перехода ветеранов под влияние фашистских организаций действительно существовала, учитывая многочисленные контакты и совместные мероприятия как внутри самой Великобритании, так и с зарубежными организациями и политиками (в частности, с лидерами «Третьего Рейха» и фашистской Италии).

Идеологические установки, сформированные опытом Первой мировой войны и послевоенным периодом, способствовали участию ветеранов в ультраправых группах, которые выступали против войны с Германией. Опираясь

на выводы исследования А. Сирла, можно указать три предпосылки вовлечения британских ветеранов в правые организации⁵⁵⁴.

1. Антибольшевизм. Офицеры испытывали глубокую неприязнь к коммунизму, усугубленную опытом интервенции в Россию в 1918-1919 гг. и восприятием большевизма как угрозы британским интересам. При этом большевизм рассматривался не всегда как революционная угроза, что имело важное место, но и как причина, по которой во время Первой мировой войны немцы сумели укрепиться на Восточном фронте, что осложнило положение сил Антанты на Восточном фронте.

2. Антисемитизм. Латентный антисемитизм в британском обществе усиливался среди офицеров, служивших в Палестине. Это формировалось на почве предрассудков, а также из-за наплыва русских эмигрантов, в которых видели большевиков.

3. Прогерманские настроения. В 1930-е гг. многие офицеры восхищались возрождением Германии при А. Гитлере и видели в ней союзника против СССР. В 1933 г. высказывались мнения о том, что мир будет благодарен, если А. Гитлер разгромит большевизм. Однако с 1937 г. внешняя политика А. Гитлера всё чаще стала ассоциироваться с положением Германии накануне «Великой войны».

Рассматривая первый фактор стоит особенно выделить роль британской политики во время интервенции в Советскую Россию. Поскольку Кабинет министров, опираясь на доклады дипломатических представителей, после Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до эвакуации британских сил из России в 1920 г. настаивал на той позиции, что интервенция была необходима для стабилизации фронтов против Германии. Обращалось внимание на то, что Германия, усилившись благодаря заключению Брестского мира на Восточном фронте, могла дойти до Москвы и восстановить монархию, переориентировав

⁵⁵⁴ Searle A. 'Mind Britain's business'. Fascist splinter groups, British officers and resistance to war against Germany, 1937-1941 // *Geheime Netzwerke im Militär 1700-1945* / hrsg. von G. Gahlen, D.M. Segesser, & C. Winkel. – Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2016. – P. 187–189.

Россию на союз против Великобритании⁵⁵⁵. О возможности создания военного союза Германии и России докладывала британская политическая разведка, это обстоятельство могло усилить Германию даже после поражения на Западном фронте⁵⁵⁶. Поражение и спешная эвакуация из России, таким образом, могли сформировать у британского офицерства стойкое убеждение в незавершенности борьбы с большевизмом.

Относительно второго фактора следует отметить, что некоторые ветераны, разочарованные послевоенной ситуацией в Великобритании (безработица, экономические трудности, элитаристские размышления о демократии), становились благодатной почвой для ультраправых и пронацистских движений. Глашатаи фашизма стремились использовать эти настроения для поиска «внутреннего врага».

Подполковник Грэм Сетон Хатчисон, герой войны и основатель Национальной рабочей партии (Национальное рабочее движение/Национал-социалистическая рабочая партия), был ярким сторонником нацизма. Его движение, апеллируя к уязвленным чувствам ветеранов и подвергая острой критике «международные финансы» (клише, использовавшееся как антисемитский термин), заявляло, что в Германии создано «бесклассовое сообщество, работающее в гармонии для национального благополучия»⁵⁵⁷. Для таких ветеранов, как Г. Хатчисон, нацистская Германия представляла собой образец порядка, национального возрождения и социальной гармонии – всего того, чего, по их мнению, не хватало в демократической, но раздираемой кризисами Великобритании. Приобретённый военный опыт заставлял их ценить дисциплину и сильное лидерство, что делало диктаторские режимы привлекательными.

⁵⁵⁵ Balfour A. J. Japanese Intervention in Siberia. Draft communication by Mr. Balfour to Sir C. Greene: memorandum / A. J. Balfour. – 1918, June 24. – (CAB 24/55/53; former reference: GT 4952). P. 9 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643480> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁵⁶ Political Intelligence Department, Foreign Office. The Position in the Ukraine: memorandum / Political Intelligence Department, Foreign Office. – 1918, May 17. – (CAB 24/52/36; former reference: GT 4634). P. 2 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643161> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁵⁷ Griffiths R. Fellow travellers of the right: British enthusiasts for Nazi Germany, 1933-9 / Richard Griffiths. – Oxford etc. : Oxford univ. press, 1983. – P. 64–65.

Видные деятели ветеранского движения (в частности, Британского легиона) несли свою долю ответственности за распространение фашистской идеологии в Великобритании, внося также свой вклад в общественную поддержку политики умиротворения агрессора. Их деятельность в процессе развязывания Второй мировой войны была производной от господствовавшего социально-экономического строя. Ветераны и их лидеры в 1930-е гг. стали инструментом, а иногда и выразителями интересов конкурирующих групп экономически господствующего класса в Великобритании. Недовольство политикой британских правительств и рост фашистских настроений находили отражение в подъёме движений социального протеста, что широко освещалось в прессе. Однако часть общества выражала убеждённость в необходимости сделать уступки нацистской Германии для предотвращения войны и установления справедливого баланса в международных отношениях: «Призыв состоял в том, чтобы державам-победителям в Великой войне следует пойти на жертву в направлении равенства вооружений, на которое претендует Германия»⁵⁵⁸. Важно учитывать, что гонка вооружений в тот период для капиталистических стран вела к неизбежному сокращению социальных расходов. Ветеранское сообщество отдавало себе также отчёт в этом, поэтому апрельская речь Н. Чемберлена 1936 г. о повышении налогов не привела в его рядах к всплеску удивления, а само наращивание вооружений было названо безумием⁵⁵⁹.

Правящие круги встали перед опасной развилкой: наращивать производство вооружений в посткризисных условиях исключительно в целях его накопления было невозможно, так как в первую очередь выросло недовольство сокращением социальных программ, что грозило внутривластной нестабильностью. Опасность этого вспоминали парламентарии, акцентируя внимание на Инвергордонском мятеже 1931 г., поскольку он напрямую был связан с

⁵⁵⁸ Dundee Courier, Angus, Scotland, 6 May 1933. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000564/19330506/052/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁵⁹ Weekly Dispatch, London, England, 26 April 1936. – P. 16. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003359/19360426/235/0016> (дата обращения: 11.03.2025).

сокращением жалования личному составу флота⁵⁶⁰. Следовательно, дальнейшая гонка вооружений должна была привести к её целевому назначению – втягиванию страны в войну.

Общественные и научные дискуссии по поводу происхождения Второй мировой войны часто сводятся к проблеме ответственности разных государств и политических деятелей. Без сомнений от воли власть предержащих зависит принятие ключевых решений по конкретным вопросам внутренней и внешней политики. Не менее важно в этом отношении рассматривать социальные и экономические условия, которые подталкивали правящие круги к принятию тех или иных государственных решений. Поэтому целесообразно изучить расстановку общественных сил, сложившуюся в стране, чтобы понимать неизбежные тенденции развития.

Фашизм, зародившийся и установившийся в ряде европейских стран в 1920-х – 1930-х гг., часто обозначается исследователями как одна из причин Второй мировой войны. Классическими фашистскими странами в этот период считаются Германия и Италия. Именно агрессивная сущность фашистских государств подчеркивается многими историками как главная причина войны⁵⁶¹. При этом на современном этапе иногда термин «фашизм» трактуется исключительно с точки зрения агрессивного национализма и упускается из вида его экономический базис, на котором стояло большинство стран рассматриваемого периода.

Необходимо обратить внимание, что фашистские движения и организации были распространены и там, где им в итоге не удалось захватить власть. Некоторые из них оставались маргинальными, а другие серьёзно претендовали на государственную власть. Исследование феномена популярности фашизма в обществах межвоенного времени является важной составляющей, так как

⁵⁶⁰ Royal Navy // Historic Hansard. – UK Parliament, 1932. – 30 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1932/nov/30/royal-navy-1> (дата обращения: 14.08.2025); Navy supplementary estimate, 1936. // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 04 May. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/may/04/navy-supplementary-estimate-1936> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁶¹ Реутов Г. Н. Правда и вымысел о второй мировой войне: Английская буржуазная историография о происхождении войны, внешней политике Англии и международных отношениях 1939-1945 гг. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Междунар. отношения, 1970. – С. 64.

позволяет основательнее понять глубину кризиса, в котором оказались страны после Первой мировой войны и Великой депрессии.

Британский союз фашистов, возникший на базе ряда правых организаций и действовавший в 1930-е гг., активно занимался задачей расширения своей социальной базы в Великобритании. Наличие исторических источников о контактах лидеров ветеранского движения с британскими фашистами, а также с нацистской Германией обуславливает необходимость рассмотрения роли Великобритании в происхождении Второй мировой войны.

Изучение деятельности ветеранского движения на примере Британского легиона позволяет нам с разных сторон взглянуть на общество Великобритании 1930-х гг. Обширная источниковая база, которая представлена электронными документами на сайте Британского архива газет, раскрывает интересные детали общественной жизни. Поиск информации о взаимодействии представителей британского фашизма и ветеранов осуществлялся через систему сайта по ключевым словам. Путём изучения содержания материалов периодической печати за 1930-е гг. из доступного массива был отобран материал о ветеранском движении, деятельности фашистских организаций, а также общественной реакции на различные события. При отборе внимание привлекало множественное упоминание резонансного для британского общества события. Это позволяет сравнить содержание источников и при необходимости их дополнить. При обобщении материала исследования опорой были именно такие источники, данные которых подтверждались неоднократно.

Задачи в рамках данной части параграфа заключаются в следующем:

- 1) выявление общественного обсуждения темы фашизма;
- 2) поиск личностей, связанных с фашистскими организациями;
- 3) установление через обращение к историографии факта участия того или иного представителя британского фашизма в Первой мировой войне;
- 4) выяснение общественно-политической роли ветеранов, связанных с фашистским движением;

5) осмысление тенденции общественного развития в условиях распространения фашистских идей в ветеранском движении.

Применение историко-биографического метода позволило выявить ряд британских офицеров и политических деятелей, среди которых были ветераны Первой мировой войны и лиц, которые симпатизировали фашистской идеологии и непосредственно Британскому союзу фашистов.

Цена Первой мировой войны, уплаченная правящим классом Великобритании за сохранение господствующего положения империи и социально-экономического строя, не исчислялась только людскими потерями (погибшие Британской империи исчисляются от 899481 до 907371)⁵⁶². Она выражалась также в невиданной ранее радикализации населения.

Во-первых, это отразилось в начале освободительной борьбы народов в колониях, которые максимально ощутили на себе роль «пушечного мяса» – ресурса, который в очередной раз за историю британского колониализма был использован уже в Первой мировой войне⁵⁶³.

Во-вторых, Первая мировая война обострила существующие проблемы в государстве, что породило общественный запрос на революционные изменения существующего строя. Это привело часть британского общества к коммунистическим (социалистическим) идеям.

В-третьих, опасность революции спровоцировала реакцию капиталистических кругов, что привело к идеям установления фашистской системы. Немалую роль в развитии правого радикализма сыграла жестокость войны, которая посеяла между воюющими народами ненависть и агрессивный национализм. Применительно к Великобритании в рядах фашистов стал

⁵⁶² Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: в 4 кн. / Институт всеобщей истории РАН. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2005. – Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. – С. 626.

⁵⁶³ Прокопов А. Ю. Британская империя: общество и вызовы войны // Мировые войны XX века: в 4 кн. / Институт всеобщей истории РАН. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2005. – Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. – С. 304.

формироваться лозунг «Британия превыше всего»⁵⁶⁴. Эти общественные настроения разные силы пытались использовать в своих интересах.

Первый фактор – антиколониальное движение и процессы распада Британской империи достаточно подробно изучены в отечественной историографии на современном этапе⁵⁶⁵. Что касается второго фактора, то советскими историками придавалось определяющее значение революционному движению в Англии, которое развивалось под влиянием Октябрьской революции 1917 г. На современном этапе развития исторической науки идёт активное обращение к социокультурным особенностям развития прошлого. В этом отношении, исследованию третьего фактора будет уделено особое внимание.

Ветеранские организации в Великобритании стали появляться по горячим следам Первой мировой войны, а фашистское движение стало активно развиваться в стране в 1920-е гг., во многом ориентируясь на установленный в Италии диктаторский режим Б. Муссолини. Ветераны стремились создавать объединения, союзы и иные формы организации отчасти, чтобы вместе преодолеть кошмарный опыт, с другой стороны – увековечить память о людях, чьи жизни унесла Первая мировая война.

Ещё в годы войны распространилось мнение, что это будет «последняя война», «война, которая покончит со всеми войнами». «Мы вступили в эту войну, потому что Германия вторглась в Бельгию и Люксембург, что подтолкнуло нас к этому конфликту, поскольку ни одна держава в мире не стала бы уважать наш флаг, если бы мы не вступили в войну»⁵⁶⁶, – так описывал в 1914 г. непосредственную причину войны писатель Герберт Уэллс, который в 1918 г. был включён лордом Нордклиффом в группу Министерства пропаганды⁵⁶⁷. Уже в 1919 г. самый молодой генерал британской армии Арчибальд Уэйвелл,

⁵⁶⁴ Прокопов А. Ю. Влияние первой мировой войны на формирование правого радикализма в Великобритании // Первая мировая война: пролог XX века / Институт всеобщей истории РАН, Ассоциация историков Первой мировой войны. – Москва : Наука, 1998. – С. 290.

⁵⁶⁵ Сагимбаев А. В. Стратегия колониального развития в контексте финансово-экономической политики Великобритании в межвоенный период // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2017. – № 4 (44). – С. 110.

⁵⁶⁶ Wells G. The war that will end war. – London : F. & C. Palmer, 1914. – P. 7.

⁵⁶⁷ Rogerson S. Propaganda in the next war. – New York : Arno Press, 1972. – P. 18.

отличившийся ранее во Второй битве при Ипре, метко переиначил знаменитое клише на Парижской конференции: «мы заключили мир, чтобы покончить с миром»⁵⁶⁸.

Но отчасти официальные лозунги начала войны ещё сохранялись и в межвоенный период, когда ветераны и их родственники надеялись, что жизни товарищей, близких были отданы не зря, а во имя будущего мира. Интервью ветерана войны 1935 г. содержит такой нарратив: «Спустя годы продолжаю думать о войне. Тогда нам сказали, что мы ведём войну, чтобы покончить с войной. Это стало почти шуткой, и теперь каждый день в течение года мы говорим о войне и слухах о войне»⁵⁶⁹. С презрением к такому клише пропаганды относился герой Р. Олдингтона, который переиначил фразу: «война для того, чтобы породить новые войны»⁵⁷⁰.

Острая критика правительства по отношению к памяти жертв войны прозвучала в парламенте накануне Дня Перемирия 1938 г. из уст коммуниста У. Галлахера. «Они будут там [у лондонского Кенотафа – В.И.], чтобы почтить память миллиона британских солдат, павших во Фландрии и других местах, – павших, сражаясь за что? Чтобы положить конец немецкому милитаризму в Европе; чтобы обеспечить сохранение свободы и демократии. Вот что они должны увековечить»⁵⁷¹. Политик вспомнил строки фронтовика британской армии Джона Маккрея «На полях Фландрии» (1915 г.):

«...Если вы нарушите верность нам, погибшим,
Мы не уснём, хоть маки растут
На полях Фландрии»⁵⁷².

⁵⁶⁸ Pagden A. Worlds at war: the 2,500-year struggle between East and West. – Oxford : Oxford University Press US, 2008. – P. 407.

⁵⁶⁹ Bath Chronicle and Weekly Gazette Somerset, England, 16 November 1935. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000514/19351116/043/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁷⁰ Олдингтон Р. Смерть героя : роман / пер. с англ. Н. Галь. – Москва : Худож. лит., 1976. – 320 с. – URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁷¹ Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 8 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/08/debate-on-the-address> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁷² McCrae J. In Flanders fields, and other poems. – New York, 1919. – P. 3.

Критикуя близорукую политику британского правительства, отказавшегося сотрудничать с СССР в деле создания системы коллективной безопасности, У. Галлахер подчёркивал, что категорический отказ Лондона предавал память о погибших воинах: «Каждый из тех, чью память мы чтим, был предательски предан, и в результате наша оборона была разрушена. Дело не только в вооружении; есть кое-что гораздо более важное...»⁵⁷³.

Рассматривая фашизм как причину возникновения Второй мировой войны, возникает проблема ответственности британских ветеранов, которые имели контакты с представителями правой радикальной идеологии в самой Англии и государственными деятелями «Третьего Рейха» и Италии. Далее мы перечислим ряд ветеранов и видных деятелей Британского легиона, которые не только сотрудничали с фашистскими организациями, такими как Британский союз фашистов, но и создавали в Великобритании в 1930-е гг. отдельные фашистские организации. Но прежде сделаем оговорку, что рассмотрение данного аспекта в деятельности ветеранов несколько не умаляет положительной роли ветеранских организаций в социальной сфере, о которой было сказано выше. Для людей, получивших всеобъемлющие психологические травмы от пережитого на войне, деятельность различных ветеранских организаций позволяла почувствовать некоторую общность и бороться с несправедливостью, порожденной государством⁵⁷⁴.

Изучение праворадикальных устремлений ветеранов отражает тенденцию развития британского общества и государства, что при историко-сравнительном подходе позволяет выявить общие закономерности в странах Западной Европы в межвоенный период. С точки зрения исторической памяти это дает возможность расставить по своим местам тех личностей, которые пытались уберечь мир от новой кровопролитной войны на уничтожение, и тех, кто был её поджигателем.

⁵⁷³ Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 8 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/08/debate-on-the-address> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁷⁴ Снигирев С. А. Сообщества ветеранов Первой мировой войны в Великобритании: проблемы институционализации // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. – 2020. – № 1 (16). – С. 162.

Выясняя особенности биографий ветеранов Первой мировой войны, мы можем встретить сведения о разных формах их активности в 1930-е гг.: участии в антивоенных или патриотических акциях; занятии художественным творчеством, издательской деятельностью, благотворительностью и социальной работой; контактах с политическими деятелями; налаживании взаимосвязей с иностранными ветеранскими организациями; участии в памятных мероприятиях; продолжении военной службы; пропаганде собственных воззрений. Важно рассмотреть, на каком базисе эта деятельность развивалась, и какие цели преследовала. Для этого изложим исследованный материал в проблемном ключе.

Среди ветеранов в 1930-е гг. были широко распространены антисемитские настроения. Например, Генри Гамильтон Бимиш был убеждён в существовании всемирного еврейского заговора⁵⁷⁵. В лондонской газете по этому поводу дополнительно приводилась информация о фашистском митинге в Кентиш-Тауне. С начала 1930-х гг. Г. Бимиш выступал с оппозиционных позиций по отношению к политике британского правительства лейбористов, критикуя его за нерешительность⁵⁷⁶. Он стал основателем националистической организации «Британцы», являясь при этом ранее парламентским представителем «Национальной федерации уволенных моряков и солдат» (NFDDs). В 1930-е гг. организация «Британцы» занималась издательской деятельностью, пропагандируя антимиграционную политику и антисемитизм⁵⁷⁷. Впоследствии организация выполняла роль издательского органа Британского союза фашистов (БСФ), а Г. Бимиш продолжал оставаться формальным президентом «Британцев».

Аналогичных взглядов придерживался основавший в 1928 г. Имперскую фашистскую лигу Арнольд Спенсер Лиз (завершивший военную карьеру на Западном фронте), который в 1935 г. предложил использовать газовые камеры для

⁵⁷⁵ St. Pancras Gazette, London, England, 13 November 1931. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004623/19311113/091/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁷⁶ Hampstead News, London, England, 21 May 1931. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004647/19310521/054/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁷⁷ Toczek N. Haters, baiters and would-be dictators: anti-Semitism and the UK far right. – Abingdon : Routledge, 2016. – P. 96.

уничтожения евреев⁵⁷⁸. Широкую известность за пределами Великобритании он получил также благодаря своему предложению о высылке евреев на остров Мадагаскар⁵⁷⁹. Данная организация вела в 1930-е гг. активную борьбу с БСФ за первенство в британском фашистском движении⁵⁸⁰. За агрессивную пропаганду антисемитизма А. Лиз был приговорён к тюремному заключению⁵⁸¹, что, однако, не привело к отказу от фашистских воззрений. Приведённые выше данные свидетельствуют о том, что видные идеологи британского фашизма пытались вести антисемитскую пропаганду, доказывавшую «неполноценность» евреев. Её адресатами являлись и ветеранские сообщества, так как в первую очередь фашисты-участники Первой мировой войны старались воздействовать на более близкую к ним социальную группу.

Другим известным антисемитом и открытым противником Советской России (по опыту неудачной интервенции) был Эдмунд Айронсайд, обладавший заметным влиянием в Британском легионе⁵⁸². Некоторые ветераны войны участвовали в деятельности нескольких фашистских организаций. Так, генерал-майор Джон Фредерик Чарльз Фуллер являлся одновременно и членом БСФ, и группы «Северная лига»⁵⁸³. Его приход к правому радикализму объясняется исследователями недовольством правительством, которое не желало проводить современное реформирование армии. Поэтому запрос на «сильную руку» действительно имел место в 1930-е гг. с отсылкой к военному времени 1914-1918 гг. с присущей ему милитаризацией экономики и социальных отношений. Это могло привлечь ветеранов, действующих офицеров британской армии, живших идеями имперского могущества Великобритании⁵⁸⁴. Также в 1930-е гг. воззрения

⁵⁷⁸ Жигалов И. И. Фашизм в Англии между мировыми войнами: генезис, характер, специфика // Вопросы истории. – 1984. – № 12. – С. 35.

⁵⁷⁹ Там же. С. 37.

⁵⁸⁰ Griffiths R. Op. cit. – P. 99.

⁵⁸¹ Daily Herald, London, England, 15 August 1936. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000681/19360815/103/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁸² Yarmouth Independent, Norfolk, England, 7 August 1937. – P. 10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001943/19370807/149/0010> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁸³ Thurlow R. Fascism in Britain: a history, 1918-1985 / Richard Thurlow. – Oxford ; New York : Blackwell, 1987. – P. 80.

⁵⁸⁴ Liburd L. J. Beyond the pale: whiteness, masculinity and Empire in the British Union of Fascists, 1932-1940 // Fascism. – 2018. – Vol. 7, № 2. – P. 276.

приводили Дж. Ф. Фуллера к заявлениям о необходимости установления союзных отношений с фашистской Италией для закрепления контроля над Средиземным морем, но при этом им же высказывались опасения относительно усиления Японии в Северо-Восточном Китае⁵⁸⁵.

Этот пример можно рассматривать как иллюстрацию наследия шовинизма, характерного для пропаганды времён Первой мировой войны, настоящей задачей которой было укрепление британского империализма. Как британский офицер Дж. Ф. Фуллер сохранил эти воззрения до 1930-х гг., в то время как в публичной сфере уже давно предрекали новую мировую войну. Общественное недовольство этой темой часто фиксировались в столичной прессе⁵⁸⁶.

Сохранившиеся документы служебного расследования из архива Службы безопасности Великобритании указывали на связь Дж. Ф. Фуллера с Робертом Гордоном-Каннингом, где он в письме от 18 июня 1938 г. называл другого ветерана войны и военного теоретика Б. Лиддела-Гарта «евреем и ослом, который никак не научится у истории»⁵⁸⁷, что можно квалифицировать как использование антисемитского жаргона, смешанного с презрительным тоном, поскольку сам Б. Лиддел Гарт сторонником фашизма не был и более того, был известен связями с левыми активистами.

Р. Гордон-Каннинг (капитан, награжденный в июне 1917 г. Военным крестом за выдающуюся доблесть и преданность) тесно контактировал с лидером БСФ О. Мосли. Спецслужбам стали известны контакты Р. Гордона-Каннинга с А. Гитлером, который, судя по отчёту MI5 от 22 апреля 1937 г., давал ему негативную оценку: «чтобы быть настоящим национал-социалистом, нужно обладать и интеллектом, и сердцем; у этого человека нет ничего другого»⁵⁸⁸. Тем

⁵⁸⁵ Weekly Dispatch (London), London, England, 25 April 1937. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003359/19370425/072/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁸⁶ Daily News (London), London, England, 23 May 1934. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003214/19340523/022/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁸⁷ Security Service. Personal file: Basil Henry Liddell-Hart: [British military historian and theorist] / MI5. – 1927 January 1 – 1944 December 31. – (KV 2/2410/03; former reference: PF 38861 VOL 1). P. 78 – The National Archives, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11287876> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁸⁸ Security Service. Personal file: Captain Robert Cecil Gordon Canning: [British Union activist and Arabist] / MI5. – 1924 August 29 – 1943 November 7. – (KV 2/877/04). P. 50. – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11090329> (дата обращения: 14.08.2025).

не менее, в документе указывалось, что он выполнял функции связного между нацистами и О. Мосли⁵⁸⁹. В другом оперативном документе MI5 от 16 декабря 1936 г. отмечалось, что Р. Гордон-Каннинг подал заявку на продление паспорта в Египте, Палестине и Ираке⁵⁹⁰, которые являлись на тот момент подмандатными территориями Великобритании, фактически колониями. Разведка предполагала, что это может быть связано с его прежней активностью в контрабанде оружия или деятельностью в Рифской республике⁵⁹¹. Высказывались опасения, что целью его поездки являлось формирование отрядов чернорубашечников в Палестине.

В 1930-е гг. Р. Гордон-Каннинг выполнял в БСФ роль директора по внешней политике, а в 1939 г. стал членом «Правого клуба», который также придерживался идеологии антисемитизма и фашизма. Эту организацию создал другой ветеран военных действий во Франции капитан Арчибальд Генри Маул Рамзи. Его изначально консервативные взгляды стали изменяться в сторону фашистских под влиянием Гражданской войны в Испании. В своих публичных выступлениях А. Рамзи стал призывать к непримиримой вражде с СССР⁵⁹² после атаки республиканской авиации с участием неофициально сражавшихся на стороне республиканцев советских летчиков на германский линкор “Deutschland”⁵⁹³. В 1930-х гг. А. Рамзи являлся известной фигурой в политической жизни, что отмечалось прессой⁵⁹⁴. Архивные документы Службы безопасности зафиксировали наличие широкой сети фашистских активистов в Великобритании, которые создали различные антисемитские и прогерманские организации, как «Британский Совет против европейских обязательств» (выступал за политику умиротворения) и «Английский массив» (ультраправая группа, близкая к

⁵⁸⁹ Ibidem.

⁵⁹⁰ Ibid. P. 54.

⁵⁹¹ Ibidem.

⁵⁹² Griffiths R. Op. cit. – P. 353.

⁵⁹³ Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 гг. – Москва : Центрполиграф, 2004. – С. 275–276.

⁵⁹⁴ Dundee Courier, Angus, Scotland, 16 January 1930. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000564/19300116/101/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

нацистам)⁵⁹⁵. Ключевой фигурой во взаимосвязях этих организаций был капитан А. Рамзи. Тем не менее, даже в 1939 г., когда международная обстановка была крайне обострена, правительство практически никак не ограничивало деятельность подобных организаций и их участников. Так, 30 марта 1939 г. на заседании Палаты общин либералом, представителем крупного бизнеса, ветераном Королевских ВВС Джеффри Мандером был адресован следующий вопрос представителю британского правительства: «Известно ли Министерству внутренних дел о пронацистской организации «Соединение» [«The Link» – В.И.], которая ведёт пропаганду и не собирается ли правительство интернировать немецких подданных?»⁵⁹⁶. Министр Сэмюэл Хоар (был разведчиком во время войны) заявил от имени британского правительства, что поскольку указанные лица являются и британскими подданными, вопрос об интернировании вообще не может рассматриваться, при этом политик умело проигнорировал ту часть вопроса, которая касалась угрозы восхваления гитлеризма⁵⁹⁷.

Однако Служба безопасности активно следила за деятельностью «The Link» и её непосредственным организатором Барри Домвиллом – высокопоставленным офицером Королевского ВМФ, командовавшим в годы Первой мировой войны тремя кораблями поочерёдно. Архивный документ от 8 сентября 1937 г. свидетельствует о подозрениях британской контразведки по поводу жены капитана Б. Домвила (дочери берлинского банкира), поскольку её брат мог быть завербован немцами за два года до начала Первой мировой войны и заниматься разведдеятельностью в Лондоне. В связи с этим отмечалась нежелательность дальнейшего пребывания Б. Домвила на флоте на фоне нараставшей германской угрозы⁵⁹⁸. В марте 1938 г. в письме «дорогому рейхсфюреру» [Генриху Гиммлеру

⁵⁹⁵ Security Service. Personal file: Archibald Maule Ramsay: [British MP and founder of the Right Club] / MI5. – 1939 March 18 – 1941 April 13. – (KV 2/677/02). P. 77. – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11016557> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁹⁶ Pro-Nazi organisation // Historic Hansard. – UK Parliament, 1939. – 30 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1939/mar/30/pro-nazi-organisation> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵⁹⁷ Ibidem.

⁵⁹⁸ Security Service. Personal file: Admiral Sir Barry Domville: [British naval officer and founder of pro-Nazi organization "The Link"] / MI5. – 1916 February 10 – 1940 October 30. – (KV 2/834/02). P. 104 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11050145> (дата обращения: 14.08.2025).

– В.И.] Б. Домвил выражал надежду познакомить Дж. Э. Кэррола с адресатом⁵⁹⁹. Названный Дж. Э. Кэррол был главой издания «Anglo-German Review», являвшегося печатным органом «The Link», и выступавшего за сближение Великобритании и Германии. В числе руководства организации упоминался также историк Рэймонд Бизли (автор книги «Дорога к гибели Европы» 1932 г. о причинах Первой мировой войны⁶⁰⁰) и крупный землевладелец лорд Редсдейл. Соответственно, долгое время различные социальные круги были связаны с германскими фашистами, в том числе ветераны войны, находясь под наблюдением спецслужб, но при этом, не подвергаясь, тем не менее, серьезным ограничениям в своей деятельности.

Антисоветские настроения британских элит стоит обозначить как важную составляющую идеологической атмосферы того времени. Здесь мы подходим к вопросу о том, что лежало в основе британской идеологии 1930-х гг. Антисоветизм, равно как и антикоммунизм, предполагал борьбу с новым революционным строем, который строился в СССР. Соответственно, задачей правящих кругов Великобритании являлась борьба со всем, что угрожало капитализму. В этом отношении фашизм, исходя из классического определения, был продолжением капитализма, сбросившим все демократические маски. Поэтому экономический фундамент фашистских режимов и Великобритании был схожим, в отличие от Советского Союза, являвшегося социалистическим государством. Поэтому основной угрозой для британской элиты был СССР, а не фашистская Германия, которая во многом и ориентировалась на Британскую империю, проводившую колониальную политику с присущей ей сегрегацией и эксплуатацией покорённых народов, что лишний раз показала Первая мировая война⁶⁰¹.

Обращаясь к сущности Британской империи, исследователи подчеркивают сходство колониальной политики Великобритании и оккупационного режима

⁵⁹⁹ Ibid. P. 102.

⁶⁰⁰ Р. Бизли поддерживал тезис о миролюбии политики Германии накануне 1914 г., чем разделял позиции того лагеря британских историков, работавших на конъюнктурные интересы политики умиротворения.

⁶⁰¹ Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской расе господ. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – С. 215.

«Третьего Рейха». Ранее на его наличие обратили внимание советские историки А.А. Галкин и П.Ю. Рахшмир, проследившие эволюцию развития идеологии британского правящего класса. Они отмечали, что тенденция курса на подавление революционного движения путём половинчатых социальных реформ сосуществовала с активизацией внешнеполитической экспансии, чтобы обеспечить средства для этих самых реформ, имевших своей целью увести рабочих с революционного пути⁶⁰². Ровно такую же политику проводили фашистские государства, стремившиеся улучшить положение для одной («своей») нации за счёт ограбления и порабощения других. Это сходство рассмотрено в работе историка М. Саркисянца, который, обратившись к истории последней трети XIX века, пришёл к выводу, что британская политика в колониях стала истоком идеологии фашистской Германии⁶⁰³. Современный российский историк Е.Н. Яковлев, изучая особенности политики геноцида советского населения в годы Великой Отечественной войны, также прослеживает истоки фашистских методов господства на оккупированных территориях в идеологии и действиях британских элит⁶⁰⁴.

Примечательно мнение участника войны 1914-1918 гг., консерватора Арнольда Уилсона, высказанного в парламенте 19 декабря 1938 г. «У меня нет оснований полагать, что немцам есть чего стыдиться в своей колониальной политике. У каждого из нас есть свои скелеты в шкафу. Если кто-то начнёт выискивать зверства, он без труда найдёт множество примеров в любой части света. Он может собрать их в книгу и легко посеять семена ненависти и презрения. Я видел, как это делается в каждой стране»⁶⁰⁵. Такое справедливое замечание политика, являвшегося ранее колониальным администратором и посетившего в 1936 г. концлагерь Дахау, может удивить, поскольку, имея богатый опыт, парламентарий мог бы встать на антивоенные или, по крайней мере, на

⁶⁰² Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. – Москва : Наука, 1987. – С. 56.

⁶⁰³ Саркисянц М. Указ. соч. – С. 216.

⁶⁰⁴ Яковлев Е. Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. – 2-е изд., перераб., доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2022. – С. 131–132.

⁶⁰⁵ Foreign policy // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 19 December. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/dec/19/foreign-policy> (дата обращения: 14.08.2025).

антигерманские позиции с учётом увиденного. Однако он предпочел сохранить верность имперской миссии Великобритании.

Исходя из этого, становятся более понятны причины интенсивных контактов британских военных и политических элит с доморощенными фашистами. Для британского правящего класса идеология превосходства над остальными народами не была чем-то новым. Наоборот, она была ими обоснована и взята на вооружение ещё в XIX в. Соответственно, господствующие идеологические настроения стали распространяться в обществе и затем были усилены последствиями Первой мировой войны, которая всё больше дегуманизировала население, порождая национальную ненависть и обиды. Одновременно фашистские идеи распространились среди деятелей культуры, прививавших их обществу⁶⁰⁶. Тему фашизации некоторых слоёв британского общества затрагивает историк С. Вудбридж, обращаясь к примерам Арнольда Лиза, Освальда Мосли и других⁶⁰⁷.

Тем не менее, необходимо отметить наличие расхождений в Британском легионе по поводу сотрудничества с фашистским движением. В газете «Western Times» от 26 июня 1931 г. приводилось содержание общественной дискуссии о дальнейшем пути развития Британского легиона. Высказывались предположения, что «Британский легион должен превратиться в своего рода фашистскую организацию или подобие “Стального шлема”, как в Германии»⁶⁰⁸. Официальная позиция Легиона на это предложение сводилась к дежурным фразам в том духе, что «он является миролюбивой организацией, стоящей вне политики»⁶⁰⁹. Однако такие размышления возникали не на пустом месте, поскольку добровольческие сообщества ветеранов Веймарской республики действительно стали костяком для формирования гитлеровских штурмовиков, которые до кровавых событий «ночи длинных ножей» (конец июня – начало июля 1934 г.) выступали в качестве

⁶⁰⁶ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. – Москва : Издательство Московского университета, 2014. – С. 647–648.

⁶⁰⁷ Вудбридж С. Расовый фашизм в Британии // Берегиня. 777. Сова. – 2015. – № 3 (26). – С. 155.

⁶⁰⁸ Western Times, Devon, England, 26 June 1931. – P. 3. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000265/19310626/016/0003> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁰⁹ Ibidem.

кадрового резерва германской армии. Тема милитаризации Британского легиона неоднократно вызывала острую общественную полемику. Представители власти, депутаты парламента стремились убедить общество в беспочвенности таких домыслов, аргументируя это тем, что Легион всегда стоял на антивоенных позициях⁶¹⁰.

Подобные идеи и предложения стали открыто высказываться в сентябре-октябре 1933 г., когда в отделениях Британского легиона Корнуолла, Девона и Сомерсета вспыхнул конфликт, вызванный обсуждением предложения адмирала Б. Мартина о возможности «работать с фашистами рука об руку»⁶¹¹. В поддержку данного предложения выступил ветеран австралийского горного корпуса Перси Бартон, который в своей речи заявил о том, что политическая ориентация не важна для Легиона, поскольку «у нас есть и хорошие тори, и хорошие либералы, и хорошие социалисты»⁶¹². Данная инициатива была подвергнута критике на конференции южнодевовонских отделений. В ходе её обсуждения в начале октября 1933 г. представителями отделения в Корнуолле было принято решение отложить рассмотрение этого вопроса до созыва ежегодной конференции Британского легиона, так как региональные организации не имели права оглашать официальную позицию⁶¹³. Тем не менее, от корнуолльского отделения последовало предложение о возможности организовать собрание в городе Бодмин для принятия резолюции, осуждающей пропаганду фашизма адмиралом Б. Мартином⁶¹⁴. В январе 1934 г. он, вероятно, с целью избежать дальнейшей дискредитации своего имени, подал в отставку⁶¹⁵.

⁶¹⁰ Western Morning News, Devon, England, 9 January 1933. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000329/19330109/078/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶¹¹ Shepton Mallet Journal, Somerset, England, 29 September 1933. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001625/19330929/096/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶¹² Exeter and Plymouth Gazette, Devon, England, 29 September 1933. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000512/19330929/061/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶¹³ Cornish Guardian, Cornwall, England, 12 October 1933. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002820/19331012/218/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶¹⁴ Newquay Express and Cornwall County Chronicle, Cornwall, England, 12 October 1933. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004246/19331012/008/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶¹⁵ Western Morning News, Devon, England, 17 January 1934. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000329/19340117/038/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

Устроенная сторонниками фашизма в ветеранских организациях «проба сил» тщательно фиксировалась прессой. Газета «Sevenoaks Chronicle and Kentish Advertiser» 8 июня 1934 г. в статье под заголовком «Фашизм в Мэйфилде» привела такой случай, когда видный член Британского легиона появился в чёрной рубашке на собрании Британского союза фашистов в Мэйфилдском церковном зале в четверг. Этим человеком был капитан Дж. Х. Томас, который являлся местным организатором отделения Легиона⁶¹⁶. Другой показательный пример: 11 ноября 1935 г. (в День перемирия): «...член Ассоциации ветеранов Военно-морского флота и армии города Брэдфорд, одетый в форму чернорубашечника, отдал фашистский салют»⁶¹⁷. На мероприятии по возложению венков к мемориалу присутствовали мэр, администрация и главный констебль, однако реакции на демонстрацию симпатии к фашизму с их стороны так и не последовало⁶¹⁸.

Проблема милитаризации общества в период перехода к фашизму – явление порядковое, как показала история, но тогда те или страны проходили это впервые, что вызывало оживленное обсуждение⁶¹⁹.

В последующие годы, как было показано выше, интерес ветеранов «Великой войны» к фашистскому движению значительно возрос, что не преминуло отразиться на Британском легионе. Его руководители и видные ветераны пошли на контакты с фашистами за спиной у тех, кто сражался за окончание всех войн.

Упомянутые антисоветские настроения среди британских элит, политических деятелей и лидеров ветеранского движения заслуживают отдельного исследования. Освальд Мосли, являвшийся также ветераном Первой мировой войны, и основавший крупнейшую фашистскую организацию, видел главным врагом Советский Союз. СССР, являвшийся оплотом социалистического

⁶¹⁶ Sevenoaks Chronicle and Kentish Advertiser, Kent, England, 8 June 1934. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001068/19340608/218/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶¹⁷ Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, Yorkshire, England, 12 November 1935. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000687/19351112/214/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶¹⁸ Leeds Mercury, Yorkshire, England, 12 November 1935. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000748/19351112/106/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶¹⁹ North Devon Journal, Devon, England, 3 January 1935. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000328/19350103/003/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

движения, стремился покончить с мировыми войнами и капитализмом, который их порождает. Идеология О. Мосли, А. Гитлера, Б. Муссолини и других фашистов, которые опирались на капиталистический базис, всё больше подталкивали народы к новой войне, изображая СССР и коммунистов как зачинщиков войны⁶²⁰. С середины 1930-х гг. британские фашисты задались целью расширить свою социальную базу, одним из источников которой могли стать ветераны. В некотором отношении фашисты имели в этом направлении успех после Великой депрессии хоть и неполный. Британские фашисты использовали риторику о возрождении мощной империи, репутация которой, по их мнению, серьезно пострадала из-за «декаднствующих политиканов»⁶²¹. БСФ пытался играть на таких настроениях, вовлекая в свою орбиту ветеранов. Уже в 1935 г. на митингах фашистов можно было видеть лозунг с призывами «остановить Россию» (См. Приложение № 9). Таким образом, британские фашисты пытались мобилизовать общественные настроения с целью противодействия СССР. Трагический опыт Первой мировой войны для истории межвоенного времени современниками не был усвоен.

Идеологический раскол в ветеранском движении интересен с точки зрения анализа идейных предпочтений в британском обществе. Наличие расхождений между видными политическими и военными деятелями отражал противостояние социальных групп населения, интересы которых эти конкретные личности выражали.

Сторонники фашизма выражали интересы некоторой части британской аристократии. Например, король Эдуард VIII, по мнению историков Ю.В. Емельянова, К.А. Залесского, имел профашистские взгляды, при содействии которого летом 1935 г. было заключено англо-германское морское соглашение, а в 1936 г. при попустительстве британского правительства произошёл ввод немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область. Даже после отречения

⁶²⁰ Griffiths R. Op. cit. – P. 78, 353.

⁶²¹ Alcalde A. War veterans and transnational fascism: from fascist Italy and Nazi Germany to Francoist Spain and Vichy France (1917-1940). – Florence : European University Institute, 2015. – P. 246.

Эдуард продолжал посещать Германию, встречаясь с А. Гитлером и другими руководителями нацистов. Список имён достаточно обширен. Их деятельности также возможно посвятить отдельное исследование. Назовём некоторых из них: Артур Чарльз Уэлсли Веллингтон и Лорд Маунт Темпл – организаторы «Англо-германского братства»; Леопольд Каннинг, Томас Пилчер, Реджинальд Таппер – соучредители «Британских фашистов».

Наличие покровителей со стороны политической элиты и государственных служб давало фашистам большую свободу действий. Например, на Кейбл-стрит во время известной стычки антифашистов с митингующими членами БСФ полицейские были на стороне вторых. Отметим также, что в военизированной организации БСФ, называвшейся «Фашистские силы обороны» (FDF), руководящие должности занимали Эрик Пирси (инспектор Специальной полиции) и Ян Дандас (бывший офицер королевских ВМФ)⁶²².

Конкурирующие группы капиталистов Великобритании развернули политическую борьбу, пытаясь сохранить своё господство, используя ветеранов, силовые структуры, привлекая широкие массы населения как ресурс в этой борьбе. Одни делали ставку на фашизм, чтобы сбросить маски буржуазной демократии, парламентаризма и окончательно подавить рабочее и революционное движение. Другие не хотели допустить к власти конкурентов и ставили на традиционный баланс сил, изредка допуская лейбористов к государственному управлению, чтобы сохранить некоторую видимость демократических устоев в Великобритании.

Но и те, и другие были противниками мира для трудящихся масс и готовили новую войну. Отдельным вопросом было, при какой расстановке сил она разразится и на каких условиях вступит в неё Великобритания. И будущая война, как и Первая мировая война, должна была служить инструментом отвлечения населения от надвигающегося капиталистического кризиса. С этой целью

⁶²² Martin P. Hurrah for the Blackshirts!: fascists and fascism in Britain between the wars. – London : Random House, 2005. – P. 133.

использовалась антисоветская пропаганда и разжигался национализм, чтобы расколоть и ослабить рабочее движение в его борьбе против капитализма.

Во время «битвы на Кейбл-стрит» 4 октября 1936 г. Британский легион, верный своему курсу невмешательства, не выступил открыто против фашистов (т. е. истинных врагов мира), но и не стал оказывать им поддержку, за исключением отдельных частных лиц из сообществ ветеранов. Из числа политических сил открыто против БСФ выступили лишь коммунисты⁶²³. Лейбористы также активно выступали против фашистов, ранее назвав их смертоносной реакцией и историческим врагом трудящихся⁶²⁴.

Сложность выявления участников массовых право- и леворадикальных акций среди ветеранов связана со многими факторами.

1. Боязнь лишиться пенсионного обеспечения из-за нарушения нейтральной позиции как члена Британского легиона.
2. Страх перед возможными преследованиями на почве антисемитизма, так как ветераны-евреи опасались расправы со стороны БСФ.
3. Само по себе личное участие в акциях протеста не предполагало наличия списков участников с поголовной записью.
4. Полиция фиксировала только тех, кто выступал зачинщиками, активистами, а также акцент делался на арестах коммунистов, а не ветеранов.
5. Британский Легион дистанцировался от официального участия в столкновениях.

Так, по данным газеты «The Worker» на основе отчётов полиции упоминалось о наличии среди фашистских активистов легионеров с медалями и людях с символами Британского легиона, чьи личности не были установлены. Пресса сообщала о расстановке сил, но редко о рядовых участниках: «...в Лондоне фашисты собрались на Ройал-Мэнт стрит и Марк-лейн, а коммунисты и члены

⁶²³ Edinburgh Evening News, Midlothian, Scotland, 5 October 1936. — P. 5. — URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000452/19361005/139/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶²⁴ Gloucestershire Echo, Gloucestershire, England, 1 October 1934. — P. 6. — URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000320/19341001/026/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

Лейбористской партии – на Олдгейт и Кейбл стрит. Вокруг Ройал-Мэнт стрит также было много противников фашизма...»⁶²⁵.

Для 1930-х гг. было частым явлением наличие смешанных идеологических взглядов, при котором их носители не отождествляли себя ни с социалистами, ни с фашистами. В качестве показательного примера можно рассматривать взгляды крупного военного теоретика и ветерана войны Б. Лиддел Гарта. Во время Второй мировой войны из-за публичной критики действий союзников Б. Лиддел Гарт привлёк внимание Службы безопасности, которая в 1944 г. начала расследование, благодаря чему о его деятельности в 1930-е гг. отложились обширные архивные материалы⁶²⁶. В папке документов, датированной 3 декабря 1935 г., содержались две вырезки из газеты «Daily Worker», на страницах которой обсуждалась конференция представителей британской общественности с делегацией из СССР. Выступая от британской стороны, Б. Лиддел Гарт признался в симпатиях к социальным институтам и прогрессивным идеям СССР: «Современная Россия является первопроходцем, чем я искренне восхищаюсь, несмотря на то, что многие явления прошлого придётся преодолевать»⁶²⁷. В отчёте от 30 декабря 1936 г. содержался следующий вывод: «Отто Леманн-Руссбюльдт⁶²⁸ получил письмо по поводу помощи Карлу фон Осецкому⁶²⁹ от Лиддел Гарта из Швейцарии»⁶³⁰. Это указывало на связь Б. Лиддел Гарта с антифашистскими деятелями в Германии.

В то же время, судя по рапорту от 8 мая 1937 г., MI5 предполагала наличие контактов у Б. Лиддел Гарта с журналистом Александром Михайловичем Шифриным, который до революции 1917 г. придерживался меньшевистских взглядов, во время эмиграции в Германии примкнул к социал-демократам, а после

⁶²⁵ Edinburgh Evening News, Midlothian, Scotland, 5 October 1936. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000452/19361005/139/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶²⁶ Security Service. Personal file: Basil Henry Liddell-Hart: [British military historian and theorist] / MI5. – 1927 January 1 – 1944 December 31. – (KV 2/2410/03; former reference: PF 38861 VOL 1). – The National Archives, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11287876> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶²⁷ Ibid. P. 98.

⁶²⁸ О. Леманн-Руссбюльдт – немецкий публицист, стоявший на антифашистских позициях.

⁶²⁹ К. фон Осецкий – немецкий писатель и журналист, фронтовик Первой мировой войны, антифашист, удостоенный в 1936 г. Нобелевской премии мира.

⁶³⁰ Ibid. P. 92.

1933 г. бежал во Францию, где участвовал в создании парижской группы социал-революционеров Германии. Служба безопасности считала, что Б. Лиддел Гарт не поддерживает трактовку некоторых вопросов в книге А.М. Шифрина из-за «своих фашистских симпатий»⁶³¹. Но, исходя из отчёта от 11 сентября 1937 г., MI5 удалось перехватить письмо Э.А. Сквелла к Уилтону Ньюболду – члену Коммунистической партии Великобритании и Исполкома Коминтерна, который во время войны был пацифистом. В тексте письма автор уверял адресата, что передаст письмо Б. Лиддел Гарту, что свидетельствует об активных связях ветерана с левыми политическими деятелями. Частая критика военных реформ со стороны Б. Лиддел Гарта делала его мишенью шпиономании⁶³², усилившейся в 1939 г.

Ветераны, как показывает анализ привлеченных источниковых данных, не стали ни двигателем революции, ни массовой опорой фашизма. Их политическая активность была фрагментированной и зависимой от идеологических расколов в обществе. Однако их опыт, память о войне и социальные проблемы стали важным фактором внутривнутриполитической борьбы, повлиявшей на политический курс Великобритании (особенно на социальный реформизм) накануне Второй мировой войны.

Ветеранское движение в Великобритании 1930-х гг. отражало глубокие идеологические и социальные противоречия общества, но из-за отсутствия единства и разнонаправленных внешних влияний оно не смогло стать самостоятельной силой, способной кардинально изменить политический ландшафт страны.

Правительство Великобритании вело гибкую и прагматичную политику: риторикой памяти и социальной ответственности оно пыталось нейтрализовать недовольство, экономическим давлением – сдерживать протест, а силовыми мерами – подавить лишь наиболее опасные его вспышки. Власти не прибегали к открытым массовым репрессиям, но системное игнорирование реальных проблем

⁶³¹ Ibid. P. 88.

⁶³² Ibid. P. 86.

ветеранов, сочетавшееся с символической демагогией, позволило им избежать крупного социального взрыва, сохранив статус-кво и осуществив переход к политике «управляемой лояльности».

2.3. Внешнеполитические аспекты деятельности Британского легиона: от самостоятельных международных контактов к выполнению важных правительственных поручений

В исторической науке и в политическом дискурсе тема международных отношений межвоенного периода по сей день остаётся одной из самых остро обсуждаемых. Обилие исторических документов и новейшие научные исследования предоставляют широкий простор для полемики и возможности для интерпретации.

Дискуссия относительно роли Великобритании в возникновении международных проблем, приведших к Второй мировой войне, возникает из-за нашего познания о том, что Великобритания оказалась в составе стран антигитлеровской коалиции, которой удалось разгромить фашизм и главного зачинщика войны – Германию. Однако спорным моментом остаётся то, было ли это изначальной задачей, находилась ли британская правящая верхушка в плену собственных иллюзий относительно политики умиротворения или же Великобритания ощущала в 1930-е гг. недостаток сил для противостояния фашистскому блоку. Перечисленные гипотезы чётко обозначают границы тех или иных направлений британской исторической науки, представители которой по-разному оценивали политику Великобритании на международной арене в межвоенный период.

Так, послевоенную британскую историографию можно условно разделить на три направления:

1) консервативное, сторонники которого, сосредоточившись на выполнении государственного заказа, стремились оправдать курс на умиротворение;

2) либеральное, представители которого были склонны подвергать британское правительство критике за неуместность иллюзий относительно попыток договориться с агрессором;

3) ревизионистское, последователи которого, не снимая ответственности с британского правительства за допущенные им просчёты, стремились найти разумное объяснение подобному внешнеполитическому курсу.

Последнее направление в историографии стремилось принять во внимание такие аргументы, как вынужденность политики умиротворения в сложной для Великобритании международной обстановке (К. Робинс, М. Коулинг, Д. Томпсон); социально-экономическая нестабильность внутри страны, не позволявшая увеличивать бремя гонки вооружений (А. Милуорд, П. Кеннеди, Ф. Кохлэн, Р. Паркер, Дж. Педен)⁶³³. Эти аргументы всё больше получают распространение в исторической науке в связи с учётом фактора влияния последствий Первой мировой войны. В этом отношении обращают внимание на особый психологический климат в обществе, который характеризовался явным неприятием войны. Историки, опирающиеся на этот фактор, отмечают, что население не было готово принять ещё одну войну, поэтому английское правительство, учитывая общественные настроения, пыталось не ввязываться в открытый вооружённый конфликт. Учитывая всю сложность международной обстановки межвоенного периода, представляется затруднительным оправдать распространением пацифистских настроений два момента.

Первый – сохранявшийся экспансионистский потенциал Великобритании, которая была заинтересована в дальнейшем империалистическом переделе мира. Именно это стремление двигало правящими кругами Великобритании и накануне Первой мировой войны, и после её окончания. Так, Великобритания, используя мандатную систему, захватила колониальные владения стран Четверного союза, произведя тем самым перераспределение баланса сил после 1918 г. в свою пользу. Одновременно она продолжала эксплуатировать колониальные народы для

⁶³³ Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки : учебное пособие для студентов / под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. – Москва : Простор, 2002. – С. 319.

поддержания стабильности собственной экономики и уровня благосостояния населения в метрополии.

Второй момент – попытки военного вторжения (интервенции) в Советскую Россию (СССР) и постоянные угрозы ей на протяжении 1920-х гг. Свою открытую вражду по отношению к революционным процессам в России часто выражал У. Черчилль, являвшийся одним из главных вдохновителей иностранной интервенции. В 1931 г. он впал в безудержное осуждение большевизма, называя Ленина, Зиновьева и Троцкого, «неестественными духами, ждущими свою добычу в бездне, в которую рухнула Россия»⁶³⁴. Такого рода сомнительными аргументами британское правительство пыталось обосновать необходимость интервенции. В подобном свете затруднительно рассматривать Великобританию как государство с миролюбивой внешней политикой, которая по-настоящему учитывала мнение общества. Следует особо отметить, что именно кампания «Руки прочь от Советской России» подтолкнула Лондон к заигрыванию с антивоенными настроениями, распространившимися в обществе. Но связаны они были не только с негативным восприятием Первой мировой войны. В большей степени это объяснялось влиянием социалистической революции в России. Поэтому принципиально важным является выявление первичности тех или иных факторов.

Британская империя, обладавшая обширными колониальными владениями, вела боевые действия в целях поддержания своего могущества. Да, мировая война кардинально отличалась от других вооружённых конфликтов, которые ранее были в истории. Однако Октябрьская революция 1917 г. повлияла не только на социальные процессы в России, но и начала задавать темп развития для других стран, являясь неким примером прогрессивности социально-экономического устройства. Успехи, которых добилась сначала Советская Россия, могли с одной стороны продемонстрировать положительный образ будущего, а с другой – породить в правящих кругах Великобритании опасения относительно

⁶³⁴ Churchill W. The world crisis. Vol. 1: 1911-1914. – Toronto : Macmillan Co. of Canada, 1923. – P. 353.

возможности социалистической революции внутри страны и национально-освободительного движения в колониях и доминионах.

Поэтому Великобритания, равно как и другие страны, оставаясь в рамках капиталистической модели развития, продолжала видеть в социализме реальную угрозу своему внутреннему положению. Британским ответом на советский проект стала агрессия. Но открыто её не удалось бы осуществить, как это показал провал попытки иностранной интервенции в Советскую Россию в 1918-1920 гг. Представитель консерваторов Стэнли Болдуин в ноябре 1936 г. на фоне крупных общественных протестов в стране заявил: «Все мы, независимо от наших партийных взглядов, должны быть в ужасе от того, что происходило во многих странах Европы после войны, от гражданской войны. В нашей стране её удалось избежать»⁶³⁵. Опасаясь народных выступлений, он подчёркивал, что правительство не имеет права «играть с такими вещами». Применительно к теме исследования стоит отметить и тот факт, что, по оценкам других выступавших в ходе парламентских дебатов политиков, почти половина участников массовых демонстраций в Великобритании в 1930-е гг. были ветеранами Первой мировой войны⁶³⁶, которых премьер-министр даже отказался принять с прошениями.

Для противостояния СССР после провалившейся интервенции британскими правящими кругами были избраны два инструмента: экономическая блокада и дипломатическая изоляция. Великобритания не могла прибегнуть вновь к открытому вторжению, опасаясь антивоенных выступлений внутри страны, поддерживаемых, в том числе коммунистическими и социал-демократическими силами.

Конечно, нельзя сбрасывать со счётов такие факторы, как нарастающий кризис колониальной системы империи, Великую депрессию 1929-1933 гг. и ослабление военного потенциала. Однако в контексте вопросов международных отношений указанные факторы были явлениями второго порядка. А главным,

⁶³⁵ Unemployed marchers' petition // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 11 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/nov/11/unemployed-marchers-petition-2> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶³⁶ Ibid. P. 997.

запустившим многие процессы в мире, стала революционная волна 1918-1923 гг. Несмотря на её затухание в период временной стабилизации капитализма в 1924-1928 гг., радикализация общества вновь начала нарастать после начала Великой депрессии. Поэтому в 1930-е гг. английский правящий класс поставил цель пойти на социальные уступки трудящимся, видя при этом главную задачу в разрушении оплота социализма – СССР, который как раз в это время осуществлял масштабные социально-экономические преобразования в рамках новой общественной формации, чем подавал пример (в том числе, и общественному мнению в других странах).

В случае уничтожения или подчинения Советского Союза Великобритания могла, во-первых, превратить его территорию в колониальную базу с богатыми ресурсами, во-вторых, подавить очаг распространения коммунистической идеологии. СССР изначально создавался как государство, развивавшееся на основе идей интернационализма, равенства людей и свержения капиталистического строя. Страны капитализма, в том числе Великобритания, имели целью законсервировать существующий строй, следовательно, и сохранять резкое классовое расслоение в обществе, формировать потребительское отношение к народам, проживавшим в колониях. Особую остроту этому противостоянию придавало то, что в 1920-1930-е гг., как отмечают исследователи С.Г. Малкин и А.И. Лёзин, советская военная мысль, равно как и британская, переосмысливала феномен малых войн на Востоке, приходя к выводу о необходимости сочетания военных мер с политическими и социально-экономическими⁶³⁷. Для Лондона это означало, что идеологический вызов СССР требовал не только силового сдерживания, но и корректировки колониальной политики.

Великая депрессия поставила перед руководством капиталистических держав следующие возможные пути выхода из кризиса:

⁶³⁷ Малкин С. Г., Лёзин А. И. От Большой игры к Холодной войне: малые войны на Востоке в британской и отечественной военной мысли первой трети XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2022. – Т. 4, № 4 (16). – С. 78.

- 1) социальный реформизм и уступки населению;
- 2) фашистская диктатура и внешняя экспансия.

Первый путь выбрали такие страны, как Великобритания, Франция и США. Второй – Германия, Италия, Япония. Оба пути были ответами на «красную угрозу». «Советский проект» имел целью ликвидацию «старого порядка» (капитализма со всеми его дополнительными путями развития). С самого начала СССР предупреждал мир об опасности фашизма и в итоге его разгромил. Но были силы в мире, которые стремились использовать фашизм как важнейший инструмент в борьбе против социализма. В числе их была Великобритания (формационная схема Великобритании 1930-х гг. отражена в Приложении № 1).

Таким образом, хотя Великобритания избрала невоенные пути противостояния СССР, но агрессивные намерения при этом не отменялись. Исходя из манёвров внутренней и внешней политики 1930-х гг., Великобритания следовала чётким курсом на использование агрессивной военной машины фашистской Германии для уничтожения СССР. Как установила советский историк Л.В. Поздеева, внешнеполитическая стратегия всех кабинетов министров с 1931 г. по 1939 г. была направлена на сотрудничество с агрессивными антисоветскими державами, что было выгодно британскому империализму⁶³⁸. На том, что английская дипломатия потворствовала продвижению Гитлера на восток, акцентируют внимание и современные историки⁶³⁹. Стоит отметить, что схожесть фашистской политики гитлеровской Германии и колониальной политики Великобритании чётко установили германский и российский историки М. Саркисянц и Е.Н. Яковлев⁶⁴⁰. Поэтому фашистская Германия была ближе для Великобритании с её националистической идеологией, берущей свои корни в насчитывавшей несколько веков колониальной политике, чем Советский Союз с чёткой антикапиталистической и интернациональной основой.

⁶³⁸ Поздеева Л. В. Англия и ремилитаризация Германии. 1933-1936 / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – С. 164.

⁶³⁹ Назаров О. Г. Игры над пропастью // Историк. Журнал об актуальном прошлом. – 2026. – № 2 (134). – С. 43.

⁶⁴⁰ Яковлев Е. Н. Указ. соч. – С. 215–216.

В конце 1930-х гг. в английском парламенте обстоятельно обсуждали развитие ситуации на международной арене. Критиковавший политику умиротворения консерватор Вивиан Адамс, выступая с проимперских позиций, обратился к теме ответственности за развязывание Первой мировой войны: «Никто не станет утверждать, что Германия не несёт ответственности за то, что произошло в 1914 году, хотя, насколько я понимаю, стало немодно говорить, что она была полностью виновата. Но, по крайней мере, на ней лежит довольно большая доля вины за эту катастрофу»⁶⁴¹. Риторика о необходимости дать ответный отпор вновь зазвучала открыто: «Я искренне умоляю все стороны не позволять правительству начинать удушение Британской империи колониальными уступками Германии»⁶⁴².

Одновременно многие политические деятели Великобритании были всерьёз обеспокоены тем, что политика умиротворения зашла слишком далеко и втягивание Великобритании в войну стало неизбежным. Угроза германского вторжения обсуждалась в парламенте всё чаще в 1938-1939 гг. Консерватор Джордж Гарро-Джонс подчёркивал недостаточность оснащённости системы ПВО зенитными орудиями и снарядами к ним, говоря о том, что по сравнению с прошлой войной финансовых затрат в этом отношении требовалось куда меньше⁶⁴³. Ветеран войны, консерватор Эдвард Григг указывал на заметное отставание в разработке планов эвакуации во время войны по сравнению с французскими. Он подчёркивал, что и на момент 1938 г. британцы отставали в этой области, что было бы опасным в условиях грядущей войны. Другой консерватор, госсекретарь по военным вопросам А. Лесли Хор-Белиша, воевавший на Западном и Салоникском фронтах, вспоминал, что военная промышленность была резко свёрнута сразу после 1918 г. и налаживание производства орудий за последние два года шло очень медленно. Либеральный политик Перси Харрис, считал, что угроза войны из-за политики умиротворения существенно снизилась,

⁶⁴¹ International situation // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 1 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/01/international-situation> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶⁴² Ibidem.

⁶⁴³ Air raid defence // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 3 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/03/air-raid-defence> (дата обращения: 14.08.2025).

но необходимо было, опираясь на опыт прошлой войны, создать комитет для надзора за финансовыми тратами военного министерства в целях экономии бюджетных средств⁶⁴⁴.

Какова была роль и возможности различных общественных или политических сил (организаций), способных в 1930-е гг. противостоять развязыванию новой войны?

В условиях повышенной современной международной напряжённости представляется важным рассмотреть варианты умиротворения или предотвращения межнациональных, военных и политических конфликтов, в чём не последнюю роль могут сыграть самые различные организации. В рамках темы настоящего исследования мы обозначим потенциал британских ветеранских организаций, которые могли приложить свои усилия для предотвращения новой мировой войны. Английские политики имели возможность наблюдать за событиями в революционной России и совсем не желали перенесения её опыта на Британские острова. Правящие круги Великобритании приходили к пониманию того, что если не удовлетворить требования социальных низов, то очень скоро могла возникнуть ситуация, при которой условия негласного «общественного договора» будут нарушены и правительству не удастся удержаться у власти.

С этой целью оно успело освоить различные механизмы, позволявшие произвести «сброс» социального напряжения с помощью различных «клапанов». Культура исторической памяти британцев о Первой мировой войне в 1930-е гг., как было выяснено в предыдущей главе, отличалась разнородным характером. Так, в одних нарративах ощущался трагизм ушедшей войны, что могло способствовать развитию пацифизма, а другие прославляли героизм британских воинов, воевавших во славу короны и империи. Сочетание этих двух противоположных подходов позволяло архитекторам исторических нарративов играть на отношении различных слоёв населения в зависимости от конъюнктуры.

⁶⁴⁴ Ibidem.

Из-за высокой степени политизированности исторической науки Первую мировую войну сегодня очень часто вспоминают в контексте современных международных противоречий, поскольку аналогий находится предостаточно. Подобные аналогии могут быть важны для ощущения взаимосвязи истории и современности. Однако стоит чётко разграничивать различные явления, процессы и события, чтобы не угодить в логическую ловушку.

Феномен Первой мировой войны чётко обозначил неразрешимость империалистических противоречий в капиталистическом мире, которые возникали периодически и привели к столкновению капиталистов за передел рынков сбыта. Именно капитализм, вступивший в империалистическую стадию, подталкивал национальные государства к мировой войне.

Учитывая особенности развития экономики в странах, развязавших Первую мировую войну, можно констатировать, что каждая из них нуждалась в сферах влияния, рынках сбыта. Это диктовалось той закономерностью, что государства, вступившие в империалистическую стадию в рамках капиталистической формации, отстаивали интересы крупнейших монополий. Поэтому Первая мировая война носила антинародный, а потому и несправедливый характер, так как велась в интересах класса крупных собственников. Именно из-за этого она получила название «империалистической». Историческая память о ней искажалась в угоду правящим классам и в державах-победителях, и в потерпевших поражения государствах.

Попытки пропаганды придать благородные цели «Великой войне» имели отклики лишь в первые её месяцы. Однако суровые реалии войны заставили её участников по обе стороны фронта постепенно осознать бессмысленность кровопролитной бойни для широких масс и выгоду для класса крупных собственников. Широкие массы не понимали целей войны и предлоги, под которыми их отправляли на смерть⁶⁴⁵.

⁶⁴⁵ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 65–66.

Пропаганда через различные нарративы памяти пыталась повторить этот апробированный в 1914-1918 гг. манёвр в межвоенный период. В предыдущем параграфе мы рассмотрели, какую политику внутри страны проводило британское правительство, а также то, что ей пытались противодействовать общественные силы в лице отдельных ветеранов, лидеров общественного мнения, писателей и ветеранских организаций.

В контексте изучения внешней политики Великобритании становится понятным, что Британский легион идеологически подчинялся правительственному курсу, участвуя в самых различных мероприятиях. Отсутствие сопротивления ветеранов наблюдалось и при организации совместных встреч с их германскими и французскими коллегами. Это говорит о том, что британские ветераны уже не столько продвигали какие-либо свои представления о памятовании «Великой войны», сколько превращались в важный ресурс государственной власти.

Внешняя политика не была главным направлением деятельности Британского легиона. Однако его влиятельные члены привлекались правительством для налаживания отношений с другими государствами. Сама же организация пыталась участвовать в урегулировании международных конфликтов одновременно в качестве инструмента и посредника. Поскольку ветеранское сообщество участвовало в исторической политике в отношении Первой мировой войны, ветераны выступали здесь в качестве нейтральной стороны, т. е. людей, которые своими глазами видели мировую войну и должны были стать мостом к мирному урегулированию, поиску компромиссов.

Следует понимать, что часто антивоенное движение выступало под какими-либо политическими и идеологическими знамёнами – общедемократическими, социалистическими, коммунистическими. В этом и состояла главная проблема объединения антивоенных сил. Наиболее последовательную позицию в этом вопросе занимала Компартия Великобритании, изначально изобличая капитализм, который привёл к возникновению фашизма, стремившегося к внешней экспансии.

Последствия экономического кризиса усилили в британском обществе понимание того, что страдания времён мировой войны были напрасными, так как мир вновь сотрясали острые противоречия. Антивоенное движение в Англии обрело новую силу после наступления Великой депрессии и процессов фашизации в Европе. Менее чем через полгода прихода А. Гитлера к власти 15 июля 1933 г. британское правительство, подписав «Пакт четырёх», сочло приемлемым санкционировать включение Германии в узкий круг великих держав, с которой вновь изъявили желание сотрудничать на равной основе⁶⁴⁶. Ранее, в Бердмонси в марте 1933 г. состоялась конференция, призванная осудить империалистические устремления капиталистических держав, которые способны были развязать новую мировую войну, и бездействие Лиги Наций⁶⁴⁷. Среди участников конференции были ветераны Британского легиона. Однако другие влиятельные организации ветеранов были в большей мере сосредоточены на оказании нуждавшимся мер социальной поддержки, выдвигая свои требования правительству⁶⁴⁸. С одной стороны, благотворительность – это важный элемент памяти и проявления уважения к ветеранам. С другой – антивоенная деятельность – элемент, необходимый для того, чтобы не допустить вторую кровавую бойню в мире. Кому, как не полуторамиллионному контингенту раненных и пострадавших ветеранов боевых действий выпало стать символом разрушительных последствий войны? Они могли выступать для общества символом жертв капитализма в случае организации политической пропаганды, а вместо этого ветеранские организации предпочли приоритетно работать лишь в области соцподдержки, став орудием разных политических сил⁶⁴⁹.

Женщины, лишившиеся своих мужей и сыновей из-за Первой мировой войны, становились также активной силой, выступая с антивоенных позиций. Например, в начале августа 1934 г. представительницы Великобритании были в

⁶⁴⁶ Договор о согласии и сотрудничестве (Пакт четырёх). 15 июля 1933 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 59

⁶⁴⁷ Сапожникова Г. Н. Антивоенное движение в странах Европы в межвоенный период, 1917–1939 / отв. ред. Д. Г. Наджафов. – Москва : Наука, 1985. – С. 90.

⁶⁴⁸ Снигирев С. А. Указ. соч. – С. 156–157.

⁶⁴⁹ Mosse G. Fallen soldiers: reshaping the memory of the world wars. – New York : Oxford University Press, 1990. – P. 87

составе участников на международной конференции «Женщины против войны» в Париже⁶⁵⁰. В отделениях Легиона в 1936 г. поднимались голоса ветеранов против развязывания новой войны, например, в Брэдфорде⁶⁵¹, где ранее были зафиксированы симпатии членов Британского легиона к фашистам⁶⁵².

«Вооружаться или не вооружаться?» – задавалась вопросом редакция газеты «Crewe Chronicle» в 1936 г., рассуждая об уроках Первой мировой войны: «...некоторые считали, что те, кто пал в Великой войне, были напрасными жертвами. Они сражались за своего короля и страну и за своё существование. Они выполнили то, что они собирались сделать. Неужели всё это было для новой гонки вооружений?»⁶⁵³.

После начала фашистского мятежа в республиканской Испании летом 1936 г. многие ветераны решили вступить в Британский батальон для защиты её от внутреннего и внешнего фашизма. Там они стремились предотвратить пожар новой мировой войны с оружием в руках. Неоднократные свидетельства таких попыток просачивались в прессу. Например, в октябре 1938 г., когда было принято решение о выводе интербригад из Испании, на Родину смогли вернуться двадцать британских военнопленных, которые являлись ветеранами «Великой войны»⁶⁵⁴. Позиция британских властей по отношению к гражданской войне в Испании оставалась в русле согласованной летом 1936 г. с Парижем политики «невмешательства».

Во время посещения казарм Кингстона герцог Коннаутский, сравнивая внутреннее положение в Великобритании с ситуацией в Испании, отметил, что «деятельность Британского легиона – это пример настоящего товарищества и

⁶⁵⁰ West Middlesex Gazette, London, England, 14 July 1934. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002564/19340714/118/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁵¹ Bradford Observer, Yorkshire, England, 19 August 1936. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003150/19360819/065/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁵² Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, Yorkshire, England, 12 November 1935. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000687/19351112/214/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁵³ Crewe Chronicle Cheshire, England, 5 December 1936. – P. 11. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002831/19361205/232/0011> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁵⁴ Sheffield Independent. Yorkshire, England, 28 October 1938. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001465/19381028/133/000> (дата обращения: 11.03.2025).

истинной верности, без таких добродетелей страны превращаются в "ужасные государства"»⁶⁵⁵.

Гражданская война в Испании являлась темой острых дискуссий в обществе, военных кругах, что затрагивало и ветеранов войны. Например, в 1930-е гг. продолжал свою деятельность антивоенный «Союз Демократического контроля», созданный ещё в 1914 г. В состав организации входили по большей части члены либеральной и лейбористской партий. Среди них были политики, известные своей антикапиталистической позицией, как например, Филип Сноуден и Том Джонстон, а также некоторые ветераны, как Ричард Тоуни. В апреле 1937 г. Союз провёл конференцию, где выступал Б. Лиддел Гарт с докладом «Реалии ситуации в Средиземноморье», привлёкший внимание Службы безопасности Великобритании и сохранившийся в архиве⁶⁵⁶. Б. Лиддел Гарт подчёркивал, что возможная победа франкистов будет являться угрозой, поскольку укрепит фашистов Германии и Италии. Такие взгляды могли быть нежелательными для некоторых кругов британской военной и политической элит, нацеленных на умиротворение агрессора и являвшихся противниками коммунизма.

В дальнейшем критические выпады в адрес внешней политики Великобритании военного теоретика и ветерана Б. Лиддел Гарта привели к тому, что его стали ограничивать в посещении военных учений, на которых он часто присутствовал в качестве армейского эксперта и журналиста. Так, на учениях 18-19 сентября 1938 г. дежурный офицер сообщил капитану Б. Лиддел Гарту об отсутствии у него специального пропуска в то время, как у других шести журналистов они были, на что Б. Лиддел Гарт с удивлением ответил: «до этого мне не выдавали специальных пропусков»⁶⁵⁷.

Но политика «невмешательства», проводившаяся британским правительством совместно с Парижем в отношении Испании, успела сделать своё

⁶⁵⁵ Duke Of Connaught (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43087/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶⁵⁶ Security Service. Personal file: Basil Henry Liddell-Hart: [British military historian and theorist] / MI5. – 1927 January 1 – 1944 December 31. – (KV 2/2410/03; former reference: PF 38861 VOL 1). P. 90 – The National Archives, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11287876> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶⁵⁷ Ibid. P. 76.

«черное дело»: фашисты Ф. Франко смогли захватить в ней власть. Ветеранские организации могли внести важный вклад в дело защиты мира, но они являлись лишь «надстройкой» по отношению к капиталистическому по своему характеру «базису». Поэтому британским капиталистам, равно как и другим, требовалась постоянно расширять экспансию для максимизации своих выгод. Такая стратегия, в свою очередь, вела к постоянным столкновениям.

Рассматривая деятельность Британского легиона в международной сфере, можно выделить несколько функций.

1. Установление связей с зарубежными ветеранскими организациями для проведения совместных мероприятий, связанных с памятью о Первой мировой войне.

2. Отправка делегаций для участия членов организации в международных конференциях и встречах.

3. Организация паломничества к местам воинских захоронений и посещение памятных мест.

4. Налаживание внешнеполитических связей Великобритании путём формирования неформального дипломатического канала заинтересованных в переговорах сторон.

5. Церемониальные визиты в другие страны для обсуждения дискуссионных вопросов или организации памятных мероприятий, посвящённых Первой мировой войне.

6. Выполнение полицейских задач в критических условиях.

Изначально Британский легион больше действовал в рамках международных ветеранских организаций (FIDAC, CIAMAC)⁶⁵⁸.

Контакты ветеранов Легиона носили публичный характер. Чаше сюда входило чествование ветеранов из дружественных стран по Антанте. Но Легион сумел заслужить положительную оценку и со стороны ветеранов стран бывшего Четверного союза: «дань уважения Легиону была отдана Болгарской ассоциацией

⁶⁵⁸ Alcalde A. Op. cit. – P. 210.

сержантов запаса, которые выпустили специальный номер своей официальной газеты "Родина" и посвятили его Легиону, который проделал масштабную работу по поддержке ветеранов»⁶⁵⁹. Делегации Легиона совершали поездки в Болгарию: «возлагаются надежды на встречу с государственными деятелями стран во время визита делегации Британского легиона на Балканы и особенно в Болгарию. В состав делегации вошли стаффордширские ветераны войны. Они были приняты царём Борисом и обменялись подарками»⁶⁶⁰. Общественность воодушевлял сам факт налаживания отношений с бывшими противниками: «Британский легион посещает Балканы, капитан С.В. Слэттер представляет нас, бывших военнослужащих, в деле достижения мира во всём мире перед народами, которых ещё недавно называли врагами»⁶⁶¹.

Важной задачей Легиона было создание и развитие отделений и филиалов организации в доминионах. Например, именно Канадский Британский легион стал ядром всех существующих в Канаде ветеранских организаций⁶⁶². Происходили взаимные визиты британских и канадских ветеранов: «Ожидалось, что более 100 тысяч человек увидят, как король откроет мемориал 60 тысячам канадцам, отдавшим свои жизни в Великой войне. От Британского легиона выдвинулась делегация в дополнение к 6 тысячам паломникам из Канады...»⁶⁶³.

В США у Британского легиона существовали собственные представительства, а аналогичные американские ветеранские структуры действовали в Великобритании: «Посол Британского легиона в США передаёт привет. В Великобританию прибыли 1000 легионеров Соединенных Штатов со своими жёнами и детьми»⁶⁶⁴.

⁶⁵⁹ Evening Despatch, Warwickshire, England, 7 December 1935. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000671/19351207/008/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁶⁰ Staffordshire Sentinel, Staffordshire, England, 18 June 1936. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000525/19360618/065/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁶¹ North Devon Journal, Devon, England, 23 July 1936. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000328/19360723/067/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁶² Western Mail, Glamorgan, Wales, 12 March 1931. – P. 12. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000104/19310312/237/0012> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁶³ Dundee Courier, Angus, Scotland, 17 July 1936. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000564/19360717/097/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁶⁴ Glamorgan Advertiser, Mid Glamorgan, Wales, 15 October 1937. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0003446/19371015/065/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

Посещение памятных мест включало в себя разнообразные маршруты. Например, в июле 1937 г. группа британских ветеранов по прибытии в Аррас осмотрела окрестности Вими-Ридж, где с 9 по 12 апреля 1917 г. канадскими частями велись ожесточенные бои за овладение данной высотой. На тот момент сохранилось 27 миль окопов, включая остатки блиндажей и огневых точек. Опытный французский экскурсовод, также участвовавший в Первой мировой войне и ставший инвалидом, провёл группу по окопам и туннелям, в которых тогда сражались друг против друга немецкие и канадские солдаты⁶⁶⁵.

В марте 1933 г. председатель Британского легиона полковник Джон Браун как один из представителей организации присутствовал на Женевской конференции по разоружению, – сообщала газета «Nottingham Journal»⁶⁶⁶. Несмотря на то, что германская делегация сорвала переговоры, покинув конференцию, а затем последовал выход Германии из Лиги Наций, материалы периодической печати свидетельствуют о том, что делегация Британского легиона протестовала «против любого применения силы», а также настаивала на продолжении работы «во имя мира во всем мире посредством разоружения»⁶⁶⁷. В 1935 г. британский «Союз друзей Лиги Наций» инициировал плебисцит мира, на котором за запрет производства и продажи вооружений проголосовало 11,5 млн. человек (почти 38% от общего числа избирателей)⁶⁶⁸.

Международные контакты британских ветеранов в 1930-е гг. были производными от колебаний Форин-офис. Примером метаний британской внешней политики в первой половине 1930-х гг. являлась неудачная попытка по формированию системы коллективной безопасности на основе Восточного пакта⁶⁶⁹. Из-за неуступчивости Великобритании и Франции FIDAC изменила стратегию по созданию более тесных взаимосвязей с ветеранами побежденных

⁶⁶⁵ Cheshire Observer. Cheshire, England, 24 July 1937. – P. 9–10. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000157/19370724/217/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁶⁶ Nottingham Journal, Nottinghamshire, England, 21 March 1933. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001898/19330321/060/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁶⁷ Belfast Telegraph, Antrim, Northern Ireland, 20 March 1933. – P. 9. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002318/19330320/109/0009> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁶⁸ Сапожникова Г. Н. Указ. соч. – С. 142.

⁶⁶⁹ Восточный пакт (проект, изложенный в меморандуме французского посла в Лондоне). 27 июня 1934 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 67–68.

стран⁶⁷⁰. По логике организации, это должно было способствовать преодолению барьеров для упрочения мира в Центральной Европе.

В 1935 г. и 1938 г. материалы периодической печати были максимально насыщены сообщениями о взаимных визитах британских и германских ветеранов. Представляется возможным проследить взаимосвязь между ключевыми событиями в двусторонних отношениях стран и визитами ветеранов. Уступки Лондона в пользу Германии вели к налаживанию ветеранских контактов. Когда в июне 1935 г. британское правительство заключило с нацистами морское соглашение, согласившись с увеличением военно-морских сил Германии, то произошёл фактический пересмотр важнейших статей Версальского договора о разоружении недавнего виновника мировой войны⁶⁷¹. И уже 15 июля 1935 г. в Берлине состоялась встреча А. Гитлера с представителями Британского легиона⁶⁷². Относительно деталей переговоров сохранялась строгая секретность как с британской, так и с германской сторон⁶⁷³.

Британские ветераны рассматривались канцелярией И. Риббентропа как целевая аудитория для пропаганды и установления дипломатических контактов. Британских легион в 1935 г. встретил это предложение с энтузиазмом⁶⁷⁴. Ветераны во время своего визита в германскую столицу посетили военный и морской парады, где нацисты продемонстрировали новейшие вооружения⁶⁷⁵. Любопытно, что британские ветераны, которые около 20 лет назад воевали с кайзеровскими солдатами, теперь наблюдали, как проигравшая сторона наращивает военную мощь для подготовки к новой агрессии, о масштабе которой миру ещё только предстояло узнать. С другой стороны, удивляет потворство

⁶⁷⁰ Sciarrino B. 'Soldiers of peace': the transnational activism of Romanian Great War veterans, 1920-1939 // Radovi Zavoda za hrvatskupoivijest Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. – 2018. – Vol. 50, № 1. – P. 217.

⁶⁷¹ Нота С. Хора, госсекретаря Великобритании по иностранным делам, фон Риббентропу, германскому послу по особым поручениям (Англо-германское военно-морское соглашение) (в сокращении). 18 июня 1935 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 73–74.

⁶⁷² Daily Mirror, London, England, 15 July 1935. – P. 1–2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000560/19350715/007/0001> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁷³ Western Daily Press, Bristol, England, 16 July 1935. – P. 12. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000513/19350716/117/0012> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁷⁴ Roland R. Annäherung an Frankreich im Dienste Hitlers?: Otto Abetz und die deutsche Frankreichpolitik 1930-1942. – Berlin, Boston : Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. – S. 135.

⁶⁷⁵ Leeds Mercury, Yorkshire, England, 8 July 1935. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000748/19350708/123/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

британского правительства, которое позволило создать предпосылки для будущего кровопролития. Это не мешало правящему классу говорить о «великих жертвах», «цене победы» и «долге перед страной и отечеством». Хотя само руководство Великобритании фактически вкладывало меч в ножны нацистов. Итак, свидетелями этого процесса стали ветераны, которые начинали сомневаться в перспективах достижения мира, так как Германия снова начала вооружаться. Германские ветераны войны также использовались нацистским режимом, чтобы ввести зарубежную общественность в заблуждение относительно своих истинных агрессивных планов: «Тысячи немцев приветствуют шествие делегатов Британского Легиона с государственным флагом к воинским захоронениям в Берлине»⁶⁷⁶. Газеты в те дни подчёркивали «впечатляющие сцены, когда Юнион Джек и германский флаг со свастикой стоят рядом и развеваются над берлинским отелем "Кайзерхоф", в котором находились делегаты Британского легиона и германские ветераны»⁶⁷⁷.

«Германцы идут сюда», – таким был кричащий заголовок вышедшей 19 июля 1935 г. лондонской газеты «Daily Herald», в которой сообщалось, что майор Фрэнсис Фетерстон-Годли во время пребывания в Германии пригласил немецких ветеранов войны принять участие в ежегодном конгрессе Британского легиона, что было встречено германской стороной с аплодисментами⁶⁷⁸. Официально утверждалось, что ветераны из «Стального шлема» посетят Великобританию в целях благотворительной деятельности и обмена опытом⁶⁷⁹. Сохранились материалы кинохроники об июльской встрече 1935 г. представителей Легиона с высшим руководством Германии (А. Гитлером, Г. Герингом, Р. Гессом). Ф. Фетерсон-Годли от лица британских ветеранов сказал следующее: «Мы, британцы, никогда не испытывали ненависти к людям, которые были на

⁶⁷⁶ Newcastle Evening Chronicle, Northumberland, England, 15 July 1935. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000726/19350715/007/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁷⁷ The Sphere, London, England, 27 July 1935. – P. 12. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0001861/19350727/012/0012> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁷⁸ Daily Herald, London, England, 19 July 1935. – P. 11. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000681/19350719/191/0011> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁷⁹ Belfast News-Letter, Antrim, Northern Ireland, 19 July 1935. – P. 14. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000038/19350719/263/0014> (дата обращения: 11.03.2025).

противоположной стороне окопов»⁶⁸⁰. «Мы надеемся превратить это уважение в дружбу и взаимопонимание, которые принесут мир нам и Европе⁶⁸¹», – продолжал закадровый голос слова Ф. Фетерсона-Годли. Долгое время он был видным представителем Британского легиона, членом комиссии, обосновывавшей расширение пенсионного законодательства для ветеранов, на его мнение ссылались члены парламента⁶⁸². Правомерно допустить, что часть ветеранского сообщества надеялась подобными контактами с бывшими врагами или потенциальными агрессорами предотвратить возникновение новых очагов войны. Однако подобные ожидания могли тут же разрушаться из-за известия о вторжении итальянских войск в Эфиопию в октябре 1935 года⁶⁸³.

Уже через год британская пресса будет с сожалением сообщать о репрессиях, обрушившихся в Германии на ветеранов войны еврейского происхождения: «Ветераны-евреи эмигрируют. Правительство Германии выдало разрешение на их выезд в другие страны»⁶⁸⁴. Однако очевидная дискриминация по национальному признаку ветеранов-евреев в нацистской Германии не помешала правительству Великобритании и Легиону продолжать сотрудничество с фашистами. В целом перспектива налаживания контактов с бывшими врагами в начале 1920-х гг. вызывала сомнения и неприязнь у британских ветеранов уже во время первых встреч делегатов британских организаций⁶⁸⁵.

Такой дуализм восприятия Германии мог быть связан с тем, что в британском обществе, включая ветеранов, были сильны пацифистские настроения и стремление избежать повторения ужасов Первой мировой войны. Это делало многих восприимчивыми к идеям примирения с Германией, даже нацистской.

⁶⁸⁰ British Legion With Hitler // AP Newsroom. – URL: <https://newsroom.ap.org/editorial-photos-videos/detail?itemid=270be2fb612842729a7d91af19db2266&mediatype=video&source=youtube> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶⁸¹ Ibidem.

⁶⁸² Ex-Service Men (Pensions) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 3 June. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/jun/03/ex-service-men-pensions> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶⁸³ Alcalde A. Op. cit. – P. 268.

⁶⁸⁴ Leeds Mercury, Yorkshire, England, 30 March 1936. – P. 3. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000748/19360330/039/0003> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁸⁵ Winter J. Soldiers' reconciliation: René Cassin, the International Labour Office, and the search for human rights // Reconciliation, civil society, and the politics of memory: transnational initiatives in the 20th and 21st century / ed. by Schwelling, B. – Bielefeld : Transkript-verlag, 2012. – P. 107.

Лорд Лотиан, выступая против бойкота Германии из-за антисемитизма, заявлял: «Я не верю, что индивидуальные протесты в существующих обстоятельствах возымеют какой-либо эффект, кроме как успокоят нашу собственную совесть»⁶⁸⁶. Он и другие считали, что лучший способ повлиять на Германию – это вовлечение в диалог, а не изоляция, которая могла бы привести к войне.

Не стоит недооценивать фактор целенаправленной германской пропаганды. Нацистские пропагандисты знали о существовании определенных групп, с которыми было выгодно устанавливать контакты: ветераны позитивно воспринимали апелляцию к духу товарищества; летчики особенно испытывали чувство братства со своими коллегами в Германии⁶⁸⁷.

В краткой дневной хронике 26 октября 1936 г. «Пате-журнал» поместил сюжет о том, как военное судно «Германия» прибыло в Саутгемптон, на борту которого были герцог Саксен-Кобургский (президент Объединения германских фронтовиков, президент германского Красного Креста, сторонник евгеники, член НСДАП) и немецкие ветераны войны. В кадр попали их рукопожатия с представителем Британского легиона. Диктор сообщал, что в рамках визита немецкие ветераны примут участие в официальных обедах и будут наблюдать за деятельностью Британского легиона, доказывая, что старые враги стали теперь старыми друзьями – это явно указывало на укрепление германофильских настроений британских ветеранов⁶⁸⁸.

Как раз в 1936 г. был зафиксирован пик подобной активности: «Британский легион сделал жест дружбы бывшим военным врагам Великобритании, легионеры посетили различные учреждения, места памяти в Германии, Австрии и в других странах»⁶⁸⁹. Некоторые высокопоставленные офицеры стремились использовать в частном порядке благоприятную международную обстановку, чтобы путём налаживания личных контактов с нацистами, создать условия для выстраивания

⁶⁸⁶ Griffiths R. Op. cit. – P. 50.

⁶⁸⁷ Ibid. P. 12.

⁶⁸⁸ News in a Nutshell (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43165/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶⁸⁹ Northern Whig, Antrim, Northern Ireland, 14 October 1936. – P. 3. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0001542/19361016/050/0003> (дата обращения: 11.03.2025).

союзнических отношений с Берлином. Так, капитан Б. Домвил (организатор «The Link»), симпатизировавший нацистам, был сторонником сближения с Германией, что доподлинно сумела установить MI5 уже в середине 1930-х годов⁶⁹⁰. Б. Домвил, придерживаясь антисемитских взглядов⁶⁹¹, недооценивал реальные цели А. Гитлера и верил в искренность германской пропаганды⁶⁹², а как представитель обеспеченного класса имел опасения потерять своё материальное положение в случае войны с Германией⁶⁹³.

Уникальным событием, запечатлённым «Пате-журналом», стала встреча ветеранов четырнадцати государств, состоявшаяся летом 1937 г. на Олимпийском стадионе в Берлине: «100 тысяч ветеранов, сражавшихся по обе стороны в войне 1914-1918 гг., собрались в честь годовщины 4 августа 1914 г. и показали, что, несмотря на память об этой дате, дух вражды исчез⁶⁹⁴», – сообщал диктор. С одной стороны, международные контакты ветеранских организаций в межвоенное время были распространённым явлением. В их рамках ветераны совершали поездки к местам массовых захоронений, полям бывших сражений, вспоминали павших товарищей. С другой стороны, в отношении подобных контактов с представителями ветеранских организаций Германии в 1935 г. нужно учитывать, что речь шла о стране, в которой была установлена нацистская диктатура, не скрывавшая своих агрессивных планов в отношении соседей.

С учётом открытых заявлений германских руководителей миролюбивые цели подобных контактов могут вызывать объективные сомнения. Основанием для них являются факты выхода Германии из Лиги Наций и отказа от политики разоружения. Повторим, что 18 июня 1935 г. было подписано англо-германское морское соглашение, которое, по сути, перечёркивало итоги Первой мировой войны в отношении демилитаризации Германии. Активно развивались контакты

⁶⁹⁰ Security Service. Personal file: Admiral Sir Barry Domville: [British naval officer and founder of pro-Nazi organization "The Link"] / MI5. – 1916 February 10 – 1940 October 30. – (KV 2/834/02). P. 100 – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11050145> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶⁹¹ Searle A. Op. cit. – P. 191.

⁶⁹² Ibid. P. 193.

⁶⁹³ Ibid. P. 201.

⁶⁹⁴ Old comrades day in Berlin (1937) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43656/> (дата обращения: 14.08.2025); Alcalde A. Op. cit. – P. 281.

на уровне неофициальных визитов представителей власти. Например, в июле 1938 г. У. Черчилль уверял данцигского гауляйтера А. Форстера в том, что Великобритания не возражает против расширения сферы влияния Германии в Дунайском бассейне⁶⁹⁵. И на таком дипломатическом фоне стали налаживаться контакты между британскими и германскими ветеранами. Частые визиты действующих военнослужащих и ветеранов войны в иностранные государства следует расценивать как миссию доверенных лиц для обсуждения каких-либо вопросов, поскольку именно летом 1935 г. и осенью 1938 г. были подписаны важнейшие дипломатические соглашения, касающиеся сохранения баланса сил в Европе.

29 сентября 1938 г. британское министерство иностранных дел сочло необходимым передачу Судетской области Германии, заключив с ней, Францией и Италией Мюнхенское соглашение⁶⁹⁶. После него 30 сентября 1938 г. была подписана англо-германская декларация, где провозглашалось стремление двух народов содействовать обеспечению мира в Европе⁶⁹⁷.

Как раз накануне «Мюнхенского сговора» германские ветераны из организации «Стальной шлем» посетили Великобританию в составе самой многочисленной делегации (800 человек), когда-либо отправлявшейся из Германии⁶⁹⁸, что позже получило освещение в статье «Gloucester Citizen» от 5 октября 1938 г. Ранее издание «Aberdeen Press and Journal» сообщало, что 5 июня 1938 г. германские ветераны впервые приняли участие в конференции Британского легиона, которая открылась в Ньюкасле⁶⁹⁹. На этом мероприятии германскую делегацию возглавлял генерал-майор и ветеран Первой мировой войны Вильгельм Рейнхард, который, как сообщала газета «Belfast News-Letter»,

⁶⁹⁵ Памятная записка Черчилля о беседе с руководителем данцигских фашистов Ферстером 14 июля 1938 г. // Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. I. Ноябрь 1937–1938 гг. : Из Архива Министерства Иностранных Дел Германии / М-во иностр. дел СССР. – Москва : Политиздат, 1948. – С. 159–163.

⁶⁹⁶ Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией (Мюнхенский сговор). 29 сентября 1938 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 86–88.

⁶⁹⁷ Англо-германская декларация, 30 сентября 1938 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 88.

⁶⁹⁸ Gloucester Citizen, Gloucestershire, England, 3 October 1938. – P. 5. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000325/19381003/015/0005> (дата обращения: 11.03.2025).

⁶⁹⁹ Aberdeen Press and Journal, Aberdeenshire, Scotland, 6 June 1938. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000577/19380606/075/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

являлся руководителем «Союза бывших германских военнослужащих»⁷⁰⁰. Такие визиты, исходя из имеющихся исторических фактов, можно расценивать не иначе как попытки налаживания дипломатических каналов.

Поэтому, вероятнее всего, в ветеранском сообществе (в широком смысле) Великобритании в 1930-е гг. появились различные группировки. Одни были полностью лояльны власти, разделяя её отношение и к исторической памяти о Первой мировой войне и не противодействуя активным контактам с фашистскими государствами, каким являлась гитлеровская Германия. Другие же в период бушевавшего экономического кризиса выражали протест против действий правительства, но к середине 1930-х гг. стали маргиналами в идейном отношении.

Осмысляя вероятные задачи международных контактов ветеранов, возникает гипотеза о том, что британские организации могли предотвратить развязывание новой войны, найдя «точки соприкосновения» с германскими ветеранами, основываясь на общем опыте пережитой «Великой войны». Эти взаимодействия могли бы воплотиться в жизнь с помощью мощных ветеранских антивоенных и антифашистских движений в самой Германии. Однако опровергнуть такое предположение можно тем фактом, что в самой Великобритании существовали фашистские силы. И интересно то, что некоторые лидеры Британского легиона были либо фашистами по убеждениям, либо состояли в фашистских организациях (БСФ), либо напрямую поддерживали фашистов в Германии. Одновременно в середине 1930-х гг. появлялись размышления о невозможности установления фашизма как государственного режима в Великобритании⁷⁰¹. Вместе с тем к 1939 г. резко сократилось число контактов британских ветеранских организаций с Германией и увеличилось с Францией. В целом сотрудничество Великобритании с Францией не прекращалось в сфере политики памяти о «Великой войне». Оно поддерживалось на протяжении 1930-х гг. и было связано общими мероприятиями, парадами,

⁷⁰⁰ Belfast News-Letter, Antrim, Northern Ireland, 8 June 1938. – P. 13. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000038/19380608/291/0013> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷⁰¹ Richmond Herald, London, England, 17 August 1935. P. 8. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0004049/19350817/095/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

встречами, паломничествами. Делегации Британского легиона посещали Францию для участия в поминовении умерших ветеранов войны⁷⁰².

В хранящемся в Национальном архиве Соединённого Королевства частном письме британского посла во Франции Эрика Фиппса от 12 ноября 1937 г., адресованном Роберту Ванситарту и Александру Хардинджу, сообщалось о приближающихся важных событиях в Париже⁷⁰³: 18 ноября – благотворительный бал в поддержку Британского легиона, 3 декабря – ежегодный банкет Британского легиона⁷⁰⁴. Сам автор, являвшийся важной фигурой в дипломатии, был знаком с А. Гитлером и, активно сотрудничая с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне, влиял на её оценку как союзника со стороны британского руководства.

Э. Фиппс информировал о примерно 26 важных персонах, которые должны были появиться на первом мероприятии. Важнейшие среди них были следующие: французский генерал А. Гуро, командовавший войсками во время Дарданелльской операции 1915 г., в Шампани, в Марокко и разгромивший Эльзасскую Советскую республику; герцог и герцогиня Виндзорские; французский генерал М. Вейган, командовавший в наступлении на Сомме и возглавлявший штаб Ф. Фоша в конце войны. На декабрьском банкете ожидали британского маршала Джорджа Милна⁷⁰⁵, упомянутых М. Вейгана и А. Гуро, о чём адресатов письма просили уведомить короля Георга VI.

Важно отметить, что одним из адресатов Э. Фиппса был главный дипломатический советник британского правительства Р. Ванситарт, который выступал против политики умиротворения и являлся автором концепции, в которой Германия всегда в истории выступала в качестве милитаристской

⁷⁰² The Scotsman, Midlothian, Scotland, 25 November 1935. – P. 16. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000540/19351125/167/0016> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷⁰³ Foreign Office. Telegram from the Duke of Windsor regarding the British Legion ball in Paris / Duke of Windsor. – 1937, November 12. – (FO 954/33A/170). P. 1 – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6569253> (дата обращения: 14.08.2025).

⁷⁰⁴ Ibidem.

⁷⁰⁵ Дж. Милн – заслуженный командующий, воевавший во Франции, на Салоникском фронте, участвовавший в интервенции в Россию в Северном Причерноморье и на Кавказе; с 1933 г. был в отставке.

державы и агрессора. В 1930-е гг. он утверждал, что необходимо сближение с Францией против усиливающейся в Европе Германии⁷⁰⁶.

Другим адресатом был А. Хардиндж – ветеран войны, личный секретарь королей Эдуарда VIII в 1936 г. (герцога Виндзорского) и Георга VI в 1936-1943 годах⁷⁰⁷. Присутствие на этом мероприятии герцога Виндзорского вызывает вопросы, поскольку бывший король Великобритании склонен был укреплять связи с Германией, а не Францией. Ещё в начале октября 1937 г. герцог был в Германии, где встречался с А. Гитлером, посетив ряд воинских частей. Такой визит Эдуарда с супругой в значительной мере скомпрометировал их, как и других видных британцев, которые посещали Германию накануне Второй мировой войны⁷⁰⁸.

Обращает на себя внимание также факт демонстрации открытых симпатий в 1930-е гг. к нацистскому режиму бывшими высокопоставленными британскими военными. Так, командовавший в годы войны Средиземноморскими экспедиционными силами Ян Гамильтон, став после её окончания президентом шотландского отделения Британского легиона, активно участвовал в различных мероприятиях, связанных с ветеранским движением: проводил смотры, митинги, возглавлял памятные акции, выступал с речами⁷⁰⁹, приглашался для съёмок документального фильма о войне («Забытые люди: какой была война», 1934 г.). Также он часто участвовал в мероприятиях Южноафриканской военной ассоциации, где Ян Гамильтон уверял ветеранов в важности следования служебному долгу военными⁷¹⁰. Следуя общей политике нейтралитета Британского легиона, он в феврале 1932 г. на ежегодной конференции столичного отделения сделал следующее заявление: «У нас нет партийной политики, но мы

⁷⁰⁶ Roi M. *Alternative to appeasement: Sir Robert Vansittart and alliance diplomacy, 1934–1937*. – Westport : Greenwood, 1997. – P. 128–130.

⁷⁰⁷ Vickers H. *Hardinge, Alexander Henry Louis, second Baron Hardinge of Penshurst (1894-1960), private secretary to Edward VIII and George VI* // *Oxford Dictionary of National Biography*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – URL: <https://www.oxforddnb.com/display/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-33702> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷⁰⁸ Трухановский В. Г. Указ. соч. – С. 261.

⁷⁰⁹ Somerset Standard Somerset, England, 10 June 1932. – P. 8. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002679/19320610/116/0008> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷¹⁰ The Scotsman, Midlothian, Scotland, 25 November 1929. – P. 11. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000540/19291125/119/0011> (дата обращения: 11.03.2025).

способны полностью изменить общее число голосов Легиона и его друзей»⁷¹¹. Так, один из виднейших представителей ветеранской организации признавал, что де-факто политическая позиция у Легиона существовала. Одновременно Ян Гамильтон поддерживал тесные контакты с высшим руководством «Третьего Рейха». В октябре 1938 г. за его авторством вышла статья «Я знаю Гитлера»⁷¹². Такое красноречивое название появилось после визита в Берхтесгаден в августе 1938 г., когда Ян Гамильтон посетил фюрера, будучи приглашённым в так называемый «чайный домик» А. Гитлера⁷¹³.

Любопытным является и тот факт, что данный визит происходил на фоне развернувшегося Судетского кризиса. Окончательное его разрешение произошло в результате подписания 30 сентября 1938 г. Мюнхенского соглашения, а за месяц до того – 22 августа Ян Гамильтон выступил с заявлением о миролюбии А. Гитлера: «Германия решительно выступает за мир и, как наши пацифисты, готова бороться за него!»⁷¹⁴. В ретроспективном взгляде из XXI века, с учетом знаний о событиях 1920-х – 1930-х гг., уподобление гитлеровской Германии пацифистам выглядит более, чем кощунственно. В декабре 1938 г. парламентарии с беспокойством замечали, что с сентября уже могла начаться новая мировая война⁷¹⁵.

Мы смогли убедиться в том, что видный деятель ветеранского движения использовался правительством Великобритании для налаживания дипломатических каналов с руководством гитлеровской Германии, последствием которого стал переход политики умиротворения агрессора в свою финальную стадию. С учётом известных фактов и взаимосвязанных обстоятельств вокруг событий Судетского кризиса было бы неправильно считать действия Яна

⁷¹¹ Daily News (London), London, England, 22 February 1932. – P. 3. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0003214/19320222/055/0003> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷¹² The Scotsman, Midlothian, Scotland, 18 October 1938. – P. 16. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000540/19381018/150/0016> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷¹³ Liverpool Daily Post, Lancashire, England, 6 August 1938. – P. 7. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000650/19380806/007/0007> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷¹⁴ West Briton and Cornwall Advertiser, Cornwall, England, 22 August 1938. – P. 4. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000349/19380822/004/0004> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷¹⁵ Foreign policy // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 19 December. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/dec/19/foreign-policy> (дата обращения: 14.08.2025).

Гамильтона инициативой частного лица. Вернее будет утверждать, что часть лидеров ветеранского движения (и в частности, Британского легиона) встала на путь поддержки фашистов.

Таким образом, Британскому легиону удалось создать условия для организации неформальных переговоров официальных лиц, известных ветеранов войны, действующих армейских генералов. Подобные встречи могли выполнять задачи предварительных договорённостей сторон, и контакты между ветеранами стали важным элементом дипломатии, благодаря которому эти переговоры стали возможными.

Во время Судетского кризиса 1938 г. правительство Великобритании в письме от 27 сентября 1938 г., предлагая посредничество между Германией и ЧСР, сообщило о возможности использовать Британский легион, войска и наблюдателей⁷¹⁶. Это же сообщение британское посольство отправило в МИД Франции⁷¹⁷. Материалы периодической печати позволяют выяснить некоторые подробности попытки этого уникального использования Британского легиона. Так, к 10 октября 1938 г. с благословения короля Георга VI на базе ветеранской организации наспех была сформирована Добровольческая полиция Британского легиона, которая готовилась к отправке морем в Чехословакию в районы проведения плебисцитов в Судетской области, установленные Мюнхенским соглашением⁷¹⁸. Эти сведения подтверждаются многочисленными сообщениями прессы за 8-12 октября 1938 г. В целом события вокруг Судетского кризиса стали самой обсуждаемой новостью октября 1938 г. «Пате-журнал» выпустил 10 октября того же года киносюжет о подготовке ветеранов Британского легиона к

⁷¹⁶ Письмо правительства Великобритании правительству ЧСР. 27 сентября 1938 г. // Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. Т. 1. Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – Москва : Политиздат, 1981. – С. 225.

⁷¹⁷ Меморандум посольства Великобритании во Франции в министерство иностранных дел Франции. 27 сентября 1938 г. // Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. Т. 1. Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – Москва : Политиздат, 1981. – С. 227.

⁷¹⁸ Northern Whig. Antrim, Northern Ireland, 10 October 1938. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001542/19381010/162/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

службе в невооружённых отрядах полиции Чехословакии; сообщалось, что они собрались в музей Олимпия в Лондоне, чтобы дать присягу⁷¹⁹.

Также утверждалось, что авангард добровольцев Британского легиона рано утром 10 октября вылетел на самолёте из Лондона в Прагу⁷²⁰. Однако к 21 октября большинство изданий сообщило о том, что полицейские силы Легиона, ожидавшие отправки на двух кораблях в устье Темзы, были расформированы⁷²¹. Так безрезультатно, к общему разочарованию британской общественности, завершились попытки крупнейшей ветеранской организации Великобритании выступить в роли международных полицейских сил за пределами страны. Тем не менее, не будем забывать о роли Яна Гамильтона, участвовавшего в переговорах с А. Гитлером накануне Судетского кризиса, и итогах «Мюнхенского сговора». В то же время, инициатор политики «умиротворения» Н. Чемберлен 1 ноября в парламенте подчёркивал важную роль Легиона, который «великодушно предложил помощь»: «члены Британского легиона проявили бы себя в мирное время так же, как они проявляли себя на войне»⁷²².

Начиная с Мюнхенского соглашения 1938 г., британские политики всё более подчёркивали исторические параллели кануна 1914 г., указывая на рост германского влияния. Лейборист Клемент Эттли, который участвовал в Дарданелльской операции 1915-1916 гг., напомнил об уроках 1914-1918 гг. и экономическом аспекте противостояния: «Она [Германия – В.И.] может атаковать наши рынки по всему миру»⁷²³.

После Мюнхена внешняя политика Великобритании стала подвергаться обоснованной критике со стороны депутатов парламента. Либерал Арчибальд Синклер, офицер, воевавший на Западном фронте, говорил о недопустимости новой войны. «Достопочтенный джентльмен говорит, что рано или поздно нам

⁷¹⁹ British Legion muster - Olympia (1938) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/45595/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁷²⁰ Gloucester Citizen. Gloucestershire, England, 10 October 1938. – P. 12. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000325/19381010/089/0012> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷²¹ Chelmsford Chronicle. Essex, England, 21 October 1938. – P. 2. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000516/19381021/015/0002> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷²² International situation // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 1 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/01/international-situation> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷²³ Ibidem.

придётся вступить в войну. Что ж, я бы предпочёл, чтобы это случилось позже. Я принадлежу к поколению, которому пришлось вынести на своих плечах всю тяжесть этих отложенных войн»⁷²⁴. Политик обратился к теме погибших на войне: «Мы потеряли тогда миллион жизней, а тысячи мужчин, искалеченных той войной, до сих пор влечат свои жалкие, мучительные дни в наших госпиталях». Вместе с этим он критиковал недостаточность мер Лиги Наций по урегулированию международных конфликтов⁷²⁵.

В ответ на речь короля в парламенте 10 ноября 1938 г. политики становились на антивоенные позиции, подчёркивая, что ветераны не хотят снова сражаться друг с другом. Критикуя официальную пропаганду начального периода войны, депутаты высказывали следующее: «Люди, оказавшиеся на краю пропасти, увидели, как она [война – В.И.] выглядит: они увидели бурлящие внизу воды, и все решили, что война – это не очень весело»⁷²⁶.

Правящие круги Великобритании отдавали себе полный отчёт в том, что гитлеровская военная машина будет двигаться в направлении Восточной и Юго-Восточной Европы, стремясь завоевать «жизненное пространство» и уничтожить оплот социалистического движения в лице СССР⁷²⁷. Так, британский коммунист Уильям Галлахер, известный своей антивоенной деятельностью в годы Первой мировой войны, обратился 10 ноября 1938 г. (накануне Дня Перемирия) к представителю Министерства иностранных дел в Палате общин Ричарду Батлеру с провокационным вопросом: «следует ли рассматривать книгу А. Гитлера «Моя борьба»⁷²⁸ в качестве официальной программы правительства Германии?»⁷²⁹. В известной работе «Мировой кризис», последняя часть которой вышла в 1931 г.,

⁷²⁴ Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 8 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/08/debate-on-the-address> (дата обращения: 14.08.2025).

⁷²⁵ Ibidem.

⁷²⁶ Address in reply to His Majesty's most gracious speech // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 10 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1938/nov/10/address-in-reply-to-his-majestys-most/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁷²⁷ Поздеева Л. В. Указ. соч. – С. 250.

⁷²⁸ Книга А. Гитлера «Моя борьба» включена в Российской Федерации в Список экстремистских материалов.

⁷²⁹ Great Britain and Germany // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 10 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1938/nov/10/great-britain-and-germany> (дата обращения: 14.08.2025).

Уинстон Черчилль писал, что Германия фактически была превращена в «бастион против России»⁷³⁰.

Оккупация вермахтом в марте 1939 г. остатков «второй Чехо-Словакии» несколько отрезвила британских политиков, ставших раздавать в спешном порядке гарантии безопасности ряду восточноевропейских государств. Начиная с мая 1939 г., британская пресса стала освещать только визиты французских ветеранов в Великобританию. В статье издания «Cambridge Daily News» под заголовком «Французский генерал и сто офицеров» сообщалось, что «старые воины Британского легиона встретили группу французских ветеранов, которая затем посетит Портсмут, Бирмингем, Лондон и другие города»⁷³¹. В конце июня 1939 г. парламентарии, включая ветеранов войны, обсуждали новый закон о военной подготовке, анализируя недостатки и опыт участия в войне 1914-1918 годов⁷³². В день главного государственного праздника Франции, по сообщению «Liverpool Evening Express», британские войска участвовали в «величайшем параде вооружённых сил в Париже со времён марша победы после Великой войны»⁷³³. А 7 августа 1939 г., когда до начала Второй мировой войны оставалось три недели, «Пате-журнал» с чувством глубокого удовлетворения констатировал, что британские войска в годовщину начала «Великой войны» продемонстрировали всю свою мощь, а закадровый голос под аккомпанемент торжественной музыки восторженно сообщал: «Британия готова»⁷³⁴. В тот же день все британские газеты, включая «Yorkshire Post and Leeds Intelligencer», сообщили об ответном визите Британского легиона в составе 1100 человек во Францию⁷³⁵.

⁷³⁰ Трухановский В. Г. Указ. соч. – С. 267-268.

⁷³¹ Cambridge Daily News, Cambridgeshire, England, 12 May 1939. – P. 1. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000758/19390512/017/0001> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷³² Military Training Act 1939 // Historic Hansard. – UK Parliament, 1939. – 21 June. – URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1939/jun/21/military-training-act-1939-1#S5CV0348P0_19390621_HOC_628 (дата обращения: 14.08.2025).

⁷³³ Liverpool Evening Express, Lancashire, England, 14 July 1939. – P. 1. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000771/19390714/006/0001> (дата обращения: 11.03.2025).

⁷³⁴ Remembering the First world war (1939) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/167404/> (дата обращения: 14.08.2025).

⁷³⁵ Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, Yorkshire, England, 7 August 1939. – P. 6. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000687/19390807/155/0006> (дата обращения: 11.03.2025).

Таким образом, к концу межвоенного периода Британский легион превратился из субъекта, формировавшего историческую память, в важный ресурс государственной власти. Его международные контакты и авторитет использовались для легитимации внешнеполитического курса правительства, будь то умиротворение Германии или укрепление союза с Францией накануне новой войны.

Несмотря на наличие в среде ветеранов и внутри самого Легиона антивоенных, а иногда и антифашистских настроений (поддержка республиканской Испании, критика гонки вооружений), организация в целом не стала значимой самостоятельной силой, способной противостоять курсу правительства. Её руководство в основном было лояльно институтам власти, а антивоенные голоса оставались разрозненными и были в итоге оттеснены на задний план.

Международная деятельность Британского легиона по увековечиванию памяти о Первой мировой войне (паломничества, встречи с союзниками по Антанте) изначально носила пацифистский и примиренческий характер. Однако в контексте 1930-х гг. эта же риторика «примирения бывших врагов» была переориентирована на оправдание сближения с нацистской Германией, что обесценивало подлинные антивоенные уроки «Великой войны».

Внешнеполитическая деятельность Британского легиона в межвоенный период наглядно иллюстрирует, как крупная общественная организация с мощным мемориальным и моральным капиталом была постепенно интегрирована в государственную машину и использована для продвижения официального курса, ключевым элементом которого в 1930-е гг. стало умиротворение фашистских агрессоров, а не их сдерживание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что по окончании Первой мировой войны британское правительство, столкнувшись с угрозой революционных потрясений, стало проявлять крайнюю заинтересованность в укреплении легитимности своей власти и отвлечении внимания населения от ряда острых социально-экономических трудностей. Консолидирующим королевскую династию и британский народ средством должно было стать помпезное почитание павших в «Великой войне», сопровождавшееся возведением воинских мемориалов в Великобритании и за её пределами. Ценностный смысл заложенной британскими властями традиции сводился к возведению массовой гибели военнослужащих в ранг принесенной народом на алтарь победы искупительной жертвы. Основная суть выявленной в диссертационном исследовании закономерности, относящейся к генезису и эволюции официальной коммеморации Первой мировой войны в Великобритании в межвоенные годы, сводится к их трактовке, следуя марксистской традиции, как «надстроечных» явлениях, производных от основательно расшатанного войной экономического фундамента.

В Великобритании 1930-х гг. наследие Первой мировой войны стало полем битвы различных исторических нарративов. Официальная британская историческая наука, политические элиты активно работали над ментальной моделью «Великой войны», изображая Великобританию не поджигателем конфликта, а державой, сражавшейся за высокие национальные интересы. Империалистические устремления подвергались справедливой критике в обществе, что правительство видело важной проблемой. Депутаты парламента, видные офицеры, писатели-фронтовики, публицисты сходились в оценке жестокой сущности войны, считали недопустимым её повторение. Однако некоторые идеализировали её положительный опыт: формирование духа боевого братства, сплочённости слоёв общества, консолидирующее воздействие на нацию.

В период временной стабилизации капитализма насаждение в обществе приемлемого для британского правительства образа Первой мировой войны

средствами исторической политики не вызывало у него серьезных затруднений. Голоса противников войны среди ветеранов пока ещё тонули в хоре восторженных её сторонников, что отвечало интересам правящих кругов Великобритании, вступившими в военно-политическое и идеологическое противоборство с СССР.

Великая депрессия стала водоразделом циркулировавших в британском обществе нарративов Первой мировой войны. Нарушив размеренный ритм британской экономической и политической жизни, бедствие международного масштаба запустило в нём процесс переосмысления её важнейших последствий. В передних его рядах были писатели-фронтовики, которые в своих автобиографических и художественных произведениях сходились в осуждении Первой мировой войны как кровавой и бессмысленной бойни. В том же идейном русле на страницах близкой к лейбористам периодической печати стали распространяться противоречившие официальной трактовке войны ветеранские нарративы.

Ветеранский антивоенный нарратив о Первой мировой войне стал к окончанию Великой депрессии активно вытесняться государственной идеологией, что во многом разнилось с реальными представлениями фронтовиков о «Великой войне», чему было достаточно заметное сопротивление. Оно выражалось в подъёме антивоенного и антифашистского движений, которые отчасти преследовали цель изменить существующий политический порядок, с одной стороны, а с другой – выступали в качестве идейного наследия тех фронтовиков, которые не желали повторения такого масштабного кровопролития.

В британском обществе явно проявились противоречия, где фашистские деятели, поджигатели войны, сторонники милитаризма подвергались критике, что свидетельствовало о нарастании общественного недовольства такими тенденциями.

Представления ветеранов о «Великой войне» не смогли переплавиться в монолитную идеологию. На динамику исторической памяти влияла политика государства, в основе которой лежали интересы крупных собственников,

стремившихся закамуфлировать экономические цели Первой мировой войны, чему активно сопротивлялись писатели-фронтовики и активисты антивоенных движений. Носителями же смешанных нарративов памяти были участвовавшие в войне 1914-1918 гг. члены Британского парламента, которые твёрдо отстаивали в годы Великой депрессии важность достойного социального обеспечения ветеранов, физически и душевно искалеченных на войне и честно исполнивших свой воинский долг перед страной.

Тем не менее, тенденция к продолжению идеализации войны стала в 1930-е гг. ведущей лишь для официальных церемоний. В большинстве нарративов война 1914-1918 гг. запомнилась жестокой, бессмысленной, кровавой трагедией, травмировавшей целое поколение британцев. Вернувшиеся из окопов фронтовики вспоминали кровавые картины и непрекращающееся ожидание смерти, растянувшееся в позиционном противостоянии. Близкие родственники участников войны, особенно лишившихся кормильцев, не скрывали своего негативного отношения к героическим нарративам официальной пропаганды.

Однако образы Первой мировой войны 1930-х гг. содержали в себе «родимые пятна» ореола жертвенности, которую британское общество пронесло в себе через весь межвоенный период. Героизация войны взяла верх среди правых сил, которые попытались вовлечь в свою орбиту и представителей ветеранских организаций. Некоторые участники войны 1914-1918 гг., становившиеся на позиции фашизма, вовлекались в различные радикальные организации, деятельность которых правительство почти не ограничивало. Однако исследованием был выявлен и круг тех участников войны, которые, прямо не заявляя о своей приверженности левым революционным силам, занимали в отношении неё последовательную обличительную позицию. В суждениях о войне ветеранов, симпатизировавшим левым силам, содержались осуждение её антинародного характера, лицемерия политиков и нескрываемые нападки на социально-экономический строй Великобритании, который, по их глубокому убеждению, сделал войну неизбежной. Проведенное исследование демонстрирует, что изучение «войны памяти» межвоенного периода невозможно

без анализа социально-экономического базиса и столкновения классов, что открывает новые перспективы для сравнительного исследования механизмов консолидации капиталистических обществ в условиях острейших политических и идеологических вызовов.

Являясь крупнейшей ветеранской организацией, Британский легион отличался неоднородным составом, затрудняющим установление её реальной численности. Наряду с ветеранами войны он включал действующих военнослужащих и гражданских лиц. Это, в свою очередь, стало в 1930-е гг. причиной усилившихся опасений ветеранов, что верх в организации возьмут кадровые военные, которые будут сосредоточены на защите своих профессиональных интересов. Легион из-за относительно небольшой его численности объективно не мог претендовать на охват своим влиянием всех участников войны на национальном и региональном уровнях. Большое значение в 1930-е гг. приобрела деятельность региональных отделений Легиона, направленная на расширение его рядов.

В течение 1930-х гг. в парламенте вопрос о достойном обеспечении ветеранов не сходил с повестки вплоть до начала Второй мировой войны, что свидетельствует о незаинтересованности правительства в заботе о героях нации. Это доказывает несостоятельность официального мифа о сплочении общества и правительства – одного из ключевых нарративов Первой мировой войны, к которому так часто обращались видные политические и государственные деятели, представители высшего офицерства и правительства.

Деятельность ветеранов в 1930-е гг., в частности, представителей Британского легиона, была разнообразной по своим направлениям. Легион был лоббистом социально-экономических требований ветеранов войны; отдельные его члены, являвшиеся видными фигурами в парламенте, выносили на суд общественности острые социальные проблемы, стоявшие перед британским правительством, и затрагивавшие благополучие участников войны.

Рассказать об отношении всех ветеранов Великобритании к обществу, в котором они жили, боролись за свои социальные права и умирали, не дождавшись

обещанного, не получится. Но сформированная и изученная нами выборка позволяет прийти к выводу о широком разочаровании ветеранов в том, ради чего они испытали тяготы «Великой войны». Ветеранские сообщества в усугубившейся в связи с кризисом социально-экономической обстановке стремились выработать различные способы социальной поддержки инвалидов войны, вдов, сирот и престарелых родителей фронтовиков, оказавшихся в тяжелом материальном положении. Практиковавшиеся Британским легионом формы социальной поддержки ветеранов войны и членов их семей не способствовали, тем не менее, в полной мере облегчению их тягот, поскольку ему не удалось вовлечь в свои ряды большинство из них, а сами ветераны больше были поглощены решением насущных бытовых проблем.

Массовое движение социального протеста, развернувшееся в Великобритании в годы мирового экономического кризиса, было успешно нейтрализовано благодаря богатому опыту британских институтов власти в области социальной демагогии и с оглядкой на революционный пример России 1917 г. Левый активизм не был для британских ветеранов самостоятельным явлением: чаще они действовали в составе крупных социальных движений или приводились в действие политическими активистами. Имеет смысл говорить об ограниченности левого активизма, поскольку, несмотря на наличие видных фигур ветеранов-коммунистов (М. Дэвидсон) и участие в таких событиях как «битва на Кейбл-стрит», левые силы не смогли предложить ветеранам целостной альтернативной программы, которая соединяла бы их социально-экономические требования с последовательной антиимпериалистической и антикапиталистической повесткой. Их протест часто оставался в рамках морального осуждения войны, не перерастая в организованное движение за изменение общественного строя.

Демонстративные акции единения монархии с народом, реализация умеренных по своему характеру социальных программ, сохранение имперского величия, представление о «благородной» роли Великобритании в войне, активная пропаганда верности Отечеству, умелое лавирование между нарративами

исторической памяти – всё это служило одной единственной цели обеспечения лояльности ветеранских масс. Британские институты власти, используя механизмы «управляемой лояльности» (ритуалы памяти, ограниченные социальные программы, допущение критики в парламенте и прессе), сумели направить потенциально взрывоопасный протестный потенциал ветеранов в управляемое русло легального лоббирования (через Британский легион) или маргинализировать его. Инвергордонское восстание 1931 г. стало исключением, подтверждающим правило – оно было подавлено и не переросло в общенациональное движение. Анализ деятельности британских ветеранов показывает, что они не стали аналогом революционных солдатских масс, как это было в России в 1917 г. Причины этого кроются не только в эффективности государственной политики, но и в особенностях посттравматического сознания самих фронтовиков, для которых после пережитых ими ужасов позиционной войны ценностью становилась не революционная борьба, а стабильность и «нормальная жизнь», что делало их восприимчивыми к консервативным и националистическим нарративам.

Исторический парадокс положения британского общества выразился в том, что наиболее последовательные антивоенные и антифашистские позиции занимали именно ветераны-коммунисты и левые активисты, осознававшие империалистическую сущность как Первой мировой войны, так и надвигающейся Второй. Однако их радикализм отталкивал основную массу ветеранов, что сделало левый фланг ветеранского движения идейно последовательным, но социально ограниченным, неспособным переломить общую тенденцию интеграции ветеранов в систему буржуазного государства накануне новой мировой войны. Поэтому протестная активность ветеранов, несмотря на свои «влеты» и «падения» в 1930-е гг., оказалась структурно зависимой от логики развития капиталистической системы – она либо встраивалась через механизмы символического признания и ограниченных реформ, либо маргинализировалась, не сумев преодолеть разрыв между социальным недовольством и революционной программой.

Идейное разобщение, которое было свойственно и политическим силам, и ветеранам Великобритании 1930-х гг., не позволило выступить единым фронтом против сползания к новой мировой войне. Леворадикальный потенциал ветеранов в течение 1920-х – 1930-х гг. постепенно иссякал, благодаря умелым социальным маневрам британского правительства, хотя и оно попадало в критические ситуации на пике Великой депрессии. Плохо скрываемую обеспокоенность правящих кругов вызывали попытки заигрывания левых движений и организаций с участниками войны 1914-1918 гг.

Деятельность ветеранов Первой мировой войны стала в исторической памяти примером трагизма обстоятельств бескомпромиссного межимпериалистического противостояния. Мирные устремления антивоенных сил среди ветеранов не были услышаны общественной системой, подчиненной логике экономической выгоды и частнособственническому интересу, относившейся к человеку как к ресурсу.

Фашизация британского общества была следствием системного кризиса. Участие заметного числа ветеранов в фашистских организациях («Британский союз фашистов», «Имперская фашистская лига», «Правый клуб», «Соединение») было не маргинальным явлением, а симптомом глубокого кризиса капиталистической системы в 1930-е гг. Ветераны, разочарованные социальной незащищённостью, «предательством» официальной памяти и слабостью парламентской демократии, оказались восприимчивы к ультраправым идеям, предлагавшим простой ответ в виде культа силы, порядка и национального реванша.

Идеология фашизма для многих ветеранов стала логическим продолжением их фронтового опыта. «Фронтовое братство» трансформировалось в идею корпоративистского государства; военная дисциплина – в культ иерархии и вождизма; националистическая пропаганда 1914-1918 гг. – в радикальный шовинизм и антисемитизм. Так, война не только не стала уроком гуманизма, но для части её участников заложила ментальные предпосылки для поддержки тоталитарных режимов.

Особую роль в сближении ветеранов с фашизмом сыграли высокопоставленные офицеры и представители аристократии (Я. Гамильтон, А. Рамзи, Б. Домвил, Дж. Ф. Ч. Фуллер). Их мотивация была обусловлена не столько социальной нуждой, сколько антикоммунизмом, классовым страхом перед революцией и восхищением успехами диктаторских режимов. Они выступали как связующее звено между ультраправыми движениями, традиционными элитами и нацистской Германией, придавая фашизму в глазах части общества видимость «респектабельности».

Британские правящие круги демонстративно игнорировали или потворствовали активности фашистских ветеранов, особенно когда она совпадала с курсом на «умиротворение» Германии и антисоветизмом. Контакты ветеранов-фашистов с нацистским руководством (визиты, встречи) использовались как неформальный канал коммуникации и инструмент пропаганды, создавая видимость «народной дипломатии» и общественной поддержки сближения с нацистской Германией.

Несмотря на влияние в отдельных кругах, фашисты так и не смогли перетянуть на свою сторону большинство ветеранов. Британский легион формально сохранил аполитичность. Это свидетельствует о пределах фашизации британского общества, где традиционные институты власти (парламент, монархия, двухпартийная система) и умеренный консерватизм оказались сильнее, чем в континентальной Европе.

Международная деятельность ветеранов, исходившая из желания предотвратить грядущий мировой конфликт, определялась британской внешней политикой. Дружественные визиты и встречи вчерашних врагов стали уникальным явлением в мировой политике того времени, учитывая невиданный ранее уровень ожесточённости войны 1914-1918 гг., который, казалось бы, должен был навсегда породить лишь межнациональную ненависть. Однако фронтовики использовались правительством лишь для подготовки условий предварительных соглашений накануне нового крупного империалистического передела. Отчасти этому способствовали высокопоставленные офицеры,

заслуженные участники мировой войны, пользовавшиеся авторитетом в обществе. Они также внесли свой вклад в формирование идеалистического представления о минувшей войне.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать общий вывод о том, что историческая память о Первой мировой войне в межвоенной Великобритании являлась не пассивным отражением прошлого, а активным политическим полем, где решались ключевые задачи сохранения классового господства в эпоху системного кризиса. Государство, используя комплексный инструментарий (монументальную пропаганду, коммеморативные практики, контроль над историографией), стремилось трансформировать коллективную травму в ресурс легитимации, нейтрализовать социальный протест и идеологически подготовить общество к новой империалистической войне. Ветеранское движение, наиболее институционально оформленное в лице Британского легиона, оказалось критически важным, но противоречивым элементом: будучи ареной борьбы между левыми, правыми и официальными нарративами, оно в конечном итоге было инкорпорировано в логику буржуазного государства, что предопределило его неспособность стать самостоятельной силой, готовой предотвратить сползание к новой мировой катастрофе.

Гибель и страдания многих британцев не стали просто сухими цифрами статистики. Этот печальный опыт истории работал на то, чтобы показать обществу, как империализм бросал в горнило войны и на произвол после неё массы людей ради расширения рынков сбыта и увеличения прибылей. Несмотря на усилившуюся к концу 1930-х гг. в правительственной пропаганде тенденцию к идеализации Первой мировой войны под влиянием международных реалий, в общественном сознании Великобритании росло понимание несправедливости устройства капиталистического общества. Пережитая в 1914-1918 гг. британцами, как и многими другими народами, трагедия была обречена на повторение в 1939-1945 гг. из-за неразрешённых противоречий и невыученных уроков Первой мировой войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Balfour A. J. Japanese Intervention in Siberia. Draft communication by Mr. Balfour to Sir C. Greene: memorandum / A. J. Balfour. – 1918, June 24. – (CAB 24/55/53; former reference: GT 4952). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643480>
2. Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet Day / Cabinet Office. – 1933, July 17. – (CAB 23/76/18). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653854>
3. Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet: [with participation of S. Baldwin, J.R. MacDonald et al.; agenda: Italo-Abyssinian Dispute, House of Lords Reform, Naval Conference etc.] / Cabinet Office. – 1935, October 23. – (CAB 23/82/16). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653972>
4. Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet. – 1934, February 7. – (CAB 23/78/4; former reference: CC 4 (34)). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7653882>
5. Cabinet Office. Conclusions of a Meeting of the Cabinet: [with participation of S. Baldwin, N. Chamberlain et al.; agenda: The King, Locarno Treaty, Mediterranean guarantees, Spain, Palestine etc.] / Cabinet Office. – 1936, July 22. – (CAB 23/85/7; former reference: CC 54 (36)). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7654034>
6. Clynes J. Memorandum by the Home Secretary on Armistice Day / Clynes J. – 1930, July 17. – (CAB 24/214/3). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728563>
7. Clynes J. Memorandum by the Home Secretary on Armistice Day / Clynes J. – 1931, July 9. – (CAB 24/222/19). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728914>

8. Davidson Michael Childers. Personal File: Michael Childers / Security Service. – 1933 Aug 16 - 1950 Jul 26. – (KV 2/2975; former reference: PF 42554 VOLS 1 and 3). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11497109>

9. Foreign Office. Telegram from the Duke of Windsor regarding the British Legion ball in Paris / Duke of Windsor. – 1937, November 12. – (FO 954/33A/170). – The National Archives (UK). – Former references: Win/37/89, FO 954/33A/13322. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6569253>

10. Gooch G. P., Temperley, H. British Documents on the Origins of the War, 1898–1914: Volume I [Published state papers]. – London: His Majesty's Stationery Office, 1927. – (ZLIB 17/6; former reference: Filed/Room 2B/Bookcase E). – Held at: The National Archives, Kew, UK. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C2507225>

11. Hankey M. P. A. Use of Post-War Cabinet Papers in Autobiographies: memorandum / M. P. A. Hankey. - 1936, July 17. – (CAB 24/263/28; former reference: CP 198 (36)). – The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730577>

12. McShane Harry. Personal File: Harry McShane / Security Service. – 1931 Apr 23 – 1939 Oct 24. – (KV 2/3588/02; former reference: PF 40249 VOL 1). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11692074>

13. Political Intelligence Department, Foreign Office. The Position in the Ukraine: memorandum / Political Intelligence Department, Foreign Office. – 1918, May 17. – (CAB 24/52/36; former reference: GT 4634). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643161>

14. Security Service. Personal file: Admiral Sir Barry Domville: [British naval officer and founder of pro-Nazi organization "The Link"] / MI5. – 1916 February 10 – 1940 October 30. – (KV 2/834/02). – The National Archives, Kew, UK. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11050145>

15. Security Service. Personal file: Archibald Maule Ramsay: [British MP and founder of the Right Club] / MI5. – 1939 March 18 – 1941 April 13. – (KV 2/677/02). – The National Archives, Kew, UK. –
URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11016557>
16. Security Service. Personal file: Basil Henry Liddell-Hart: [British military historian and theorist] / MI5. - 1927 January 1 – 1944 December 31. – (KV 2/2410/03; former reference: PF 38861 VOL 1). – The National Archives, UK. –
URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11287876>
17. Security Service. Personal file: Captain Robert Cecil Gordon Canning: [British Union activist and Arabist] / MI5. – 1924 August 29 - 1943 November 7. – (KV 2/877/04). – The National Archives, Kew, UK. –
URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11090329>
18. Security Service. Personal file: Compton Mackenzie : [British author and former intelligence officer] / MI5. - 1931 January 1 – 1938 December 31. - (KV 2/1271/01; former reference: PF 41196 VOL 1). – The National Archives, UK. –
URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11134917>
19. Security Service. Invergordon Mutiny 1932: Final MI5. – 1932, February 23 – December 7. – (KV 2/4640). – The National Archives, Kew, UK. –
URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C17886100>
20. Selby W. [Report on visit of King Edward VIII to Vienna] / W. Selby. – 1936, September 14. – (FO 954/1A/91; former references: Au/36/3, FO 954/1A/46). – The National Archives, Kew, UK. –
URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6555978>
21. Shepherd William George John. Personal File: William George John Shepherd / Security Service. – 1915 Dec 23 – 1936 Jan 29. – (KV 2/602/01; former reference: PF 39816 VOL 1). – The National Archives, Kew, UK. –
URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11016628>
22. Simon John. March of the Unemployed on London: memorandum / John Simon. – 1936, October 12. – (CAB 24/264/31; former reference: CP 256 (36)). – The

URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7730635>

ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Дипломатические документы

23. Англо-германская декларация, 30 сентября 1938 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 88–89.

24. Восточный пакт (проект, изложенный в меморандуме французского посла в Лондоне). 27 июня 1934 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 67–68.

25. Договор о согласии и сотрудничестве (Пакт четырех). 15 июля 1933 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 59–61.

26. Меморандум посольства Великобритании во Франции в министерство иностранных дел Франции. 27 сентября 1938 г. // Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. Т. 1. Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – Москва : Политиздат, 1981. – С. 227–229.

27. Нота С. Хора, госсекретаря Великобритании по иностранным делам, фон Риббентропу, германскому послу по особым поручениям (Англо-германское военно-морское соглашение) (в сокращении). 18 июня 1935 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 73–74.

28. Памятная записка Черчилля о беседе с руководителем данцигских фашистов Ферстером 14 июля 1938 г. // Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. I. Ноябрь 1937–1938 гг. : Из Архива Министерства Иностранных Дел Германии / М-во иностр. дел СССР. – Москва : Политиздат, 1948. – С. 159–163.

29. Письмо правительства Великобритании правительству ЧСР. 27 сентября 1938 г. // Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–

1939. В 2 т. Т. 1. Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – Москва : Политиздат, 1981. – С. 225–226.

30. Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией (Мюнхенский сговор). 29 сентября 1938 г. // Документы международных отношений (1917–1945 гг.). – Москва : МГИМО, 1999. – С. 86–88.

Законодательные акты

31. War Pensions (Administrative Provisions) Act 1919 (9 & 10 Geo. 5. c. 53) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/9-10/53/enacted>

32. War Pensions Act 1920 (10 & 11 Geo. 5. c. 23) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/10-11/23/contents>

33. War Pensions Act 1921 (11 & 12 Geo. 5. c. 49) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/11-12/49/enacted>

34. Widows', Orphans' and Old Age Contributory Pensions Act 1925 (15 & 16 Geo. 5. c. 70) // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/15-16/70/enacted>

Парламентские документы

35. Address in reply to His Majesty's most gracious speech // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 10 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1938/nov/10/address-in-reply-to-his-majestys-most/>

36. Air estimates, 1930 // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 30 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/jul/30/air-estimates-1930>

37. Air Ministry Armistice Day entertainment // Historic Hansard. – UK Parliament, 1932. – 30 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1932/nov/30/air-ministry-armistice-day-entertainment>

38. Air raid defence // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 3 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/03/air-raid-defence>
39. Armistice Day // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 25 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/mar/25/armistice-day>
40. Armistice Day poppy sales (Hull and district) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1933. – 2 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1933/mar/02/armistice-day-poppy-sales-hull-and>
41. Armistice Day service incident // Historic Hansard. – UK Parliament, 1937. – 11 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1937/nov/11/armistice-day-service-incident>
42. Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 3 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/03/clause-5-abolition-of-death-penalty-in>
43. Clause 5. – (Abolition of death penalty in peace time) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 7 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/07/clause-5-abolition-of-death-penalty-in>
44. Collecting Charities Regulation Bill // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 28 January. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/jan/28/collecting-charities-regulation-bill>
45. Debate on the Address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 27 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/nov/27/debate-on-the-address>
46. Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 8 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/08/debate-on-the-address>
47. Debate on the address // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 9 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/09/debate-on-the-address>

48. Earl Haig memorial statue // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 14 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/apr/14/earl-haig-memorial-statue>
49. Ex-ranker officers // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 8 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/nov/08/ex-ranker-officers>
50. Ex-Service Men (Pensions) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 3 June. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/jun/03/ex-service-men-pensions>
51. Fighting Services (Pay and Pensions) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 27 January. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1930/jan/27/fighting-services-pay-and-pensions>
52. Foreign policy // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 19 December. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/dec/19/foreign-policy>
53. Great Britain and Germany // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 10 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1938/nov/10/great-britain-and-germany>
54. Imperial defence // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 21 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/mar/21/imperial-defence>
55. Imperial War Graves Commission Offices // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 27 January. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1930/jan/27/imperial-war-graves-commission-offices>
56. Imperial War Museum // Historic Hansard. – UK Parliament, 1932. – 30 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1932/nov/30/imperial-war-museum>
57. International situation // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 1 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/01/international-situation>

58. Late Lords Jellicoe and Beatty memorials // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 21 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/21/late-lords-jellicoe-and-beatty-memorials>
59. London memorials and statues (cleaning) // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 5 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/nov/05/london-memorials-and-statues-cleaning>
60. Memorial to Admiral of the Fleet Earl Beatty // Historic Hansard. – UK Parliament, 1935. – 19 December. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1935/dec/19/memorial-to-admiral-of-the-fleet-earl>
61. Memorial to Admiral of the Fleet Earl Beatty // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 5 May. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/may/05/memorial-to-admiral-of-the-fleet-earl>
62. Military Training Act 1939 // Historic Hansard. – UK Parliament, 1939. – 21 June. – URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1939/jun/21/military-training-act-1939-1#S5CV0348P0_19390621_HOC_628
63. Mothers' pension // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 29 January. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1930/jan/29/mothers-pension>
64. Naval and military pensions and grants // Historic Hansard. – UK Parliament, 1934. – 6 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1934/nov/06/naval-and-military-pensions-and-grants>
65. Naval and military pensions and grants // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 2 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/nov/02/naval-and-military-pensions-and-grants>
66. Navy supplementary estimate, 1936. // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 04 May. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/may/04/navy-supplementary-estimate-1936>

67. Peers' War Memorial // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 12 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1930/nov/12/peers-war-memorial>
68. Pensions // Historic Hansard. – UK Parliament, 1938. – 14 April. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1938/apr/14/pensions>
69. Pro-Nazi organisation // Historic Hansard. – UK Parliament, 1939. – 30 March. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1939/mar/30/pro-nazi-organisation>
70. Road Traffic Bill [Lords] // Historic Hansard. – UK Parliament, 1930. – 18 February. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1930/feb/18/road-traffic-bill-lords>
71. Royal Navy // Historic Hansard. – UK Parliament, 1932. – 30 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1932/nov/30/royal-navy-1>
72. Supply // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 20 July. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/jul/20/supply>
73. Unemployed marchers' petition // Historic Hansard. – UK Parliament, 1936. – 11 November. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/nov/11/unemployed-marchers-petition-2>

Периодическая печать

74. Aberdeen Press and Journal Aberdeenshire, Scotland. 1936-1938.
75. Bath Chronicle and Weekly Gazette Somerset, England. 1935.
76. Belfast News-Letter, Antrim, Northern Ireland. 1935-1938.
77. Belfast Telegraph, Antrim, Northern Ireland. 1931-1933.
78. Birmingham Daily Gazette, Warwickshire, England. 1930.
79. Birmingham Mail, Warwickshire, England. 1933.
80. Blackburn Times, Lancashire, England. 1929.
81. Buckingham Advertiser and Free Press, Buckinghamshire, England. 1939.
82. Cambridge Daily News, Cambridgeshire, England. 1939.
83. Central Somerset Gazette, Somerset, England. 1935.

84. Chelmsford Chronicle, Essex, England. 1930-1938.
85. Cheshire Observer. Cheshire, England. 1937.
86. Cornish Guardian, Cornwall, England. 1933.
87. Coventry Evening Telegraph, Warwickshire, England. 1934.
88. Crewe Chronicle Cheshire, England. 1936.
89. Croydon Times, London, England. 1932.
90. Daily Herald, London, England. 1932-1936.
91. Daily Mirror, London, England. 1932-1939.
92. Daily News (London), London, England. 1932-1934.
93. Dundee Courier, Angus, Scotland. 1930-1936.
94. Eastbourne Gazette, Sussex, England. 1936.
95. Edinburgh Evening News, Midlothian, Scotland. 1936-1938.
96. Evening Despatch, Warwickshire, England. 1935.
97. Exeter and Plymouth Gazette, Devon, England. 1933.
98. Folkestone, Hythe, Sandgate & Cheriton Herald, Kent, England. 1930.
99. Glamorgan Advertiser, Mid Glamorgan, Wales. 1937.
100. Gloucester Citizen, Gloucestershire, England. 1930-1938.
101. Gloucester Journal, Gloucestershire, England. 1935.
102. Gloucestershire Echo, Gloucestershire, England. 1934.
103. Hampstead News, London, England. 1931.
104. Hastings and St Leonards Observer, Sussex, England. 1937.
105. Hinckley Echo, Leicestershire, England. 1931.
106. Huddersfield Daily Examiner, Yorkshire, England. 1934.
107. Hull Daily Mail, Yorkshire, England. 1932.
108. John Bull, London, England. 1934.
109. Lancashire Evening Post, Lancashire, England. 1937.
110. Leeds Mercury, Yorkshire, England. 1931-1936.
111. Leicester Daily Mercury, Leicestershire, England. 1930.
112. Leicester Evening Mail, Leicester, England. 1936-1939.
113. Linlithgowshire Gazette, West Lothian, Scotland. 1932.

114. Liverpool Daily Post, Lancashire, England. 1938.
115. Liverpool Echo, Lancashire, England. 1935-1938.
116. Liverpool Evening Express, Lancashire, England. 1939.
117. Londonderry Sentinel, Londonderry, Northern Ireland. 1932.
118. Lynn Advertiser, Norfolk, England. 1937.
119. Manchester Guardian. 1931-1935.
120. Ministry of Labour Gazette. 1935.
121. Newcastle Evening Chronicle, Northumberland, England. 1935.
122. Newquay Express and Cornwall County Chronicle, Cornwall. 1933.
123. North Devon Journal, Devon, England. 1935-1936.
124. Northern Weekly Gazette. Durham, England. 1930.
125. Northern Whig, Antrim, Northern Ireland. 1936-1938.
126. Nottingham Evening Post, Nottinghamshire, England. 1932.
127. Nottingham Journal, Nottinghamshire, England. 1933.
128. Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express, Yorkshire, England. 1929-1938.
129. Reynolds's Newspaper, London, England. 1935.
130. Richmond Herald, London, England. 1935.
131. Rugby Advertiser, Warwickshire, England. 1929.
132. Saffron Walden Weekly News, Essex, England. 1933-1934.
133. Sevenoaks Chronicle and Kentish Advertiser, Kent, England. 1934.
134. Sheffield Daily Telegraph, Yorkshire, England. 1931-1932.
135. Sheffield Independent, Yorkshire, England. 1930-1938.
136. Shepton Mallet Journal, Somerset, England. 1933.
137. Shipley Times and Express Yorkshire, England. 1936.
138. Somerset Guardian and Radstock Observer, Somerset, England. 1935.
139. Somerset Standard Somerset, England. 1932.
140. St. Pancras Gazette, London, England. 1931.
141. Staffordshire Sentinel, Staffordshire, England. 1931-1936.
142. Swanage Times & Directory, Dorset, England. 1935.

143. Sydenham, Forest Hill & Penge Gazette, London, England. 1939.
144. Tamworth Herald, Staffordshire, England. 1934.
145. Taunton Courier and Western Advertiser, Somerset, England. 1932.
146. Tewkesbury Register. Gloucestershire, England. 1934.
147. The Scotsman, Midlothian, Scotland. 1929-1938.
148. The Sphere, London, England. 1935.
149. The Times. 1931-1938.
150. Weekly Dispatch, London, England. 1936-1937.
151. West Briton and Cornwall Advertiser, Cornwall, England. 1938.
152. West Lothian Courier, West Lothian, Scotland. 1934.
153. West Middlesex Gazette, London, England. 1934.
154. Western Daily Press and Bristol Mirror, London, England. 1935-1938.
155. Western Mail, Glamorgan, Wales. 1931.
156. Western Morning News, Devon, England. 1933-1934.
157. Western Times, Devon, England. 1931.
158. Wiltshire Times and Trowbridge Advertiser, Wiltshire, England. 1933.
159. Witness (Belfast), Antrim, Northern Ireland. 1932.
160. Yarmouth Independent, Norfolk, England. 1937.
161. Yorkshire Post and Leeds Intelligencer Yorkshire, England. 1931-1939.

Источники личного происхождения

162. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары / Давид Ллойд Джордж ; пер. с англ. И. Звавича ; предисл. Ф. А. Ротштейна. – Москва : Соцэкгиз, 1934–1938. – 5 т. – Парал. тит. л. на англ. яз. – Т. 1–2. – Москва, 1934. – 679 с.
163. Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 гг. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 489 с.
164. Blunden E. Undertones of war. – New York : Doubleday, Doran & Company, Inc., 1929. – 342 p.
165. Graves R. Good-bye to all that: an autobiography / Robert Graves. – London : Jonathan Cape, 1929. – 446 p.

Кинофотодокументы

166. And no other nation could show the like (1933) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40013/>
167. Anniversary of the First World War (1935) //British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/136863/>
168. Armistice Day 1934 // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/41646/>
169. Armistice Day 1936 (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/166818/>
170. Armistice Day at The Cenotaph (1937) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43835/>
171. Bellingham British Legion Aka Bellingham British Legion (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/42924/>
172. British Legion muster - Olympia (1938) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/45595/>
173. British Legion pay homage to Field Marshall Earl Haig at his graveside at Dryburgh Abbey (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/134410/>
174. British Legion rally at Sandhurst (1937) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43718/>
175. British Legion with Hitler // AP Newsroom. – URL: <https://newsroom.ap.org/editorial-photos-videos/detail?itemid=270be2fb612842729a7d91af19db2266&mediatype=video&source=youtube>
176. Comrades-in-arms! (Aka comrades in arms) (1932) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/39114/>
177. Dedication of Legion Standards (1931) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/42141/>
178. Duke of Connaught (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43087/>

179. Earl Jellicoe (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40300/>
180. Edward VIII Prince and King (Part 9) (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/66804/>
181. England: sport - lord Allenby at Ipswich pageant (1931) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/165558/>
182. Field of Remembrance at Westminster (1937) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43833/>
183. Impressive scenes in Cardiff (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40383/>
184. Lord Allenby lays wreath and opens British Legion HQ at Wallasey. (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/150883/>
185. Military Sunday (1934) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/55962/>
186. News in a Nutshell (1936) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43165/>
187. Old comrades day in Berlin (1937) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/43656/>
188. Over 10,000 London Legionaries on Parade (1932) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/38696/>
189. Over 15,000 Ex-Servicemen (1933) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/39807/>
190. Prince Arthur of Connaught opens British Legion Factory extension (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/170282/>
191. Prince of Wales at British Legion Poppy Factory at Richmond (1929) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/120462/>
192. Prince of Wales at British legion service in Cardiff (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/136909/>
193. Remembering the First world war (1939) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/167404/>

194. The Prince of Wales (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40920/>

195. The Prince of Wales Visits Rothesay (1932) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/90144/>

196. To those who have no known grave (1930) // British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/asset/40918/>

Публицистика

197. Манн Т. Эта война! – Москва : Chearcherrylibrary, 2022. – 50 с.

198. Мэллалли Ф. Фашизм в Англии / сокр. пер. с англ. М. Лорие ; вступ. ст. Д. Заславского. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1947. – 143 с.

199. Энгельбрехт, Ханиген. Торговцы смертью. Международная военная промышленность / пер. с англ. М. М. Маврина. – Москва : Соцэкгиз, 1935. – 218 с.

200. Wells G. The war that will end war. – London : F. & C. Palmer, 1914. – 99 p.

Художественная литература

201. Олдингтон Р. Смерть героя : роман / пер. с англ. Н. Галь. – Москва : Худож. лит., 1976. – 320 с. – URL: <https://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt>

202. Олдингтон Р. Все люди – враги : роман / пер. с англ. О. А. Ефимовской. – Москва : Правда, 1983. – URL: https://militera.lib.ru/prose/foreign/aldington_r01/index.html

203. Graves R. Recalling war // Poeticous. – URL: <https://www.poeticous.com/robert-graves/recalling-war>

204. McCrae J. In Flanders fields, and other poems. – New York, 1919. – 141 p.

205. Sassoon S. Memoirs of an infantry officer. – London : Faber & Faber, 1931. – 310 p.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

206. Акулинин К. В. Коллективная память о Первой мировой войне в Великобритании в межвоенный период. К постановке проблемы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (132). – С. 163–168.

207. Антивоенные традиции международного рабочего движения / под общ. ред. проф. Я. Г. Темкина. – Москва : Мысль, 1972. – 556 с.

208. Артамошин С. В. Герои и героическое кайзеровской армии Германии в Великой войне // *Studia internationalia*: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» (1-3 июля 2015 г.). – Брянск : РИО БГУ, 2015. – С. 120–126.

209. Артамошин С. В. Эрнст Юнгер и Эрих Мария Ремарк: картины памяти Великой войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2024. – № 6. – С. 26–36.

210. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

211. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

212. Баранов Н. Н., Поршнева О. С. Культурное наследие Великой войны и память о ней в Великобритании. Актуальная англосаксонская историография // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 2 (71). – С. 25–35.

213. Биск И. Я. Пресса Веймарской Германии. – Иваново : ИвГУ, 1995. – 231 с.

214. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

215. Болебрух А. Г. Художественная литература в историческом аспекте // Источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. – Минск : БДУ, 2005. – С. 8–17.

216. Большаков А. П. Британские консерваторы и фашизм: эволюция взаимоотношений, 1918-1939 гг. / А. П. Большаков. – Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. – 356 с.

217. Бредихин А. В., Приходько Д. С. Возникновение и деятельность ветеранских организаций Великобритании 1918-1939 гг. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2022. – № 1 (80). – С. 85–91.

218. Бросова Н. З., Антонов Е. А. Проблемы послевоенного мироустройства и войны в общественном мнении Великобритании конца 20 – первой половины 30-х годов XX века // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 13, вып. 15. – С. 93–101.

219. Буман А. И. День Перемирия: Лондонская церемония у кенотафа // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. – № 15. – Сер. Интеллектуальная история. Вып. 6. – Екатеринбург : УрГПУ, 2024. – С. 169–184.

220. Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны / под ред. И. С. Галкина. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 402 с.

221. Вудбридж С. Расовый фашизм в Британии // Берегиня. 777. Сова. – 2015. – № 3 (26). – С. 152–165.

222. Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. – Москва : Наука, 1987. – 192 с.

223. Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.) / В. В. Грудзинский. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1996. – 310 с.

224. Гурович П. В. Английское рабочее движение накануне второй мировой войны / АН СССР. Ин-т истории. – Москва : Наука, 1967. – 359 с.

225. Демидов С. В. Европейская политика и дипломатия Великобритании в 1933-1939 гг. / С. В. Демидов. – Рязань : Рязан. гос. пед. ун-т, 2001. – 220 с.

226. Демидов С. В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков: коллективная монография / А. И. Минаев, И. М.

Эрлихсон, Л. П. Репина, С. В. Демидов, Ю. И. Лосев, И. К. Лапшина, О. В. Захарова. – Рязань : Издательство «Концепция», 2017. – С. 98–136.

227. Добровольский В. Ю., Наумов А. В. Англосаксонские страны. Справедливая война // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О. В. Петровской. – Москва : РИСИ, 2014. – С. 88–117.

228. Ерофеев Н. А. Закат Британской Империи. – Москва : Мысль, 1967. – 280 с.

229. Ерусалимский А. С. Германский империализм: история и современность: (Исследования, публицистика) / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва : Наука, 1964. – 664 с.

230. Жигалов И. И. Фашизм в Англии между мировыми войнами: генезис, характер, специфика // Вопросы истории. – 1984. – № 12. – С. 32–43.

231. Инкин В. В. Актуальность темы Первой мировой войны на уроках истории в 2022 году // Вопросы педагогики / Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». – Москва, 2022. – С. 16–22.

232. Инкин В. В. Британские ветераны и шанс избежать Второй мировой войны // XVI Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых : материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 29 ноября 2022 г.). – Вологда : ВоГУ, 2023. – Т. 3. – С. 139–142.

233. Инкин В. В. Британские ветераны Первой мировой войны как социально-политическая сила в 1930-е гг. // Международный молодёжный научный форум «Ломоносов», 2024. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/32245/171145_uid687131_report.pdf

234. Инкин В. В. Британские газеты в исследовании исторической памяти о Первой мировой войне в 1930-е годы // Актуальная культура: научный сетевой журнал. – 2023. – № 3. – С. 1–5. – URL: <http://journal.asu.ru/cc>

235. Инкин В. В. Британский цифровой архив прессы как источник по истории коллективной памяти участников Первой мировой войны в межвоенный

период // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 1133–1145.

236. Инкин В. В. Британское общество в отражении прессы: фашистские настроения среди ветеранов Первой мировой войны в 1930-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 528–540.

237. Инкин В. В. Великобритания и умиротворение агрессора: похвала глупости или конкретная цель // Чичеринские чтения. СССР на мировой арене: самоидентификация и восприятие: материалы Международной научной конференции, 24-26 ноября 2022 г. / отв. ред. В. В. Романов. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 189–197.

238. Инкин В. В. Вклад британских писателей-фронтовиков в формирование исторической памяти о Первой мировой войне // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. – Москва : МАКС Пресс, 2023. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2023/data/section_19_28467.htm

239. Инкин В. В. Деятельность британских офицеров Первой мировой войны в межвоенный период // Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы: материалы II Междунар. науч. конф. Красноярск, 18-19 мая 2023 г. / отв. ред. Д. Н. Гергилев. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2024. – С. 74–77.

240. Инкин В. В. «Долгая империалистическая война» и методика преподавания истории // XIII Информационная школа молодого ученого: сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Парменова ; сост. Ю. Д. Прокофьева, Т. А. Осипенко; Центральная научная библиотека Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург: ООО «Принт», 2025. – С. 64-73.

241. Инкин В. В. Историческая память и итоги британской интервенции в Советскую Россию // Патриот: актуальные вопросы военной истории России и ее силовых структур. Военная история России и воспитание гражданственности :

материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А. В. Запорожченко. – Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2023. – С. 28–31.

242. Инкин В. В. Историческая память о первой мировой войне и её искажения // Цифровой мир: перспективы и угрозы для человеческой цивилизации. Часть 1 : сборник научных статей по материалам Международной научно-теоретической конференции «IX Ялтинские философские чтения. Цифровой мир: угрозы и перспективы для человеческой цивилизации» (17–18 ноября 2022 г., г. Ялта) / отв. ред. Т. П. Разбеглова. – Ялта : РИО ГПА, 2023. – С. 234–237.

243. Инкин В. В. Периодическая печать как источник при изучении коллективной памяти о Первой мировой войне в Великобритании в 1930-е гг. // История повседневности: источниковедческие подходы и методы: Сборник статей по материалам II Всероссийской студенческой научной конференции / сост. и отв. ред. Н. В. Тихомиров. – Москва : РГГУ, 2025. – С. 99–101.

244. Инкин В. В. Формирование британской позиции по вопросу интервенции в Сибирь и сдерживания Японии (январь-июль 1918 г.) в свете документов Национального архива Соединённого Королевства // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI международной научно-практической конференции (Омск, 22-23 октября 2025 г.). – Омск : ОмГТУ, 2025. – С. 116–121.

245. Инкин В. В. Формирование общественных настроений через политику исторической памяти в межвоенной Великобритании // "Per aspera...": сборник студенческих научных работ и материалов научных конференций. Выпуск VII: Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных "Власть и общество в историческом опыте человечества". – Москва : Алетейя, 2025. – С. 42–45.

246. Инкин В. В. Формирование памяти о Первой мировой войне через деятельность британских ветеранов и историческую политику Великобритании в 1930-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 1305–1315.

247. Капитонова Н. К. Невилл Чемберлен и политика «умиротворения» // Новая и новейшая история. – 2018. – № 4. – С. 176–204.
248. Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. – Москва : Мысль, 1990. – 541 с.
249. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / под ред. В. Л. Янина ; послесл. Р. А. Киреевой. – Москва : Мысль, 1990. – 525 с.
250. Красильников А. Н. Политика Англии в отношении СССР. 1929-1932 гг. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 307 с.
251. Леффельбайн Н. О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. – 2015. – № 1 (23), т. 1. – С. 7–19.
252. Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914-1918 гг. / пер. с английского О. Триэль ; предисл. М. М. Ланда. – Москва : Государственное военное издательство, 1935. – 395 с.
253. Магадеев И. Э. "Вторая тридцатилетняя война" 1914-1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко второй мировой войне // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 4. – С. 34–61.
254. Малай В. В. Судьба республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских дипломатических отношений в канун Второй мировой войны. – Белгород : Изд-во БелГУ, 1999. – 152 с.
255. Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936-1939 годов и Европа. Международные аспекты конфликта. – Москва : Изд-во «Наука», 2011. – 290 с.
256. Малкин С. Г., Лёзин А. И. От Большой игры к Холодной войне: малые войны на Востоке в британской и отечественной военной мысли первой трети XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2022. – Т. 4, № 4 (16). – С. 77–81.
257. Мезенцев В. Ф. Идеология и политика английских пацифистов в межвоенный период // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории

XVI-XX вв. – № 6. – Сер. Альбионика. Вып. 3. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 122–133.

258. Милибенд Р. Парламентский социализм. Исследование политики Лейбористской партии. – Москва : Прогресс, 1964. – 508 с.

259. Мировая война в цифрах / Коммунистическая акад. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики. – Москва ; Ленинград : ОГИЗ ; Гос. воен. изд-во, 1934. – 127 с.

260. Мортон А. Л. История Англии. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1950. – 464 с.

261. Мочульский Н. Ф. Кризис лейбористской партии в 1931 году. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 233 с.

262. Мочульский Н. Ф. Рабочее движение в Англии накануне второй мировой войны (1934–1939 гг.). – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 352 с.

263. Назаров О. Г. Игры над пропастью // Историк. Журнал об актуальном прошлом. – 2026. – № 2 (134). – С. 40–43.

264. Немцов Д. О. Принцип равенства Имперской комиссии по воинским захоронениям Великобритании на примере погребения члена королевской семьи // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2023. – № 18 (20). – С. 81–91.

265. Нора П. Всемирное торжество памяти / Пьер Нора ; пер. с фр. Марии Сокольской // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа: [сб.] / ред.-сост. 2-го изд. М. Габович. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 39–402.

266. Пацифизм в истории идеи и движения мира = Pacifism in history / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. А. О. Чубарьян. – Москва : Ин-т всеобщ. истории РАН, 1998. – 289 с.

267. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – 816 с.

268. Поздеева Л. В. Англия и ремилитаризация Германии. 1933-1936 / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 270 с.

269. Прокопов А. Ю. Битва на Кейбл-стрит // Вопросы истории. – 1986. – № 10. – С. 183–187.

270. Прокопов А. Ю. Британская империя: общество и вызовы войны // Мировые войны XX века: в 4 кн. / Институт всеобщей истории РАН. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2005. – Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. – С. 297–310.

271. Прокопов А. Ю. Влияние первой мировой войны на формирование правого радикализма в Великобритании // Первая мировая война: пролог XX века / Институт всеобщей истории РАН, Ассоциация историков Первой мировой войны. – Москва : Наука, 1998. – С. 290–303.

272. Прокопов А. Ю. Голодный марш безработных на Лондон в 1934 г. и британские коммунисты // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: сборник статей III Междунар. науч.-практ. конф., 18-19 апреля 2018 года / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. – Рязань : Book Jet, 2018. – С. 328–338.

273. Прокопов А. Ю. Коминтерн, британские левые радикалы и парламент в 1920-1930-х годах // Новая и новейшая история. – 2016. – № 6. – С. 17–32.

274. Прокопов А. Ю. Отношение крайне левых политических сил Британии к чествованию 25-летия царствования короля Георга V // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 дек. 2023 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Пед. ин-т, Каф. всеобщ. истории. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2024. – С. 224–232.

275. Прокопов А. Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 476 с.

276. Райков А. В. Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии / А. В. Райков. – Москва : Наука, 1985. – 133 с.

277. Райков А. В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905-1930 гг. – Москва : Наука, 1979. – 270 с.

278. Рахшмир П. Ю. Происхождение фашизма. – Москва : Наука, 1981. – 184 с.

279. Репина Л. П. Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2006. – С. 19–47.

280. Реутов Г. Н. Правда и вымысел о второй мировой войне: Английская буржуазная историография о происхождении войны, внешней политике Англии и международных отношениях 1939-1945 гг. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Междунар. отношения, 1970. – 214 с.

281. Романова Е. В. Эволюция британских представлений о Первой мировой войне // Перспективы. Электронный журнал. – 2019. – № 1. – С. 92–103.

282. Романова Е. В. Образ Великой войны в памяти британцев и общественные настроения в 1920-1930-е гг. // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.) / отв. ред. О. В. Белоусова, Е. С. Сенявская. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – С. 233–242.

283. Рубен П. П. Международное объединение бывших участников войны и кооперация инвалидов / П. П. Рубен. – Москва ; Ленинград : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1935. – 47 с.

284. Рудая О. И. Поддержка английской интеллигенцией фашистской организации О. Мосли в 30-е гг. XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2004. – № 4 (128). – С. 49–53.

285. Сагимбаев А. В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. – Москва : ЦИОГНИС, 2018. – 528 с.

286. Сагимбаев А. В. Стратегия колониального развития в контексте финансово-экономической политики Великобритании в межвоенный период //

Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2017. – № 4 (44). – С. 108–114.

287. Сапожникова Г. Н. Антивоенное движение в странах Европы в межвоенный период, 1917-1939 / отв. ред. Д. Г. Наджафов. – Москва : Наука, 1985. – 150 с.

288. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской расе господ. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – 400 с.

289. Сениявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с.

290. Сениявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 288 с.

291. Сениявская Е. С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. – 2018. – Т. 24. – С. 10–43.

292. Смирнова Т. А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 г. // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 95–98.

293. Смирнова Т. А. Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 98–101.

294. Смирнова Т. А. Память о Первой мировой войне в современной англоязычной историографии: между опытом и нарративом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2018. – № 4. – С. 68–71.

295. Снигирев С. А. Сообщества ветеранов Первой мировой войны в Великобритании: проблемы институционализации // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного

гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium*. – 2020. – № 1 (16). – С. 153–163.

296. Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: в 4 кн. / Институт всеобщей истории РАН. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2005. – Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. – С. 624–643.

297. Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. – Москва : Наука, 1976. – 268 с.

298. Суслопарова Е. А. Эволюция Лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х гг. XX века / Е. А. Суслопарова ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 362 с.

299. Суслопарова Е. А. Ранняя история лейбористской партии Великобритании в портретах её деятелей : монография / Е. А. Суслопарова. – Москва : МАКС Пресс, 2019. – 352 с.

300. Суслопарова Е. А. Реакция лейбористской партии Великобритании на Мюнхенское соглашение 1938 года // *Interbellum XX столетия: от Рапалло до Мюнхена: материалы Третьей всероссийской научной конференции* (Липецк, 22 апреля 2022 г.). – Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – С. 129–135.

301. Сыч А. И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны [1914-1918] // *Вопросы истории*. – 2001. – № 11-12. – С. 109–113.

302. Ткаченко Д. С. Первая мировая война глазами британских солдат // *Новая и новейшая история*. – 2014. – № 6. – С. 62–71.

303. Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны / С. Г. Малкин, Е. Ю. Сергеев, А. Б. Ларин [и др.]. – Самара : Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 2024. – 270 с.

304. Трухановский В. Г. Антони Иден. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Междунар. отношения, 1983. – 412 с.

305. Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. – Москва : Соцэкгиз, 1958. – 592 с.

306. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. – 3-е изд. – Москва : Междунар. отношения, 1982. – 464 с.

307. Туполев Б. М. Происхождение первой мировой войны // Мировые войны XX века: в 4 кн. / Институт всеобщей истории РАН. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2005. – Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. – С. 21–100.

308. Уинтер Дж. Места памяти, места скорби. Первая мировая война в культурной истории Европы / Джей Уинтер ; пер. с англ. А. В. Глебовской ; науч. ред. Б. И. Колоницкий. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 392 с.

309. Уинтер Джей. Война, память, воспоминание // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 5–15.

310. Улунян А. А. Сохранить империю в неприкосновенности. Рецензия на монографию С. Г. Малкина «Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2025. – Т. 17, № 3. – С. 240–248.

311. Ульянов П. В. Памятники Первой мировой войны в Лондоне и их культурно-историческое значение для формирования имиджа региона // Алтайская школа политических исследований : [сайт]. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18902>

312. Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв.: (Ист.-стат. исследование). – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 567 с.

313. Фассел П. Великая война и современная память. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2016. – 470 с.

314. Фергюсон Н. Горечь войны: новый взгляд на Первую мировую / Нил Фергюсон ; пер. с английского Е. Губницкого и И. Кригера. – Москва : АСТ : Corpus, cop. 2019. – 635 с.
315. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 47–57.
316. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой ; науч. ред. пер. Н. Копосов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 328 с.
317. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.
318. Хобсбаум Э. Изобретение традиции // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
319. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). – Москва : Издательство Независимая Газета, 2004. – 632 с.
320. Хорн Дж. Защитить победу: военизированная политика во Франции. 1918-1926 годы. Контрпример // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923. – Москва : Новое Литературное Обозрение, 2014. – С. 109–126.
321. Цуканова В. О. Мак как символ памяти Великой войны в Великобритании // Глобальные вызовы и актуальные рецепции в исторических нарративах XX-XXI вв.: Сб. науч. статей / под общ. ред. Н. В. Ростиславлевой. – Москва : РГГУ, 2024. – С. 58–65.
322. Шендыгаев Д. И. Проблема роли британских командующих эпохи Первой мировой войны в англоязычной историографии // История. Общество. Политика. – 2017. – № 2 (2). – С. 128–133.
323. Яковлев Е. Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. – 2-е изд., перераб., доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2022. – 479 с.
324. Barr N. The lion and the poppy: British veterans, politics, and society, 1921-1939. – London : Bloomsbury Academic, 2005. – 228 p.

325. Beers L., Thomas G. Brave new world: imperial and democratic nation-building in Britain between the wars. – London : Institute of Historical Research, 2012. – 296 p.

326. Beckett I. Discovering English county regiments. – Princes Risborough : A Shire book, 1987. – 169 p.

327. Beyond memory: silence and the aesthetics of remembrance / ed. by A. Dessingué, J. Winter. – Abingdon, N.Y. : Routledge, 2016. – 232 p.

328. Bruce M. British foreign policy isolation or intervention. – London : Thomas Nelson and Sons Ltd, 1938. – 157 p.

329. Brumby A. 'A painful and disagreeable position': rediscovering patient narratives and evaluating the difference between policy and experience for institutionalized veterans with mental disabilities, 1924-1931 // First World War Studies. – 2015. – Vol. 6, № 1. – P. 37–55.

330. Bond B. Survivors of a kind – memoirs of the Western Front. – London : Bloomsbury Publishing, 2008. – 216 p.

331. Bowman T. The Irish regiments in the Great War: discipline and morale. – Manchester and New York : Manchester University Press, 2003. – 237 p.

332. Churchill W. The world crisis. Vol. 1: 1911-1914. – Toronto : Macmillan Co. of Canada, 1923. – 589 p.

333. Churchill W. The world crisis. Vol. VI: The Eastern Front. – London : Thornton Butterworth, 1931. – 428 p.

334. Cook T. The politics of surrender: Canadian soldiers and the killing of prisoners in the Great War // The Journal of Military History. – 2006. – Vol. 70, № 3. – P. 637–665.

335. Connelly M. The commemoration of the Great War in the city and East London, 1916-1989. – London : Queen Mary University of London Theses, 1995. – 274 p.

336. Edmonds J. Military operations France and Belgium, 1914: Mons, the retreat to the Seine, the Marne and the Aisne August-October 1914. History of the Great War based on official documents by direction of the Historical Section of the

Committee of Imperial Defence. Vol. II (2nd ed.). – London : Macmillan, 1922. – 543 p.

337. Eichenberg J. Stiefsöhne des Vaterlands. Die polnischen Veteranen des Ersten Weltkriegs und die Debatte um ihre Versorgung, 1918-1939 // Nordost-Archiv. – 2008. – Band 17. – S. 176–194.

338. Fussell P. The Great War and modern memory. – New York : Oxford University Press, 1975. – 384 p.

339. Gooch G. Before the war: studies in diplomacy. Vol. 2: The coming of the storm. – London : Longmans, Green and Co., 1938. – 456 p.

340. Gooch G. P. European diplomacy before the war in the light of the archives // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931-1939). – 1939. – Vol. 18, № 1. – P. 77–102.

341. Gregory A. The last great war: British society and the First World War. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 354 p.

342. Gregory A. The silence of memory: Armistice Day, 1919-1946. – Oxford ; Providence, USA : Berg, 1994. – 256 p.

343. Griffiths R. Fellow travellers of the right: British enthusiasts for Nazi Germany, 1933-9 / Richard Griffiths. – Oxford etc. : Oxford univ. press, 1983. – 406 p.

344. Hochschild A. Der Große Krieg: Der Untergang des alten Europa im Ersten Weltkrieg 1914–1918. – Bonn : Bpb, 2014. – 525 s.

345. Harding B. Keeping faith: the history of the Royal British Legion. – Barnsley, South Yorkshire : Leo Cooper, 2001. – 484 p.

346. Hastings M. Catastrophe: Europe goes to war 1914. – London : Knopf Press, 2013. – 628 p.

347. Horne J. Demobilizing the mind: France and the legacy of the Great War, 1919-1939 // French History and Civilization. – 2009. – Vol. 2. – P. 101–119.

348. Liburd L. J. Beyond the pale: whiteness, masculinity and Empire in the British Union of Fascists, 1932–1940 // Fascism. – 2018. – Vol. 7, № 2. – P. 275–296.

349. Longworth P. The unending vigil. – London : Constable, 1967. – 253 p.

350. Martin P. Hurrah for the Blackshirts!: fascists and fascism in Britain between the wars. – London : Random House, 2005. – 386 p.
351. Mosse G. Fallen soldiers: reshaping the memory of the world wars. – New York : Oxford University Press, 1990. – 264 p.
352. Newman J. P. Yugoslavia in the shadow of war: veterans and the limits of state building, 1903-1945. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 287 p.
353. Noakes L. War and the British gender and national identity 1939-91. – London : Bloomsbury Academic, 1998. – 218 p.
354. Noel-Baker Ph. The private manufacture of armaments. Vol. I. – London : Victor Gollancz Ltd, 1936. – 574 p.
355. Owens Ed. The family firm: monarchy, mass media and the British public, 1932-53. – London : University of London Press, 2019. – 444 p.
356. Pagden A. Worlds at war: the 2,500-year struggle between East and West. – Oxford : Oxford University Press US, 2008. – 548 p.
357. Palmer I. A review of: 'Peter Barham. Forgotten lunatics of the Great War' // Journal of the History of the Neurosciences. – 2006. – Vol. 15, № 3. – P. 292–294.
358. Parker J. King of fools. – London : Macdonald& Co., 1988. – 350 p.
359. Reynolds D. The long shadow: the Great War and the twentieth century. – London : Simon&Schuster, 2013. – 519 p.
360. Rogerson S. Propaganda in the next war. – New York : Arno Press, 1972. – 191 p.
361. Roland R. Annäherung an Frankreich im Dienste Hitlers?: Otto Abetz und die deutsche Frankreichpolitik 1930-1942. – Berlin, Boston : Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. – DOI: 10.1515/9783486596090.
362. Roi M. Alternative to appeasement: Sir Robert Vansittart and alliance diplomacy, 1934–1937. – Westport : Greenwood, 1997. – 216 p.
363. Searle A. 'Mind Britain's business'. Fascist splinter groups, British officers and resistance to war against Germany, 1937-1941 // Geheime Netzwerke im Militär 1700-1945 / hrsg. von G. Gahlen, D.M. Segesser, & C. Winkel. – Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2016. – P. 184–203.

364. Stevenson D. With our backs to the wall: victory and defeat in 1918. – Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1954. – 688 p.
365. Sciarrino B. 'Soldiers of peace': the transnational activism of Romanian Great War veterans, 1920-1939 // *Radovi Zavoda za hrvatskupovijest Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*. – 2018. – Vol. 50, № 1. – P. 205–224.
366. Smith A. Discourses surrounding British widows of the First World War. – London : Bloomsbury Academic, 2012. – 221 p.
367. Thurlow R. Fascism in Britain: a history, 1918-1985 / Richard Thurlow. – Oxford ; New York : Blackwell, 1987. – 317 p.
368. Toczek N. Haters, baiters and would-be dictators: anti-Semitism and the UK far right. – Abingdon : Routledge, 2016. – 304 p.
369. Todman D. The Great War: myth and memory. – London : Bloomsbury Academic, 2005. – 304 p.
370. Veterans of the First World War: ex-servicemen and ex-servicewomen in post-war Britain and Ireland / ed. by D. Swift and O. Wilkinson. – London : Routledge, 2019. – 220 p.
371. Winter J. Soldiers' reconciliation: René Cassin, the International Labour Office, and the search for human rights // *Reconciliation, civil society, and the politics of memory: transnational initiatives in the 20th and 21st century* / ed. by Schwelling, B. – Bielefeld : Transkript-verlag, 2012. – P. 97–114.
372. Winter J. War beyond words: languages of remembrance from the Great War to the present. – Cambridge, N.Y. : Cambridge University Press, 2017. – 234 p.
373. Woodward L. Great Britain and the German navy. – Oxford : At the Clarendon Press, 1935. – 534 p.
374. Wootton G. The official history of the British Legion. – London : Macdonald and Evans, Ltd, 1956. – 348 p.
375. Wootton G. The politics of influence: British ex-servicemen, cabinet decisions and cultural change (1917-57). – London : Routledge & Kegan Paul, 1963. – 316 p.

Диссертационные исследования, авторефераты, научные доклады

376. Акулинин К. В. Память английских участников Первой мировой войны о Западном фронте : 1914 – конец 1920-х гг. : диссертация ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Акулинин Константин Владимирович ; [место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. – Тамбов, 2016. – 180 с.

377. Лакеева А. Р. Норман Эйнджелл и развитие пацифистского движения в Великобритании: 1900-1930-е годы : диссертация ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Омск, 2006. – 289 с.

378. Немцов Д. О. Имперская комиссия по воинским захоронениям в Великобритании в межвоенный период: институционализация и деятельность : научный доклад : 46.06.01 Исторические науки и археология: Всеобщая история (новая и новейшая история) / Д. О. Немцов ; ТГУ им. Г. Р. Державина ; науч. рук. д.и.н., проф. В. В. Миронов. – Тамбов, 2023. – 1 файл. – URL: <https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/vkr14194.pdf>

379. Смирнова И. В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914-1918 гг. : диссертация ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Москва, 2011. – 334 с.

380. Хмелевская Ю. Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии, 1914-1918 гг. : диссертация ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Пермь, 2000. – 257 с.

381. Alcalde A. War veterans and transnational fascism: from fascist Italy and Nazi Germany to Francoist Spain and Vichy France (1917-1940). – Florence : European University Institute, 2015. – 348 p.

382. Barr N. Service not self: the British Legion, 1921-1939. – St Andrews : University of St Andrews, 1994. – 277 p.

383. Garber A. Toward a 'Two-War Legion': renegotiating First World War memory in the British and American Legions, 1938-1946. – Oxford : University of Oxford, 2018. – 329 p.

Учебники и учебные пособия

384. Григорьева И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки : учеб. пособие / И. В. Григорьева. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 287 с.

385. Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки : учебное пособие для студентов / под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. – Москва : Простор, 2002. – 432 с.

386. Курс отечественной истории IX – начала XXI в. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе : учебник для вузов / под ред. Л. И. Олштынского. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство ИТРК, 2012. – 656 с.

Справочные и энциклопедические издания

387. Howell D. Bellenger, Frederick John (1894–1968) // Oxford dictionary of national biography. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – URL: <https://www.oxforddnb.com/display/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-92720>

388. Vickers H. Hardinge, Alexander Henry Louis, second Baron Hardinge of Penshurst (1894–1960), private secretary to Edward VIII and George VI // Oxford dictionary of national biography. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – URL: <https://www.oxforddnb.com/display/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-33702>

Электронные ресурсы

389. Электронная библиотека исторических документов. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya>

390. British Pathé. – URL: <https://www.britishpathe.com/>

391. Hansard 1803-2005. – URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html>

392. Internet Archive. – URL: <https://archive.org/>

393. Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/>
394. Oxford Dictionary of National Biography. – URL: <https://www.oxforddnb.com/>
395. The British Newspaper Archive. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/>
396. The National Archives. – URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/>
397. The Royal British Legion. – URL: <https://www.britishlegion.org.uk/>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Формационная схема развития Великобритании 1930-х гг.

Приложение № 2. Схема направлений британской историографии Первой мировой войны в межвоенный период (1918-1939 гг.)

Приложение № 3. Памятка-схема символов памяти о Первой мировой в Великобритании межвоенного периода на основе источников 1930-х гг.

Символы памяти о Первой мировой войне в Великобритании в межвоенный период

✖ Британское правительство остро нуждалось в необходимости отвлечь массы от потерь «Великой войны», революционных настроений, социально-экономических проблем. Формирование культа павших и почитание ветеранов могло способствовать идейной сплочённости населения. ✖

Возложение Георгом VI венка к памятнику Д. Хейгу (кинохроника, 1937 г.)

Участие британских войск в церемонии у лондонского кенотафа (кинохроника, 1938 г.)

По инициативе правительства ещё в конце войны создавались воинские кладбища, складывались практики памятования жертв войны (парады, минута молчания, неизвестный солдат). Некоторые символы, как искусственные цветы мака, стали распространяться ветеранами войны.

Ветераны-сапёры маршируют на День перемирия (кинохроника, 1934 г.)

Пушечный выстрел после минуты молчания и звона Биг-Бэна (кинохроника, 1938 г.)

«Тысячи солдат Британского легиона соединились в пении христианского гимна "Пребуди со мной". Стояв по стойке смирно с флагами и штандартами, пока британские войска возвращались с парада в честь Дня перемирия».

Sheffield Daily Telegraph
(12.11.1934)

Сержант-майор У. Брэдбир, ветеран-артиллерист, по прибытии на кладбище к мемориальному камню у подножия церкви был возложен венок из фландрских маков. Затем для почестей погибшим последовали две минуты молчания».

Rugby Advertiser
(29.11.1929)

Солдаты Франции и Великобритании должны покоиться рядом, чтобы напоминать всем о наших совместных потерях в Великой войне, которые составили 2,5 млн. наших лучших мужчин. Эта самая высокая цена победы среди союзников».

Daily Mirror
(02.08.1932)

Приложение № 4. Схема-памятка, отражающая мемориальные образы Первой мировой войны и риторику прессы в межвоенный период (1918-1939 гг.)

Приложение № 5. Инфографика по истории Британского легиона межвоенный период деятельности (1921-1939 гг.)

Приложение № 6. Схема-памятка направлений деятельности Британского легиона на основе источников 1930-х гг.

Направления деятельности Британского легиона

✗ Из разрозненных сообществ ветеранов Британский легион превратился в организованную структуру, которая в 1930-х гг. стала обладать заметным влиянием в обществе

1 Помощь ветеранам войны в трудоустройстве

«Комитет Британского легиона в Уомбервелле выдвинул просьбу к городской администрации «учитывать интересы бывших военнослужащих при заполнении вакансий на рабочие места».

Penistone, Stocksbridge and Hoyland Express (20.07.1929)

2 Помощь в социальном обеспечении ветеранов и их семей

Комитет Британского легиона, созданный для изучения ветеранов-инвалидов, констатировал: «пришлось выделить дополнительно 30000 фунтов стерлингов для помощи ветеранам, страдающим от заболеваний хронического характера».

Western Daily Press and Bristol Mirror (07.01.1938)

«Легион – это третья линия обороны Британии»

Advertiser and Free Press (18.03.1939)

3 Организация культурно-досуговых мероприятий для семей ветеранов

«150 детей из деревни Фаррингтон Гурни были гостями местного отделения Британского легиона на рождественской ёлке, устроенной в зале “Красный треугольник” ... после чаепития каждый ребёнок получил подарок».

Western Daily Press and Bristol Mirror (07.01.1938)

4 Обращение к власти по вопросам помощи ветеранам

5 Организация мероприятий в области исторической памяти о мировой войне

«15 тысяч человек участвовало в трёхмильном шествии и митинге, проведёнными Британским легионом в Кембридже».

Saffron Walden Weekly News (29.06.1934)

6 Формирование практик коммеморации жертв и героев мировой войны в Англии

Парад Британского легиона в память о фельдмаршале Дугласе Хейге в Драйбургском аббатстве (кадр кинохроники, 1930 г.)

Посещение принцем Уэльским службы памяти Британского легиона в Кардиффском замке (кадр кинохроники, 1930 г.)

7 Развитие международных связей через ветеранские организации в других странах

«Стальной шлем»

«Тысячи немцев приветствуют шествие делегатов Британского Легиона с флагами в Берлине».

Newcastle Evening Chronicle (15.07.1935)

«Национальный союз комбатантов»

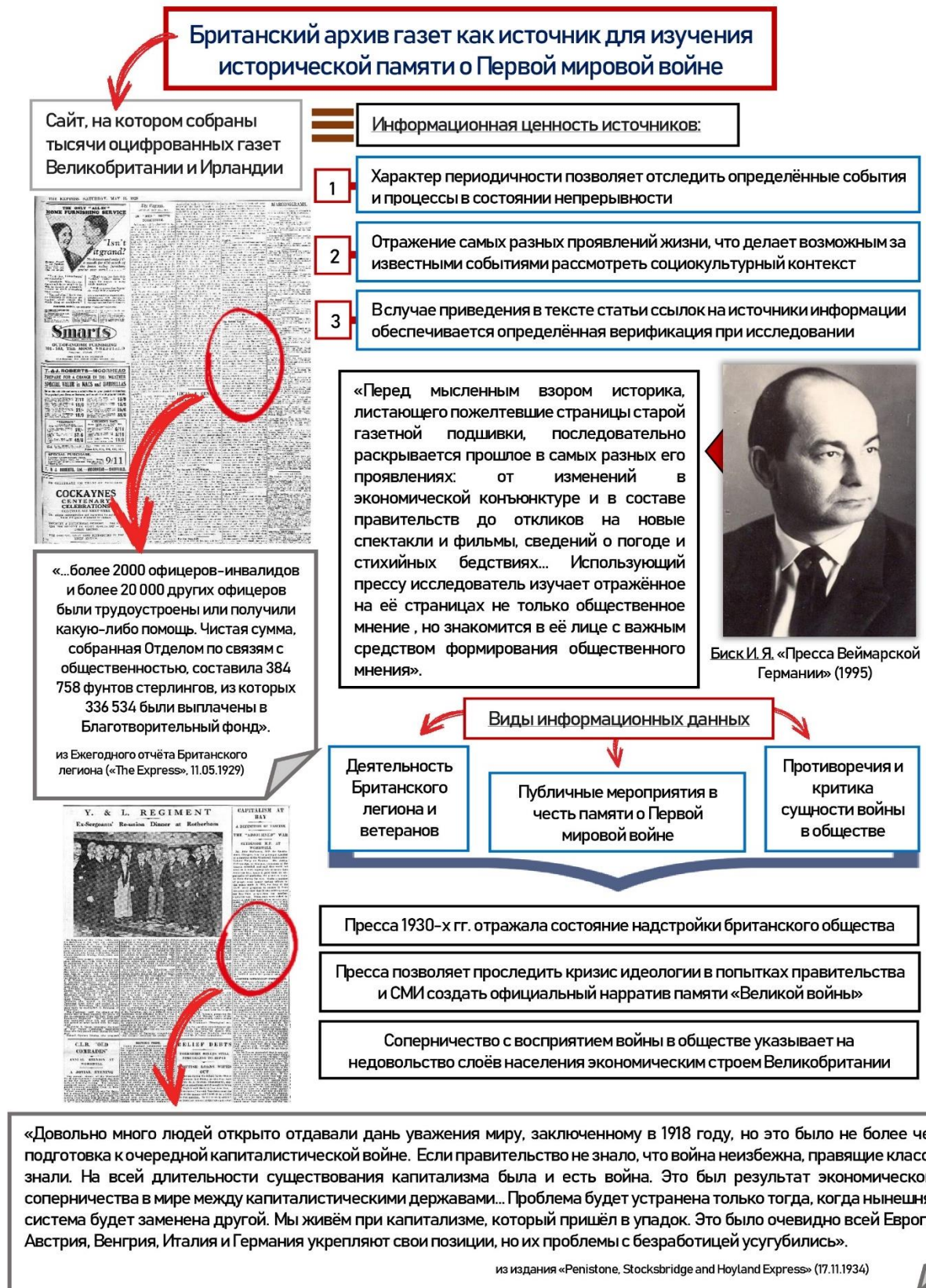
Франция и Великобритания собрались в качестве боевых товарищей по Великой войне. Представитель Легиона майор Фетерстон-Годли выступил со словами надежды на мир: «никто не хочет войны».

Edinburgh Evening News (08.08.1938)

✗ Создание сообществ людей, объединённых горьким опытом мировой войны, способствовало психологическому преодолению дальних последствий войны

В условиях международных кризисов 1938–1939 гг. члены Британского легиона могли играть роль дипломатических каналов для предварительных договорённостей государств по спорным вопросам и созданию военного союза.

Приложение № 7. Памятка по источниковедческому описанию материалов Британского архива газет

**Приложение № 8. Кадры кинохроники British Pathé с церемонии парада
11.11.1937**

Armistice Day at The Cenotaph (1937) // British Pathé. – URL:
<https://www.britishpathe.com/asset/43835/>

Приложение № 9. Фотография: О. Мосли (второй слева) рядом с ветераном с медалями среди митингующих в Лондоне; плакат «Остановить Россию сейчас», 1935 г.

Stringer. [Фотография] // Hulton Archive / Keystone (Editorial № 3252876). – 01.01.1935 (опубликовано 07.04.2004). – URL: <https://www.gettyimages.com/detail/news-photo/english-politician-and-leader-of-the-british-fascist-news-photo/3252876>